

А 240
261.

Я. Я. Полферовъ.

А 240
261

ОХОТА

ВЪ

ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТИ.

(съ рисунками).

Издание Тургайскаго Статистическаго Комитета.

ОРЕНБУРГЪ.

Типо-литографія П. Н. Жарнинова.

1896.

Я. Я. Полферовъ.

ОХОТА

ВЪ

ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТИ.

(съ рисунками).

Изданіе Тургайскаго Статистическаго Комитета.

О Р Е Н Б У Р Г Ъ.

Типо-литографія П. Н. Жарниова.

1896.

Отъ автора..		
Охота съ ловчими птицами		7.
Охота съ соколомъ		10.
» » ястребомъ		11.
» » кречетомъ		12.
» » беркутомъ		13.
Охота съ борзыми собаками		17.
» на волковъ		23.
» » лисицъ		38.
» » корсаковъ		45.
» » зайцевъ		48.
Ружейная охота		51.
Охота на кулановъ		54.
» » сайгаковъ		61.
» » дикихъ козъ		66.
» » кабановъ		69.
» » барсуковъ		72.
» » сурковъ		75.
» » хорьковъ		77.
» » горностаевъ		83.
Охота на птицъ		87.
» » гуся		95.
» » казару		101.
» » тетерева		104.
» » глухаря		114.
» » дрофу		116.

Охота на стрепетовъ	122.
» » фазана	124.
» » куропатовъ	126.
» » рябчика	129.
» » лебедя	131.
» » утокъ	133.
» » красную утку	136.
» » крохалей	137.

Отъ автора.

Предлагаемая благосклонному вниманію читателя книга написана мною по порученію Тургайскаго Областнаго Статистическаго Комитета, который нашелъ необходимымъ представить на Всероссійскую выставку, имѣющую быть въ 1896 году въ Нижнемъ-Новгородѣ, вмѣстѣ съ экспонатами охотничьяго отдѣла и очеркъ способовъ охоты въ Тургайской области.

Насколько удовлетворительно выполнена мною возложенная на меня задача—судить не мнѣ и я заранее извиняюсь передъ читателемъ за всѣ недостатки, которыхъ, конечно, не лишена моя книга и прошу къ нимъ снисхожденія.

Часть изъ описанныхъ въ настоящей книгѣ способовъ охоты, такъ—„охота съ ловчими птицами“, „охота на усей“, „охота на сайлаковъ“, „охота на корсаковъ“, „охота на волковъ“, „охота на дикихъ козъ“, „охота на тетеревовъ“, была помѣщена мною въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, въ періодъ 1892—1896 гг.; всѣ же остальные появляются въ печати въ первый разъ.

Настоящая книга представляетъ собою плодъ моихъ личныхъ наблюденій надъ охотничьей жизнью, дополненныхъ разсказами нѣкоторыхъ киргизовъ, пользующихся среди со-родичей извѣстностью, своей опытностью и глубокимъ знаніемъ мѣстной жизни. Особенно цѣнные указанія по данному вопросу доставилъ мнѣ мой постоянный спутникъ Сафа Арунгушевъ, которому я приношу свою глубокую признательность.

Г. Оренбургъ,
Апрѣль 1896 г.

Тургайская область является, по своему географическому положенію, ближайшею къ предѣламъ Европейской Россіи частью Азіи и занимаетъ сѣверо-восточную область Арало-каспійской низменности. Съ сѣвера она граничитъ Оренбургской губерніей, съ запада — Уральской областью, съ юга — Аральскимъ моремъ и Сырь-Дарьинской областью, на востокъ — Акмолинскою областью. Площадь, занимаемая Тургайской областью, простирается до 400830 квадратныхъ верстъ и такимъ образомъ можетъ сравниться по своей величинѣ съ Кавказомъ и Закавказьемъ вмѣстѣ.

Область представляетъ собой обширную равнину, прорѣзываемую въ юго-восточной части отрогами Губерлинскихъ и Мугоджарскихъ горъ. Горы эти не представляютъ собой непрерывнаго хребта, а состоятъ изъ ряда отдѣльныхъ возвышенностей, покрытыхъ кустарниками, съ многочисленными долинами, въ глубинѣ которыхъ шумно текутъ горныя рѣчки. Эти возвышенности оканчиваются покатостями, покрытыми высокимъ ковылемъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чащами лѣса. На югѣ характеръ мѣстности значительно измѣняется — здѣсь уже идетъ сплошная низменность, богатая безплодными солонцами и сыпучими песками. Изъ послѣднихъ особенно замѣчательны по величинѣ занимаемой площади — Большія и Малыя Барсуки. Растительность въ этой части чахлая и состоитъ почти исключительно изъ солянокъ и полыни, да и то успѣшно произрастающихъ только по берегамъ рѣкъ и озеръ.

Орошается Тургайская область обильною водною системою рѣкъ и озеръ. Изъ первыхъ слѣдуетъ отмѣтить рѣки: Уралъ, Тоболъ, Тургай, Джиланчикъ, Иртызь, Илекъ, Хобда, Оръ. Всѣ онѣ, исключая Урала и Тобола, носятъ характеръ степныхъ рѣкъ, отличительными свойствами которыхъ, какъ извѣстно, является тѣсная связь ихъ водности съ количествомъ атмосферныхъ осадковъ, а отсюда и рѣзкое колебаніе въ уровнѣ воды. Весной во время таянія снѣга и лѣтомъ въ періодъ усиленныхъ дождей, рѣки эти разливаются на необъятныя пространства и такъ сильно «гуляютъ», что на нѣсколько недѣль прекращается всякое движеніе. Но лишь только сойдетъ весенняя вода, стоитъ только мѣсяцъ постоять бездождью, какъ отъ этихъ широкихъ и многоводныхъ рѣкъ остаются жалкіе ручейки, прерываемые во многихъ мѣстахъ песчаными островками.

Озера представляютъ собой громадныя водныя бассейны, питающіе и принимающіе не мало рѣкъ и ручьевъ. Пологіе берега озеръ поросли высокимъ тростникомъ, густыми зарослями тальника, а выше—обведены широко-стебельной осокой, точно зеленымъ бордюромъ. Вода въ этихъ озерахъ, начиная отъ береговъ, собирается сначала въ мелкія лужи, мочажины, а къ срединѣ сразу открывается громаднымъ плесомъ, непомѣрной глубины и сплошь до самого дна пронизаннымъ водорослями.

Главнымъ элементомъ населенія Тургайской области являются киргизы—кочевой народъ тюркскаго племени, а въ послѣднее время появились русскіе переселенцы, занимающіеся хлѣбопашествомъ.

Тургайская область является одной изъ богатыхъ по фаунѣ мѣстностей Средней Азіи. Ея безпредѣльныя ковыльные степи питаютъ на своихъ тучныхъ пастбищахъ несметныя табуны *кулановъ*, стада *сайгаковъ*, въ камышевыхъ заросляхъ и лѣсныхъ чащахъ обитаютъ дикій ка-

банъ, корсакъ, горностай, ласка, лисица, заяцъ, волкъ, хорекъ, а по песчанымъ бурунамъ и солонцамъ немолчнымъ свистомъ оглашаютъ степь сурокъ и сусликъ.

Рѣки, озера, болота, мачежины, богатые рыбой, червяками, водорослями и тучной болотной растительностью, защищенные со всѣхъ сторонъ густымъ тальникомъ, камышемъ и осокой, сплошь покрыты утками, гусями, бекасами, дупелями, гаршнепами, водяными курочками, лысухами и другими многочисленными куликовыми породами. Возвышенныя и холмистыя мѣста, покрытыя высокимъ ржанникомъ, бобовникомъ, чилигой, тонконогомъ, изобилуютъ дрофами, фламинго, ржанками стрепетами, турухтанами, куропатками и кроншнепами. Лѣса съ большими просѣками, поросшими молодымъ ивнякомъ, осинникомъ и ольховникомъ, пріютили семьи тетеревъ, глухарей, вяхирей, рябковъ (сѣрая куропатка), горлицъ и вальдшнеповъ. Въ лугахъ-же съ роскошной растительностью идетъ настоящая музыка—коростель задорно «дергаетъ», точно по зубцамъ гребенки проводитъ своимъ носомъ, кулики-сорки и кроншнепы стайками носятся въ воздухѣ, издавая жалобные звуки. На страстный порывистый призывъ перепела слышится томный и нѣжный откликъ перепелки....

Такимъ образомъ, Тургайская область, какъ по своимъ физическимъ свойствамъ поверхности, проявляющимся то въ монотонной и однообразной равнинѣ, покрытой высокимъ ковылемъ и чащами лѣса, то въ прерываемой долинами цѣпи холмистыхъ возвышенностей и горныхъ кряжей, а также и по богатству представителей фауны, безусловно можетъ стать въ ряду мѣстностей, въ которыхъ охота, какъ страсть и какъ промыселъ, должна широко развиваться.

До прихода киргизовъ тургайскія степи были мало-

обитаемы, такъ какъ кочующія здѣсь калмыцкія племена не заходили въ глубь къ югу, а ютились ближе къ своимъ сородичамъ, обитавшимъ въ предѣлахъ Астраханской, Донской и Ставропольской губерній. Обширныя пространства, къ югу отъ рѣки Урала, съ большими чащами лѣсовъ, оставались незанятыми, ихъ безмолвная тишина рѣдко нарушалась звуками человѣческой жизни и эти мѣста служили сборными пунктами животной жизни. Кромѣ того калмыки, какъ въ силу своихъ религіозныхъ воззрѣній, такъ и по складу жизни не были особенными почитателями охотничьяго культа и страсть охотничья, которая охватывала въ то время всѣ монгольскія племена, была повидимому имъ чужда. По крайнѣй мѣрѣ на развитіе послѣдней мы невидимъ никакихъ указаній, какъ изъ памятниковъ прошлаго, такъ и изъ современныхъ наблюденій надъ бытомъ калмыковъ. Правда, въ тургайской степи попадаются могилы и развалины, въ которыхъ имѣются указанія, въ видѣ надписей, на то, что и во время владычества калмыковъ охотничій культъ не былъ въ упадкѣ, но это скорѣе относится къ явленіямъ случайнаго или, какъ выразился небезызвѣстный изслѣдователь степи Мееръ, заноснаго характера.

Аборигены сосѣдней горной полосы—башкиры, издавна извѣстные за страстныхъ охотниковъ, не могли, конечно, не обратить вниманія на безпредѣльно раскинувшіяся до Аральскаго моря степи, богатая такой драгоценною дичью, какъ сайгакъ, архаръ и куланъ и они спускались въ тургайскія степи, заходили въ глубь ихъ лѣсовъ, а на мѣста, наиболѣе богатые звѣрями, прибивали цѣлыми аулами и оставались на мѣстѣ по нѣскольکو лѣтъ. Вотъ эти-то охотники-башкиры и оставили слѣды охотничьяго культа, сохранившіеся до нашего времени. Подтверждается это происхожденіемъ самихъ названій и характеромъ надписей и рисунковъ, а также и

легендами, какъ напримѣръ, о двухъ охотникахъ башкирахъ «кос-истекъ».

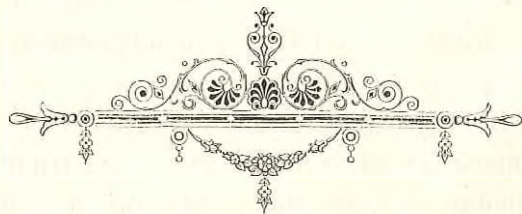
Когда же степь отъ Аралья до Урала была занята новымъ народомъ, киргизами—племенемъ свободнымъ и подвижнымъ, охотничій культъ высоко сталъ почитаться и сталъ однимъ изъ главныхъ жизненныхъ моментовъ тургайскаго кочевника-киргиза. Съ этого-же времени мы постоянно наталкиваемся въ киргизскихъ памятникахъ на указанія о высокомъ развитіи среди населенія охоты. Такъ, стѣны могильныхъ сооружений, расположенныхъ въблизи бывшихъ лѣсовъ, не рѣдко испещрены изображеніями борзыхъ собакъ, ловчихъ птицъ, а на одной изъ плитъ могилы Бай-Тамъ видны слѣды изображенія киргиза-охотника съ беркутомъ на рукѣ и колчаномъ, полнымъ стрѣлъ за спиною.

Самыми распространенными въ то время способами охоты были:—охота съ ловчими птицами и съ борзыми, а оружіемъ—стрѣлы съ мѣдными и желѣзными наконечниками. По преданію, а позднѣе и по указаніямъ нѣкоторыхъ изслѣдователей степи, всѣ празднества обязательно имѣли въ своей программѣ охоту съ ловчими птицами, все свободное время (а у прежняго кочевника его было очень-очень много) проводилось въ охотничьихъ экскурсіяхъ, а въ пѣсняхъ и сказкахъ только и говорилось объ охотѣ. Въ то время киргизы еще не знали зависимости. Занятые ими ковыльные степи, раскинувшіяся на тысячи верстъ кругомъ, были покрыты многочисленными стадами скота, табунами лошадей, стадами овецъ, ихъ жизнь была полна разнообразныхъ развлеченій, изъ которыхъ любимымъ—была охота съ соколомъ и ястребомъ. Но проходили вѣка и неряшливое отношеніе къ жизни, прочныя цѣпи косности и фанатизма, лѣнь и недалновидность, освященные обычаями и исламомъ, постепенно отодвинули довольство кочевника, довели этого

сына вольной степи до объѣденія и полная удовольствій жизнь отошла въ область пріятныхъ преданій, передаваемыхъ новому поколѣнію народными пѣвцами. Жизнь современнаго киргиза полна заботъ о насущномъ хлѣбѣ и является яркую картину неравной борьбы народа—ребенка съ суровой и неумолимой въ своихъ ужасахъ нуждой. А при подобной жизненной обстановкѣ о развлеченіяхъ не можетъ быть и рѣчи.

Охотничій культъ у современнаго кочевника совершенно измѣнилъ прежній отгѣнокъ забавы, развлеченій и благородной страсти, а принялъ характеръ промысла и самозащиты, при чемъ естественно выдвинулись тѣ способы и приемы охоты, которыя даютъ не впечатлѣнія рельефныя, не прелесть удовольствія, а большой ловъ. Особенно рѣзко сказанъ упадокъ на охотѣ съ ловчими птицами, которая, конечно, только и можетъ служить одной забавой, но никакъ не доходной статьей. Въ настоящее время этотъ родъ охоты удѣлъ зажиточныхъ кочевниковъ, служить мѣриломъ богатства, довольства и почета.

Сдѣлавъ этотъ бѣглый очеркъ постепеннаго развитія въ тургайской степи охотничьяго культа, коснувшись измѣненія характера охоты подъ давленіемъ социально-экономическихъ условій мѣстной жизни, я перейду къ описаніямъ современныхъ способовъ охоты, встрѣчающихся въ нашей степи, причемъ начну съ охоты съ ловчими птицами, какъ съ самаго древняго и когда-то страстно любимаго кочевниками.

ОХОТА СЪ ЛОВЧИМИ ПТИЦАМИ.

Охота съ ловчими птицами, если не считается первымъ и древнѣйшимъ способомъ добыванія пернатой дичи, то во всякомъ случаѣ исторія ея начинается съ глубокой старины—до начала христіанства. Такъ, безызвѣстные греческіе историки Ктезій и Эмонъ, жившіе за 400 лѣтъ до Рождества Христова, упоминаютъ объ охотѣ съ хищными птицами у индійскихъ жителей. Отъ послѣднихъ эта охота проникла въ Персію, а отсюда занесена и на Балканскій полуостровъ. Первое упоминаніе о появленіи у грековъ соколиной охоты мы находимъ у Агистотеля, который свидѣтельствуетъ, что въ царствованіе Александра Македонскаго фракійцы употребляли для охоты хищныхъ птицъ. Отъ фракійцевъ соколиную охоту заимствовали, по словамъ Гена, кельты—самое древнее и самое охотничье европейское племя. Сидоній Апполинарій (430—489) вскользь упоминаетъ о соколиной охотѣ у римлянъ: «никто не былъ искуснѣе моего друга Векціуса въ обученіи собакъ и соколовъ». Въ эпоху великаго переселенія народовъ—IV и V вѣковъ охота съ ловчими птицами получила распространеніе по всему европейскому матеріку.

Въ Россію охота съ ловчими птицами занесена южными славянами, а также вѣроятно заимствована отъ половцевъ и печенѣговъ, на что имѣются указанія въ древнихъ былинахъ. Но первые письменные источники о со-

колиной охотѣ мы находимъ только во времена Владимира Мономаха, который въ своемъ завѣщаніи упоминаетъ «о соколѣхъ и ястребѣхъ» (*).

Ловчими птицами у киргизовъ являются: *соколъ, ястребъ, кречетъ и беркутъ*. Главною заботою каждаго охотника служить прежде всего поимка этихъ хищниковъ, а потомъ прирученіе и обученіе.

Первыхъ трехъ птицъ ловятъ очень просто. Выбирается открытое, поросшее невысокой травой или мелкимъ кустарникомъ мѣсто, на которомъ натягиваютъ небольшую четырехугольную сѣтку, прикрѣпленную къ землѣ четырьмя колышками. Подъ сѣткою къ кустарнику, или къ травѣ привязываютъ одну изъ мелкихъ птицъ, составляющихъ лакомое блюдо для пернатыхъ хищниковъ. Ястребъ, соколъ и кречетъ, замѣтивъ добычу, стремглавъ бросаются и запутываются въ сѣти. Много труднѣе ловля беркута. Добыть его молодымъ, когда онъ еще только начинаетъ перелетать, весьма легко, но въ неволѣ эта птица быстро хирѣетъ и, недостигнувъ возмужалаго возраста, погибаетъ. Поэтому кочевники избѣгаютъ прирученія для охоты молодыхъ беркутовъ, а стремятся поймать въ возрастѣ одного—двухъ лѣтъ. Для этого плетутъ изъ толстыхъ шерстяныхъ нитокъ круглую сѣть, прочно укрѣпляютъ ее на нѣсколькихъ кольяхъ вблизи излюбленныхъ беркутами мѣстъ и кладутъ подъ сѣтку убитаго зайца или суслика. Но и тутъ часто случается, что сѣтка не выдерживаетъ отчаянныхъ усилій хищника: богатыря и не успѣетъ птицеловъ подскочить, какъ онъ съ глухимъ крикомъ поднимается въ высь.

Первой и самой важной заботой охотника послѣ по-

(*) Эта краткая историческая справка заимствована изъ труда Л. Сабаньева „Собаки для охоты на птицу“.

имки хищника является прирученіе послѣдняго только къ нему одному. Съ этою цѣлью всѣ попеченія о птицѣ онъ всецѣло принимаетъ на себя, кормитъ изъ своихъ рукъ, не допускаетъ любопытныхъ и, подавая пищу, постоянно твердитъ какую-нибудь кличку. Пища въ первую недѣлю исключительно состоитъ изъ тщательно вымоченнаго впродолженіе сутокъ въ горячей водѣ мяса, по возможности лишеннаго жира. Отъ этого мясо принимаетъ совершенно бѣлый цвѣтъ и видъ какого-то волокна, теряя лучшія питательныя вещества. Съ каждымъ днемъ порція такой пищи урѣзывается и доходитъ наконецъ до 2 золотниковъ. Послѣ этого птицѣ силою начинаютъ давать соль въ количествѣ 1—3 золотниковъ, чтобы вызвать рвоту. Наступаетъ полное истощеніе и хищникъ, мучимый голодомъ, готовъ растерзать даже своего хозяина, чтобы хотя немного утолить страшныя муки голода, но легкіе удары по клову и грозный окрикъ властелина удерживаютъ невольника на мѣстѣ.

Доведенная такимъ образомъ до изступленія, птица пробуется въ полѣ. На голову хищника надѣвается кожаный колпачекъ, закрывающій глаза, чтобы устранить его порывы при видѣ первой-же птицы и не вызывать напрасно еще большихъ мученій голода. При помощи привязаннаго къ сѣдлу барабана спугивается дичь, колпачекъ тотчасъ снимается и хищникъ быстро подбрасывается вверхъ. Съ остервененіемъ бросается онъ на дичь, мгновенно убиваетъ ее и готовится уже насладиться вкуснымъ мясомъ дичины, но подоспѣвшій охотникъ безцеремонно отрываетъ его отъ добычи, вторачиваетъ послѣднюю къ сѣдлу, а ловцу даетъ кусочекъ мозга убитой птицы и снова продолжаетъ путь. Какимъ вкуснымъ, лакомымъ оно кажется хищнику, изморившемуся на безвкусномъ, противномъ мясѣ?!... Быстро проглатываетъ онъ мозгъ, ждетъ еще, но... дичь давно второчена, а аше-

титъ только раздраженъ. Но вотъ новая дичь и хищникъ съ прежнимъ остервененіемъ беретъ ее.

Этого первого урока въ полѣ достаточно вполнѣ, чтобы ловчая птица примирилась съ своею подневольною участію.

Охота съ соколомъ.

Любимою ловчею птицею у киргиза является *соколъ*, такъ какъ онъ скорѣе привыкаетъ, удачнѣе беретъ мелкую дичь и проворенъ на полетѣ.

Осторожно подѣзжаетъ охотникъ-киргизъ къ ближайшему среди зеленыхъ зарослей камыша плесу степной рѣчки, или озеру и, поднявшись на стременахъ, внимательно высматриваетъ дичь. Лишь только онъ замѣтитъ послѣднюю, какъ ударяетъ въ барабанъ и снимаетъ съ головы сокола *количакъ*. Всполошилось пернатое царство, закрикало, зашумѣло и неохотно поднялось съ плеса. Охотникъ быстро равняется на своемъ аргамакѣ со стаяей и ловко подбрасываетъ сокола вверхъ. Точно стрѣла взвивается послѣдній и намѣтивъ себѣ жертву быстро начинаетъ описывать надъ нею кругъ, со свистомъ разсѣкая воздухъ своими красивыми длинными крыльями. Наступаетъ моментъ самыхъ разнообразныхъ сильныхъ ощущеній, которымъ поддается въ это время охотникъ-киргизъ. Чудится въ немъ богатырская мощь, сознание могущества, открытый вызовъ на борьбу и вмѣстѣ съ тѣмъ жалкій страхъ испуганной птицы, ея наивныя ухищренія избѣжать удара...

Соколъ постепенно начинаетъ сокращать діаметръ своихъ воздушныхъ круговъ, поднимаясь все выше и выше. Намѣченная хищникомъ птица все это время точно очарованная, не можетъ вырваться изъ этихъ заколдованныхъ круговъ, не въ силахъ спуститься въ камышъ и спрятаться въ его заросляхъ—какая-то невѣдомая сила

удерживаетъ ее на взлетѣ и отдаетъ въ игру сильному врагу. Наконецъ, соколъ паритъ уже въ туманной выси, превращается въ точку и исчезаетъ въ облакахъ, но это на мигъ. Точно молнія бросается онъ внизъ прямо на жертву, которая въ этотъ моментъ какъ будто замерла, нервно трепетая крыльями, бьетъ ее своею могучею грудью и сильными когтями. Съ жалобнымъ крикомъ падаетъ пораженная птица, а соколъ, издавъ глухой побѣдный звукъ, садится на нее и, прокусивъ шею своимъ единственнымъ зубомъ, прекращаетъ конвульсивныя движенія своей жертвы.

Соколъ пускается исключительно на мелкую дичь—утокъ, казару, куликовъ, куропатокъ; крупную же дичь онъ рѣдко беретъ удачно и скоро устааетъ отъ своихъ полетовъ и отъ ударовъ грудью. Послѣдніе рѣдко кончаются переломами ключицы, особенно если соколъ ударитъ въ крѣпкостную дрофу.

Охота съ ястребомъ.

Ястребъ, хотя и не такъ проворенъ на полетѣ, какъ соколъ, но за то хорошо беретъ крупную дичь, особенно *дрофу*.

Замѣтивъ семью дрофъ, охотникъ осторожно и далеко стороною подѣзжаетъ къ ней. Но чуткая птица давно замѣчаетъ его маневръ и тревожно поворачиваетъ длинную шею. Какъ только разстояніе между охотникомъ и дичью сократится до 200—300 шаговъ, первый сразу пускаетъ своего коня въ карьеръ и не успѣютъ ошеломленные птицы подняться, какъ къ нимъ стрѣлой несется брошенный на скаку ястребъ. Глубоко въ грудь вонзаетъ хищникъ свои острые когти, рветъ нѣжную кожу, а клювомъ наноситъ въ голову удары. Распластавъ крылья, дрофа падаетъ на землю, присѣдаетъ и тупо поводитъ глазами, не дѣлая ни малѣйшей попытки къ спасенію.

Ястребъ тотчасъ-же опускается на жертву и новымъ ударомъ прекращаетъ еще таившуюся въ ней жизнь.

Охота съ кречетомъ.

Охота съ кречетомъ еще болѣе рѣдкое явленіе въ степи, чѣмъ только что описанныя охоты съ соколомъ и ястребомъ. Причиной этому служитъ главнымъ образомъ крайне малое распространеніе этого вида ястреба, а отсюда и страшная дороговизна его (150—200 руб.) Но вмѣстѣ съ тѣмъ кречетъ единственная ловчая птица, которая можетъ брать степного гуся—эту любимую и цѣнную дичь.

Съ тревожнымъ, сердитымъ гоготаньемъ летитъ поднятый гусь и зорько слѣдитъ за скачущимъ охотникомъ.. Вотъ онъ взмахнулъ гибкими крыльями, описалъ дугу, но... съ свистомъ летитъ къ нему стальной красавецъ и готовить свои смертоносные когти. Но и гусь не дремлетъ... Лишь только кречетъ настигаетъ его, готовъ уже броситься, онъ быстро измѣняетъ полетъ подъ острымъ угломъ и больно ударяетъ жесткимъ крыломъ по промахнувшемуся хищнику. Остервенился кречетъ... Взмахнулъ разъ-другой своими короткими крыльями, вытянулъ впередъ когти и вмгъ нагоняетъ гуся. Послѣдній снова пробуетъ повторить прежній маневръ, но и кречетъ наученъ своимъ первымъ промахомъ—въ моментъ поворота гуся онъ, какъ молнія, дѣлаетъ противоположный направленію гуся изгибъ и прямо въ грудь вонзаетъ свои когти. Летятъ по воздуху пухъ, перья и враги, точно камень, падаютъ на землю. Съ крикомъ бьетъ крыльями раненный гусь, больно щиплетъ кречета своимъ крѣпкимъ носомъ, съ злымъ урчаніемъ рветъ хищникъ грудь жертвы. Благодаря такому энергичному отпору гуся, нерѣдки случаи увѣчья послѣднимъ молодымъ, еще не опытныхъ въ охотѣ, ловчихъ птицъ, особенно ястреба и соко-

ла. Поэтому киргизы-охотники никогда непускаютъ этихъ ловчихъ птицъ на гуся, только кречетъ беретъ послѣдняго, да и то иногда дорого обходится ему побѣда. Не разъ приходилось видѣть кречетовъ съ вывихнутыми когтями, ушибленнымъ крыломъ, помятою грудью и съ многочисленными синяками по тѣлу отъ жгучихъ щипковъ гуся. Опытный охотникъ никогда не пуститъ кречета въ одну охоту на нѣсколькихъ гусей—одинъ, самое большее, два берутся имъ, такъ какъ на эту борьбу тратится хищникомъ громадный запасъ силъ, энергіи.

Охота съ беркутомъ.

Охоту съ беркутомъ только и можно встрѣтить у киргизъ, кочующихъ въ юго-восточной гористой мѣстности Тургайской области, а особенно развита она у такъ называемыхъ «дикокаменныхъ» киргизъ, населяющихъ отроги ала-таускихъ горъ. При этомъ охота съ беркутомъ въ этой мѣстности носитъ уже характеръ промысла, дающаго довольно видное подспорье къ скудному бюджету кочевника.

Охотятся съ беркутомъ на лисицу, корсака, зайца, хорька и горностая. Послѣднихъ трехъ хищникъ беретъ безъ труда и въ удачный день охотникъ едва успѣваетъ вторачивать этихъ звѣрковъ. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ охотой на лисицу и корсака. Прежде всего эти животныя крайне хитрыя, осторожныя, а когда нѣтъ имъ спасенья—злы, жестоки, отчаянны и бываютъ опасны для самого охотника.

Охота съ беркутомъ никогда не бываетъ одиночной, а собирается цѣлая кавалькада охотниковъ съ егерями и загонщиками. Оцѣпивъ небольшое ущелье, или долину, въ которой замѣчено присутствіе лисицъ, или корсаковъ,

охотники занимаютъ болѣе удобныя для наблюденія мѣста, а загонщики разсыпаются по долинамъ. Не долго приходится ждать—потревоженные звѣри выбѣгаютъ на открытое мѣсто и пугаемые загонщиками близко подходятъ къ притаившимся на холмахъ охотникамъ. Въ это время беркутомъ начинается овладѣвать беспокойство—то онъ вытянетъ свою шею и внимательно вслушивается въ отдаленный шумъ загонщиковъ, то, скосивъ глаза, смотреть внизъ и нервно подергиваетъ крыльями. Охотникъ внимательно слѣдитъ за всѣми движеніями беркута, зорько всматривается по тому направленію, куда устремляетъ свой острый взоръ хищникъ. По этимъ движеніямъ онъ не только судить о присутствіи въ обложенной долиной звѣря, но и о близости его. Вотъ беркутъ присѣлъ на рукѣ охотника, слегка распустилъ богатырскія крылья и чуть-чуть зашевелилъ клювомъ—у подножья холма тихо пробирается звѣрь, надѣясь обмануть бдительность птицы. Охотникъ спускаетъ съ руки беркута и самъ бросается въ слѣдъ за нимъ. Шарахнувшись звѣрь, завертѣлся по долине, описывая зигзаги, но беркутъ не поддается на обманъ и, улучивъ удобный моментъ, стрѣлой бросается на звѣря, вонзаетъ когти одной ноги въ глазъ, другой въ бокъ и начинаетъ наносить страшные удары по головѣ и шеѣ. Завязывается отчаянная борьба, но удачная хватка беркута не позволяетъ звѣрю сбросить его, а подоспѣвшій охотникъ ударомъ толстой нагайки на смерть валитъ звѣря. Но такая охота рѣдко проходитъ даромъ киргизу-охотнику. «Кинувъ беркута, киргизъ, въ приливъ охотничьяго задора, не видя свѣта, мчится за нимъ полнымъ карьеромъ по карнизу скалы, скачетъ черезъ оврагъ, черезъ кустарникъ, въ пропасть, припадая къ гривѣ коня, лѣпится по крутизнамъ, опять бѣшено несется, наскакивая по дорогѣ на острые ребра скалы, пропарываетъ или животъ лошади или калѣчитъ ей ноги, разбивается самъ,

вылетая изъ сѣдла на полномъ ходу, падаетъ въ растяжку на плитнякъ, теряетъ сознаніе». *)

Иногда смѣлый беркутъ налетаетъ на волка, бьетъ его по головѣ, выцарапываетъ глаза и совсѣмъ не даетъ ходу, такъ что подоспѣвшій охотникъ свободно убиваетъ этого хищника.

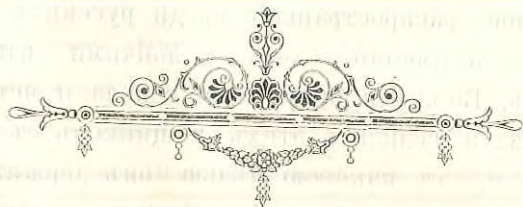
Охота съ ястребомъ, соколомъ и кречетомъ начинается съ половины октября, когда пернатые часто собираются въ стайки, готовясь въ далекій путь, и продолжается до перваго снѣга. Съ беркутомъ-же начинаютъ охотиться по снѣгу, приблизительно съ конца ноября и продолжаютъ до февраля, если только позволяетъ глубина снѣга.

У киргизовъ, кочующихъ въ юго-восточной части области и по южнымъ плавнямъ, характеръ охоты съ ловчими птицами носитъ нѣсколько иной оттѣнокъ. Здѣсь мы наталкиваемся на способъ охоты, который имѣлъ когда то сильное распространеніе среди русскихъ степныхъ охотниковъ, а именно—охота съ ловчими птицами изъ подъ собакъ. Во время прирученія сокола и ястреба охотникъ заботится сблизить этихъ хищниковъ съ охотничьими собаками, съ каковою цѣлью онъ держитъ ихъ въ постоянномъ сообществѣ съ послѣдними, время отъ времени садитъ на спину. Быстро свыкаются птицы съ собаками и при первой же пробѣ въ полѣ дружно и смѣло берутъ зайца, лисицу, волка и пернатую дичь. Дѣло охотничьей собаки отыскать и спугнуть дичь, а ловчей птицы—большинхъ звѣрей, какъ лисицу и волка—задержать, а пернатую дичь—убить. Отъ подсоколей собаки требуется короткій поискъ, при которомъ она далеко не уходитъ отъ охотника, а также эта собака не должна бросаться въ слѣдъ спугнутой дичи, кромѣ, конечно, ли-

(*) Н. Н. Мельниковъ „Рус. Охотникъ“ 1895 г.

сиць и волковъ, иначе только будетъ мѣшать ловчей пти-
цѣ. Охота съ ловчими птицами при помощи собакъ всег-
да бываетъ обильна удачей и вся пройденная охотника-
ми мѣстность буквально очищается отъ дичи.

У киргизъ-же, кочующихъ вблизи плавней и озеръ,
покрытыхъ густыми зарослями камыша, собакъ замѣня-
ютъ *каюки* (лодки примитивнаго устройства). Киргизы
съ ловчими птицами въ рукахъ располагаются вокругъ
какого нибудь плеса, а загонщики садятся въ лодки и
начинаютъ бить въ бубны, шумѣть, свистать и такимъ
образомъ поднимаютъ съ воды всю дичь, которую и под-
бираютъ соколы, ястребы и кречеты.

ОХОТА СЪ БОРЗЫМИ СОБАКАМИ.

Въ настоящее время наиболѣе распространеннымъ
способомъ охоты у киргизовъ является охота съ борзыми
собаками. Объяснить это только и возможно тѣмъ измѣ-
неніемъ экономического быта и внѣшнихъ условій, кото-
рыя мы наблюдаемъ за послѣднее время въ жизни ко-
чевника. Охота, какъ страсть, не можетъ уже имѣть мѣ-
ста тамъ, гдѣ царствуетъ вѣчная забота о насущномъ
хлѣбѣ, гдѣ приходится единственную лошадь беречь для
самыхъ необходимыхъ хозяйственныхъ цѣлей, а не упо-
треблять для забавы. Кочевникъ въ основу своихъ охот-
ничьихъ экскурсій, въ основу современнаго охотничьяго
культа въ степи кладетъ не пріятное развлеченіе, не ми-
лую забаву, заповѣданную ему традиціями и завѣтами
предковъ, а средство улучшить свое матеріально положе-
ніе или пополненіемъ скуднаго бюджета продуктами охо-
ты, или огражденіемъ своего скота отъ страшныхъ вра-
говъ — хищныхъ звѣрей. Отсюда вполне естественна и смѣ-
на орудій и способовъ охоты — стрѣлу замѣнило ружье,
ногайка, ловчую птицу — собака, а быстроногаго аргамака
— обыкновенная киргизская лошадь.

Еще въ отдаленныя времена съ именемъ киргиза не
разрывно связано понятіе о кочевой жизни, скотоводствѣ,
быстроногомъ аргамакѣ и собакѣ. Послѣдняя даже смѣло
можетъ претендовать на болѣе древнюю дружбу съ ко-
чевникомъ, такъ какъ до проникновенія въ среду послѣд-

ного пастушеского образа жизни, она служила ему вѣрнымъ и надежнымъ помощникомъ въ ловлѣ звѣрей, которая являлась въ то время единственнымъ источникомъ къ существованію. Съ наступленіемъ же скотоводческаго періода собака заняла въ экономической жизни киргиза иное назначеніе—пастуха и сторожа его стада. Когда же въ кругъ забавъ и развлеченій степняка-киргиза вошла и охота съ ловчими птицами, то и на ряду съ овчарками, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ горной и лѣсистой полосы тургайской степи, выработался типъ собаки «подъсококольей». Обязанность послѣдней состояла въ спугиваніи птицы, въ выслѣживаніи ея и въ вытаскиваніи изъ воды, зарослей и скалистыхъ мѣстъ убитой дичи. Этотъ типъ киргизской «подъсококольей» собаки созданъ, по удостовѣренію Левшина, изъ помѣси туркменской собаки (тазъ) съ мѣстной овчаркой, изъ которой впоследствии уже и выработалась порода киргизской борзой собаки. Извѣстный степной охотникъ И. Мельниковъ удостовѣряетъ въ свою очередь, что степная борзая собака—«тазъ» или «тазый» есть ничто иное, какъ выродокъ персидской собаки.

Киргизская борзая собака высокаго роста—80—85 см. въ плечѣ, съ длинною тонкою мордой, большими, навывкатѣ, умными глазами, сильно худощава; животъ подтянутъ, грудь широкая съ рѣзко выдающимся нижнимъ краемъ и сильно развитымъ соколкомъ. Ноги длинныя, тонкія, съ рельефно очерченными мускулами; хвостъ тонкій, прямой. Цвѣтъ шерсти палевый или черный съ желтыми подпалинами.

Киргизскія борзые дѣлятся на *степныхъ* и *горныхъ*, которыя произошли, конечно, отъ одной и той же породы, но родъ охоты и физическія свойства мѣстностей охоты не могли не отразиться на породѣ и тѣмъ самымъ положили начало разницѣ между борзыми степной и горной полосы. Степная борзая выше ростомъ, съ болѣе рѣзко

очерченными на груди мускулами, сильно, быстро и свободно одна беретъ волка, почему киргизы и называютъ ее „волкодавомъ“. Горная борзая меньше ростомъ, слабосильнѣе, болѣе худощава, одна на волка нейдетъ, но зато съ одинаково прекраснымъ тономъ и въ горахъ и на открытой равнинѣ, между тѣмъ степная борзая совсѣмъ не годится въ скалистыхъ мѣстностяхъ, такъ какъ скоро устаеетъ и часто подвергается ушибамъ (Мельниковъ).

Весьма не безынтересны данныя о киргизской борзой г. М. Богданова, такъ онъ пишетъ: «Борзые Арало-Каспійскихъ степей распадаются, на двѣ породы, на которыхъ, какъ на лошадяхъ этой страны, рѣзко отразился характеръ и культъ ихъ хозяевъ. У лѣниваго, туповатаго киргиза, обладателя огромныхъ табуновъ лошадей, стадъ овецъ, борзая собака отличается грубостью формъ и недостаткомъ породистости. Очертить фizioномію киргизской борзой очень трудно, потому что на пространствахъ обширныхъ равнинъ, занимаемыхъ киргизами, собаки ихъ представляютъ множество мѣстныхъ разновидностей, смѣшанныхъ и перепутанныхъ между собой. Между борзыми киргизъ цѣнить и бережетъ собакъ болѣе рѣзвыхъ, помистыхъ, сильныхъ, но подборомъ производителей и строгимъ скрещиваніемъ лучшихъ экземпляровъ киргизскіе спортсмены сильно грѣшатъ. По этому между киргизскими борзыми встрѣчается не мало *выборзковъ* съ явными слѣдами примѣси дворовыхъ собакъ и очень-очень рѣдко собаки болѣе или менѣе чистой крови».

Борзая собака для киргиза является лучшимъ и неизмѣннымъ другомъ, какъ и быстроногій арабъ для бедуина. Пословица, о которой упоминаетъ Брэмъ, а именно: «хорошій соколъ, быстрая собака, благородный конь болѣе цѣнны, чѣмъ двадцать женъ», вполне примѣнима здѣсь, для выраженія той дружбы, которая существуетъ у киргиза-охотника съ его собакой. Послѣдняя не только по-

могаетъ ему въ промыслѣ, дѣлать его тяжелую, полную долгихъ лишеній кочевую жизнь, но и доставляетъ удовольствіе въ своемъ красивомъ гонѣ за звѣремъ, пробуждаетъ въ немъ забытую страсть предковъ и вмѣстѣ съ богатою добычей, онъ получаетъ сильное и пріятное впечатлѣніе. Поэтому воспитаніе борзой вызываетъ со стороны киргиза массу самыхъ нѣжныхъ заботъ, безпрестанныхъ хлопотъ. Воспитать хорошую борзую—это гордость киргиза и онъ ревниво оберегаетъ ее отъ всѣхъ неблагоприятныхъ условий, такъ или иначе могущихъ отозваться на воспитаніи собаки. Когда послѣдняя достигаетъ 5—6 мѣсяцевъ, киргизъ выпускаетъ ее въ поле на пробу вмѣстѣ съ старой борзой и исключительно на мелкихъ звѣрковъ—тушканчика, хорька, мышей. Съ перваго же поля борзая приучается къ своркѣ, къ командѣ. По достиженіи 7—8 мѣсяцевъ борзая выпускается въ поле за зайцами, охота на которыхъ уже значительно труднѣе и служить самымъ важнымъ опредѣлителемъ достоинства собаки, какъ борзой. Здѣсь далеко недостаточно одной быстроты, а необходимо еще умѣть зорко слѣдить за всѣми маневрами русака, не такъ-то простоватого, какъ думаютъ многіе охотники и это собственно составляетъ одно изъ цѣнныхъ достоинствъ гона и вполне обезпечиваетъ успѣхъ послѣдняго. Борзая, не натаканная подобнымъ образомъ, никогда не возьметъ стараго звѣря и при первомъ его крутомъ поворотѣ—проскочить мимо, хотя бы съ мѣста и взяла хорошо. Натаскивается борзая на русака до году, а послѣ уже пускается на лисицу, волка и другихъ крупныхъ звѣрей.

Въ степной полосѣ киргизы охотятся съ борзыми только *въ наѣздку*. Намѣченное поле объѣзжается охотниками во всѣхъ направленіяхъ, тщательно высматриваются всѣ препятствія для гона и мѣста, наиболѣе благоприятныя для прорыва звѣря. Собаки держатся на своркѣ.

Лишь только звѣрь поднятъ, лишь только его испуганная фигура замелькаетъ въ полѣ, собаки спускаются со своры, а всадники вскачь несутся на перерѣзъ убѣгающему звѣрю. Случается, что иногда собаки первое время не спускаются со сворки, а скачутъ вмѣстѣ съ охотникомъ и освобождаются отъ сворки тогда, когда разстояніе между охотникомъ и звѣремъ нѣсколько сокращается. Этотъ способъ мотивируется охотниками тѣмъ обстоятельствомъ, что борзые, только что спущенные со своры, первыя минуты берутъ поле лѣниво, точно расправляя свои затекшіе органы, а тамъ, гдѣ дороги секунды, необходимо сразу брать. Поэтому, мчась на лошади, киргизъ-охотникъ убѣжденъ, что онъ быстрѣе нагоняетъ звѣря, чѣмъ если бы, спустивъ собакъ на послѣдняго, самъ пошелъ на перерѣзъ. Но здѣсь встрѣчается одно крайне нежелательное неудобство, а именно, собаки настолько привыкаютъ къ бѣгу вмѣстѣ съ лошадейю и охотниковъ, что въ случаѣ необходимости послѣднему взять на перерѣзъ или измѣнить направленіе гона, онъ бросаютъ преслѣдовать звѣря по пятамъ, а устремляются за охотникомъ и такимъ образомъ получается полная неудача.

Въ гористой части степи охота съ борзыми производится, также какъ и у сибирскихъ киргизъ, *тремя*: въ наѣздку, съ загономъ—конно и съ загономъ—пѣше. При охотѣ въ наѣздку, собаки держатся уже не на сворѣ, а по одной помѣщаются сзади сѣдла на особо устроенномъ специально для этой цѣли кругѣ изъ кошмы. Вздвигается ли охотникъ на крутыя возвышенности, спускается ли по опасной и чуть не отвѣсной тропинкѣ, змѣйкой выходящей по уступамъ скалистыхъ обрывовъ, несутся ли по ровной долині—сидитъ собака покойно и ничѣмъ не выдастъ своего присутствія. Но лишь только вывернется откуда нибудь звѣрь, борзая моментально бросается съ сѣдла и «поле взято». По окончаніи травли собака вскакиваетъ на

свое прежнее мѣсто и, утѣвшись по покойнѣ, снова трясется на лошади за спиной хозяина. Въ большинствѣ случаевъ этотъ способъ въ наѣздку практикуется при одиночныхъ охотахъ.

Охота съ загономъ на лошадяхъ носить характеръ обыкновенной облавы. Обкладывается извѣстное мѣсто, разбираются номера шаговъ на 200—300 другъ отъ друга, при чемъ номера эти расположены потому направленно, по которому, по соображеніямъ охотниковъ, долженъ пробѣжать звѣрь: по краю тропинки, по отлогому склону, по ущелью и т. д. Конные загонщики разсыпаются по занятому полю и шумомъ, стукомъ, крикомъ стараются поднять звѣря и направить его на охотниковъ. Этотъ способъ самый удачный, такъ какъ весьма часто звѣрь прямо насккиваетъ на борзыхъ, которыя ловятъ ихъ въ этихъ случаяхъ безъ всякаго угона, даже и тогда, когда звѣрь, во время замѣтивъ опасность, вздумалъ-бы повернуть немного въ сторону (Мельниковъ).

Охота съ загономъ — пѣше отличается отъ предыдущей только тѣмъ, что киргизы въ данномъ случаѣ охотятся не на лошадяхъ, а пѣшими, что въ свою очередь вызвано исключительно бѣдностью и неимѣніемъ лошадей, а некакими-либо особыми условіями. Этотъ способъ охоты очень интересенъ, какъ по оригинальности загона, такъ и по самой травлѣ звѣря. Намѣтивъ одну изъ долинъ, охотники располагаются по ея возвышеннымъ краямъ, гдѣ и отыскиваютъ прикрытіе или устраиваютъ его искусственно изъ камней и укрываются тамъ съ собаками. Въ это время, въ долину спускаются пѣшие загонщики и стараются поднять звѣря. «Такой загонщикъ, обойдя одну долину, самъ залегаетъ со своей собакой гдѣ нибудь на перевалѣ, а первый охотникъ поднимается съ мѣста и старается нагнать звѣря на товарища и т. д.». Въ основѣ подобной охоты лежитъ прежде всего пре-

красное знаніе привычекъ выслѣживаемаго звѣря и все-таки инстинкты послѣдняго въ большинствѣ случаевъ побѣждаютъ хитрость врага и спасаютъ отъ козней охотника. Вообще этотъ послѣдній способъ охоты съ борзыми менѣе удаченъ по лову, сравнительно съ двумя предыдущими. Верховъ совершенства охотничьихъ качествъ киргизской борзой для такихъ охотъ считается, если собака уляжется въ засаду на лисьей тропѣ, на вершинѣ горы и можетъ терпѣливо выждать появленіе звѣря и оставаться спокойно до тѣхъ поръ, пока хозяинъ ея не спустится въ долину и тамъ, распѣвая пѣсни или постукивая палочками, не слугнетъ лисицу и не натравитъ ее на собаку. Хотя добиться этого съ борзой очень трудно, однако же есть киргизы, которые именно такимъ образомъ охотятся въ горахъ за лисицами, не прибѣгая ни къ чьей посторонней помощи, и иногда довольно удачно (Мельниковъ).

Охота на волковъ.

Самымъ распространеннымъ хищникомъ въ области, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ страшнымъ врагомъ табуновъ, стадъ и отаръ кочевника является *волк*. Обитаетъ онъ и въ сѣверной степной полосѣ, скрываясь лѣтомъ въ чащахъ лѣса, въ заросляхъ камыша, тальника, въ бурьянѣ, кустарникахъ, а зимой открыто бродитъ по всей степи, ища добычи. Въ гористой мѣстности волкъ прячется по ущельямъ, по скаламъ, подъ большими камнями, заходитъ также въ передѣски, которыми покрыты склоны горъ, но лишь только заходитъ солнце и жизнь въ степи засыпаетъ, хищникъ смѣло идетъ въ долину и совершаетъ здѣсь всю трапезу. Зимой волки собираются въ стаи, выходятъ изъ скрытыхъ мѣстъ и, созвавъ своимъ протяжнымъ воемъ много другихъ, притаившихся въ

окрестностяхъ, отправляются странствовать по степи, ища добычи. Стаи близко подходят къ ауламъ, смѣло нападаютъ на многочисленные табуны лошадей и въ мигъ разбиваютъ его весь, оставивъ на мѣстѣ для трапезы нѣсколько головъ. Въ это время хищникъ чувствуетъ себя сильнымъ, робость, присущая ему лѣтомъ, совершенно исчезаетъ и онъ страшенъ не только для скота, но и для человѣка. Стая проходить всю степь вблизи ауловъ, забирается иногда прямо въ стойбища, въ зимовки и творить здѣсь свое ужасное дѣло, заѣдая скотъ и людей. Особенно часто это случается въ сильные бураны, когда скотъ не выпускается кочевникомъ на тебеневку и слѣдовательно волку не чѣмъ поживиться въ степи. Тогда онъ близко подходитъ къ аулу, затягиваетъ свою ужасную пѣснь, сзывая на кровавый, бранный пиръ товарищей и, если кочевникъ не успѣлъ пригнуться къ отпору, то горе ему—самое меньшее онъ остается безъ скота и въ одну ночь изъ богача или просто зажиточнаго дѣлается бѣднякомъ, нищимъ, которому и выѣхать не на чемъ. Говорю, самое меньшее, потому что въ буранъ волки настолько кровожадны и свирѣпы, настолько загораются мстью къ своему исконному врагу-номаду, что бросаются прямо къ зимовкѣ, грызутъ двери, крышу. «Неудивительно, что столь опасныя звѣри, особенно тамъ, гдѣ они встрѣчаются во множествѣ, распространяютъ ужасъ не только между людьми, но и между животными. Лошади дѣлаются очень безпокойными, когда кочуютъ волки, всѣ прочія домашнія животныя обращаются въ бѣгство, какъ только издали услышатъ приближеніе ихъ главнаго врага» (Бремъ). Не безынтересны наблюденія Коля о самозащитѣ лошадей, при нападеніи на нихъ волковъ. «Къ табунамъ лошадей волки приближаются очень осторожно, стараются схватить жеребятъ, которые отделились отъ другихъ лошадей, иногда рѣшаютъ

ся на одинокого коня, схватываютъ его за шею и такимъ образомъ валятъ. Когда прочія лошади увидятъ волка, то онѣ смѣло на него наступаютъ, бьютъ его передними копытами, если онъ тотчасъ не убѣжитъ, а жеребцы хватаютъ его даже зубами. При этомъ часто волкъ бываетъ сразу убитъ, но случается, что онъ снова вскакиваетъ, впивается зубами въ горло наступающаго коня и валитъ его на землю. Даже стая волковъ иногда не въ состояніи принудить къ бѣгству табунъ лошадей, напротивъ того, они сами должны опасаться быть окруженными и избитыми, если не спасутся бѣгствомъ». Овцы, напротивъ, не только не способны къ какой-либо самозащитѣ, но чѣмъ многочисленнѣе стада, тѣмъ большая робость овладѣваетъ этими животными и онѣ «безропотно покоряются неизбежному року». Коль пишетъ: «волкъ бросается на первую попавшуюся овцу, загрызаетъ ее; а прочія овцы убѣгаютъ на 200—300 шаговъ, собираются тамъ въ кучу и своими глупыми глазами смотрятъ на волка, пока онъ еще разъ къ нимъ не приблизится и не схватитъ еще овцы. Тогда онѣ опять убѣгаютъ на нѣсколько сотъ шаговъ и снова его ожидаютъ». Лучшее всѣхъ и удачнѣе даютъ отпоръ волкамъ стада крупнаго рогатаго скота, да и то, когда онѣ на открытомъ полѣ, а не въ тѣсномъ хлѣву. Волки знаютъ это прекрасно и рѣдко отваживаются напасть на стадо, а довольствуются оставшими коровами, телятами или выжидаютъ пока стадо не загонятъ въ хлѣвъ—тамъ хищникъ полный хозяинъ, лишь-бы только проникнуть туда, обманувъ бдительность кочевника и его сабакъ. При преслѣдованіи, волкъ крайне настойчивъ, хотя бы ему предстояло пробѣжать десятки верстъ и совершенно не боится рѣкъ и озеръ, которыя онъ не задумываясь переплываетъ, чтобы настичъ жертву.

Лѣтомъ волкъ совершенно мѣняетъ свой нравъ и дѣ-

дается положительно не узнаваемъ. Изъ свирѣпаго, нахальнаго и кровожаднаго хищника, онъ превращается въ трусливаго, постоянно прячущагося въ глухихъ мѣстахъ звѣря. Въ это время онъ всецѣло посвящаетъ себя на охоту за мелкими животными, гдѣ не требуется ни силы, ни нахальства, ни натиска, ни быстроты, ни ловкости, а нужна хитрость и этотъ инстинктъ широко развивается лѣтомъ у волка. «Во время своихъ поисковъ за добычей волкъ выказываетъ такую-же хитрость, какъ и лисица, отъ которой отличается главнымъ образомъ нахальствомъ. Онъ приближается къ избранной жертвѣ со всевозможною осторожностью, соблюдая, такъ сказать все правила охоты; незамѣтно подкрадывается онъ какъ можно ближе къ животному, ловкимъ прыжкомъ хватаетъ его за горло и валитъ на землю. На лѣсныхъ тропинкахъ онъ иногда по цѣлымъ часамъ поджидаетъ добычу на примѣръ сайгака, косулю, а въ степныхъ мѣстностяхъ точно также терпѣливо подкарауливаетъ скрывшагося въ норку байбака» (Бремъ). Лѣтомъ волкъ не рѣшается даже нападать на стада и табуны, пасущіеся безъ пастуха и собакъ. По убѣжденію кочевниковъ, эта трусливость волка лѣтомъ вызвана у него боязнью получить рану, такъ какъ въ послѣдней въ жаркое время немедленно появляются личинки насѣкомыхъ (куртъ), которыя производятъ ужасныя мученія и доводятъ хищника прямо до бѣшенства. Насколько это удовлетворительно для объясненія ослабленія у волка его нахальства и кровожадности, судить трудно. Во всякомъ случаѣ, самымъ важнымъ и главнымъ факторомъ подобнаго ослабленія кровожадныхъ инстинктовъ, по отношенію къ домашнимъ животнымъ, является обиліе лѣтомъ другихъ животныхъ, могущихъ служить добычей, при чемъ охота за послѣдними не сопряжена съ рискомъ поплатиться собственной шкурой, и бываетъ всегда обильна и удачна.

Волкъ (камышевый).

Волкъ самый страшный бичъ степного скотоводства и вѣковая борьба съ нимъ мало дала благопріятныхъ результатовъ. Голодъ, степные пожары, чума скота, гололедица—все это явленія случайныя, проходящія, устранить которыя можно путемъ правильно организованной борьбы; волкъ-же—бичъ постоянный, мало устранимый при современныхъ средствахъ и бытъ кочевого населенія. Правда: число жертвъ, вырванныхъ этимъ хищникомъ, не поражаетъ грандіозностью своихъ цифръ, какъ это имѣетъ мѣсто, на примѣръ, при чумѣ, голодѣ, но за то эти жертвы—постоянное явленіе, хронически подтачивающее степное скотоводство. Такъ, по свѣдѣніямъ 1894 года число истребленныхъ волками домашнихъ животныхъ въ Тургайской области выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: лошадей 10690 головъ, крупнаго рогатаго скота—3313; верблюдовъ—1107; овецъ—26574; козъ—3505. Оцѣнивая голову крупнаго животнаго только въ 20 рублей и голову мелкаго въ 3 рубля, найдемъ, что въ данномъ году область понесла ущербъ отъ волковъ на сумму 392,417 рублей. Понятіе лапландца о словахъ «война и «миръ» только по отношенію къ волку: «миръ» только въ смыслѣ безопасности отъ волковъ, а война у нихъ означаетъ борьбу съ этимъ, для него самымъ страшнымъ врагомъ (Бремъ), можетъ всецѣло отнесено и къ киргизу—номаду.

Борется киргизъ-кочевникъ съ этимъ своимъ злѣйшимъ врагомъ всѣми средствами, не жалѣетъ ни силъ, ни затратъ, лишь-бы одолѣть его и хотя-бы немного уменьшить процентъ его хищническихъ набѣговъ. Въ степи нѣтъ другого звѣря, на котораго устраивались-бы такія облавы, придумывались-бы всевозможнѣйшіе способы истребленія, какъ на волка. Вездѣ тамъ, гдѣ есть возможность убить, или даже только слегка равить хищника, киргизъ бросаетъ все и спѣшить это сдѣлать. Отсюда и способы охоты на волка крайне разнообразны въ степи, причемъ всѣ

они носятъ характеръ не страсти, не промысла, а само-защиты и мести.

*
* *

Глубокою осенью, какъ только киргизы прикочевываютъ къ своимъ зимовкамъ и покончили со всѣми необходимыми запасами на зиму, начинается первая облава на волковъ. Киргизы, кочующіе вблизи камышевыхъ зарослей, практикуютъ способъ облавы при помощи пожара. Когда они замѣтятъ, что хищникъ перебрался изъ своихъ лѣтнихъ засадъ поближе къ ауламъ въ камышевые заросли, то тотчасъ-же собираются цѣлыми аулами, оцѣпляютъ всю чащу, а охотниковъ съ собаками разставляютъ съ подвѣтренной стороны и зажигаютъ камышъ. Быстро запылаетъ сухой тростникъ, выбрасывая облака густого, черного дыма, съ трескомъ валится стройное растеніе, а огненные языки, далеко протягиваясь по вѣтру, все больше и больше слизываютъ заросли. Обезумѣвшіе отъ страха волки скучиваются въ средину зарослей, но бѣдкій дымъ страшно бьетъ глаза, проникаетъ въ ротъ, душитъ, зловѣщій трескъ огня больно рѣжетъ слухъ и хищникъ бросается въ сторону, хочетъ покинуть заросли, но загонщики киргизы плотною цѣпью сторожатъ ихъ по бѣгу. Скоро огонь достигаетъ средину чащи, его сильный жаръ вынуждаетъ волковъ бѣжать прочь и они прямо натапливаются на охотниковъ и собакъ. Настаетъ ужасная бойня: собаки рвутъ и душатъ испуганныхъ звѣрей, охотники бьютъ ихъ изъ ружей, колятъ пиками, ножами, а иной въ азартѣ съ одной ногойкой бросается на волка и вступаетъ въ поединокъ. Шумъ, крикъ, вой, лай — все сливается въ общій гулъ и до самой ночи оглашаетъ степь. Рѣдкому хищнику удастся ускользнуть изъ этой жестокой травли невредимымъ.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ камышевыхъ зарослей, охотятся осенью обыкновеннымъ способомъ „въ наѣздку“

Но только охота эта бываетъ рѣдко удачна, такъ какъ волкъ въ этихъ мѣстахъ до снѣга не выходитъ изъ укромныхъ уголковъ, а охотиться на него въ послѣднихъ чрезвычайно трудно, благодаря чисто топографическимъ условіямъ. Кромѣ того волкъ бываетъ настолько остороженъ, чутокъ и смѣтливъ, что быстро найдетъ выходъ изъ своего затруднительнаго положенія, — онъ не выйдетъ изъ засады до тѣхъ поръ, пока не прекратится кругомъ подозрительный шорохъ. Въ гористой части можно встрѣтить одиночекъ охотниковъ, терпѣливо выжидающихъ появленія звѣря изъ засады съ наступленіемъ сумерокъ, но рѣдко-рѣдко удастся затравить его, такъ какъ онъ, при первомъ-же шорохѣ, снова прячется и ускользаетъ отъ взоровъ охотника и собаки.

Настоящая-же охота на волковъ и массовое истребленіе ихъ начинается съ первымъ снѣгомъ. Травля волка по порошѣ — приняла характеръ обычая и нѣтъ въ степи аула, который не правилъ-бы тризну надъ своимъ врагомъ. Кромѣ того, въ это время у кочевника-охотника проявляется не одно чувство мщенія, не одна жажда крови своего смертельнаго врага, наконецъ, не одно стремленіе, присущее промысловому охотнику, но просыпается и охотничья страсть, освященная въ степи удаляю, храбростью и батырствомъ. Вотъ почему въ словѣ «пороша» для охотника много чуднаго, захватывающаго. Всю ночь киргизъ-охотникъ прислушивается къ усиливающейся на дворѣ мятели и при каждомъ сильномъ порывѣ вѣтра въ его груди тревожно бьется сердце — поднимется буря и охота пропадаетъ. Но вѣтеръ умѣренно дуетъ и снѣгъ ложится ровно. Изрѣдка только пронесется струя вихря, закрутитъ на мгновеніе въ воздухѣ снѣгъ и снова тишина... Въ бору и камышахъ слышится оживленный говоръ вѣтвей и тростника, полный загадочныхъ звуковъ. Хмуро вылѣзаетъ изъ своей засады волкъ и, распустивъ

хвостъ, злобно озирается кругомъ. Чуетъ онъ, инстинктивно, что теперь нельзя скрыть ему своихъ преступныхъ дѣяній и заклятый врагъ-киргизъ готовить на него своихъ злыхъ собакъ, но мучительный голодъ заставляетъ идти къ стадамъ. Заунывно раздается въ утренней тишинѣ протяжный вой, ему вторять другіе и скоро гуськомъ выходятъ на равнину стая хищниковъ голодныхъ, злыхъ, нахальныхъ, и направляетъ свой путь, оставляя въ снѣгу глубокій слѣдъ, къ киргизскимъ ауламъ.

Чуть забрежетъ свѣтъ, аулъ весело просыпается и идутъ снѣжныя приготовленія къ охотѣ. Говоръ охотниковъ, визгъ собакъ, крикъ дѣтей, наполняютъ аулъ веселою шумною жизнью, точно въ годовую праздникъ. Кавалькаду охотниковъ выѣзжаютъ провожать подростки верхомъ на неосѣданныхъ лошадяхъ, которые долго съ звонкимъ гиканьемъ джигитуютъ по степи, точно сава-номъ покрытой пушистымъ снѣгомъ. Собаки, на длинной своркѣ, рвутся впередъ, усердно обнюхиваютъ снѣгъ, втягивая въ свои широкія ноздри струю влажнаго воздуха, а сами всадники пристально всматриваются вдаль. Охотники всегда направляются сначала къ оврагу, или зарослямъ камыша, кустарника, къ чащѣ лѣса, въ которыхъ до снѣга держался волкъ и такимъ образомъ, разъ онъ покинулъ засаду, тамъ будутъ слѣды, по которымъ можно сообразить направленіе хищника. Вотъ напали и на слѣдъ. Заметались собаки, нервно махая хвостами. Руки охотниковъ судорожно сжимаютъ толстыя ногайки, въ концы которыхъ вылетаютъ обыкновенно по добродушному куску свинца, натягиваютъ поводья и тихо идутъ по слѣду. Скоро къ этому одиночному слѣду притекаютъ съ разныхъ сторонъ другіе и главный слѣдъ теряетъ уже отпечатки отдѣльных волчьихъ слѣдовъ, а становится сплошной узкой тропой. Движенія собакъ дѣлаются порывистѣе, нервнѣе и, разъ звѣрь близко, доходятъ до

предѣловъ неистовства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ умныя борзые не нарушаютъ тишины выраженіями своихъ чувствъ, а если какая изъ молодыхъ издаетъ глухой звукъ радости, то охотникъ дергаетъ сворку и остальные собаки злобно рычатъ на не скромницу и послѣдняя вповсѣ поджимаетъ хвостъ и умѣряетъ свой пылъ. Какъ только, по расчету охотниковъ, стая недалеко, вся кавалькада останавливается и нѣкоторое мгновеніе застываетъ въ своихъ позахъ, чутко прислушиваясь къ безмолвной тишинѣ степи. Послышался едва уловимый вой... Точно электрическая искра пронизываетъ существо охотниковъ, собакъ и лошадей, и всѣ крупной рысью направляются въ сторону воя. Скоро зоркіе глаза киргиза различаютъ вдали стаю хищниковъ, замѣтили ее и собаки, свора спущена. Залились борзые, понеслись всадники, оставляя за собой цѣлый столбъ снѣжной пыли. Стая хищниковъ, ошеломленная неожиданнымъ нападеніемъ, бросается въ сторону, надѣясь скрыться гдѣнибудь въ бору, камышахъ или ущельѣ, всадники быстро берутъ на перерѣзъ, а умныя собаки по пятамъ настигаютъ на стаю. Сколько ловкости и граціи въ тощихъ фигурахъ этихъ киргизскихъ собакъ—точно молнія несутся онѣ по глубокому снѣгу и зорко слѣдятъ за убѣгающимъ звѣремъ. А всадники-киргизы, низко пригнувшись къ лукѣ, съ гикомъ и свистомъ летятъ по степи: овраги, ямы, сурчинные бугры теперь не существуютъ для нихъ. Затравить волка—вотъ чѣмъ полна голова киргиза-охотника и онъ ради достиженія цѣли не жалѣетъ ни лошади, ни собственной головы. Волки, настигаемые борзыми, дѣлаютъ крутой поворотъ и бросаются съ боку на несущихся собакъ, но послѣднія, зная этотъ маневръ, въ свою очередь мгновенно обращаются къ хищникамъ съ готовыми зубами и пошла потасовка. Злобно рычатъ стая хищниковъ, отчаянно щелкая зубами, но собаки храбро вступаютъ въ бой и лишь

шерсть ключьями летитъ отъ волковъ и снѣгъ окрашивается струйками крови. При приближеніи охотниковъ, волки стараются вырваться отъ собакъ и уйти въ разсыпную. Иногда это имъ удается, но скоро приходится расстаться съ мечтой утечь отъ борзой. Последняя не отстаетъ отъ волка, хватается его за бокъ, виснетъ на немъ и совершенно не даетъ ходу, а въ это время подоспѣваетъ охотникъ и непроходитъ минуты, какъ надъ разинутою пастью хищника взвизгиваетъ тяжелая ногойка и смертельный ударъ по головѣ поражаетъ его.

Тѣ киргизы-охотники, которые не имѣютъ борзыхъ, также спѣшатъ воспользоваться порошей, чтобы затравить волка. Какъ только выпадетъ первый снѣгъ, киргизы-охотники выходятъ за ауль и тщательно высматриваютъ слѣды, изучиваютъ ихъ направленіе. Разъ слѣдъ найденъ, охотники сѣлаютъ лошадей, берутъ ногойку, да ножъ и въ путь. Скоро они выслѣживаютъ хищниковъ, быстро ихъ зоркіе глаза опредѣляютъ разстояніе, окидываютъ мѣстность и начинается гонка. Хищникъ, завидя охотника, бросается на утекъ, стараясь укрыться отъ него на непроходимыхъ мѣстахъ, но и охотникъ, прекрасно изучившій нравъ волка, не дремлетъ. Онъ старается направить волка къ оврагу, или въ глубокой снѣгъ, не поддается хитрымъ маневрамъ хищника, выдѣлывающаго на бѣгу крупные зигзаги и его быстроногій скакунъ вихремъ несется вслѣдъ за волкомъ. Всякій разъ, какъ послѣдній дѣлаетъ крутые повороты, охотникъ ловко выскакиваетъ ему на встрѣчу и съ неизмѣнной быстротой насѣдаетъ на него. Вотъ уже близокъ оврагъ и уставшій хищникъ, собравъ всѣ свои силы, устремляется къ нему, надѣясь найти тамъ защиту отъ страшной погони. Но расчеты его напрасны—съ размаху бросается онъ внизъ и своею тяжестью пробиваетъ рыхлый снѣгъ такъ глубоко, что надъ поверхностью одни уши торчатъ. Быстро

подскакиваетъ охотникъ, не задумываясь слѣзаетъ съ лошади и судорожно сжавъ въ лѣвой рукѣ ножъ, а въ правой ногойку, прыгаетъ въ оврагъ, тонетъ въ снѣгу и смѣло подходит къ хищнику, напрасно сисящемуся выбраться изъ сугроба. Сильный ударъ ногойки между ушей ошеломляетъ волка, его фигура еще глубже уходитъ въ снѣгъ, а охотникъ въ это время наноситъ смертельный ударъ ножомъ въ затылокъ, или въ бокъ. Бываютъ изъ охотниковъ-киргизовъ и такіе смѣльчаки, которые вступаютъ въ борьбу съ утонувшимъ въ снѣгу волкомъ безъ ножа и ногойки, а просто садятся на него верхомъ, завязываютъ ремнемъ морду и живымъ доставляютъ въ ауль—это считается самымъ цѣннымъ трофеемъ волчьей охоты.

Эта оригинальная облава только и возможна при ровномъ и не глубокомъ снѣгѣ, а разъ бураномъ будутъ паметаны сугробы, то для волка нестрашны ни собаки, ни ногойка киргиза-охотника. Онъ знаетъ прекрасно, что рыхлые снѣжные холмы на половину уменьшаютъ быстроту бѣга борзыхъ и служатъ трудными барьерами для лошадей. А такіа буранныя зимы—постоянное явленіе въ тургайской степи, потому борьба съ волкомъ путемъ облавы заканчивается порошей и киргизъ-охотникъ прибѣгаетъ къ новому способу—способу отравы стрихнинными пилюлями. Въ настоящее время отравка волковъ приняла широкое развитіе во-первыхъ потому, что истребленіе хищниковъ этимъ путемъ весьма замѣтно и многіе аулы уже не терпятъ прежнихъ бѣдъ отъ волка, а во-вторыхъ, этотъ способъ создалъ для киргиза весьма выгодный промыселъ. Киргизъ-охотникъ, отравившій волка, выручаетъ отъ продажи шкуры, да еще получаетъ назначенную администраціей премію въ 1 рубль 50 коп... Къ сожалѣнію, киргизы еще не умѣютъ съ расчетомъ утилизировать приобретенныя пилюли, не научились еще

искусно начинивать, а отсюда и удачно обманывать хитраго хищника, отчего зачастую покупка пилюль далеко не покрывается продажей затравленных волковъ. Киргизы почему-то начиняютъ мясо палого животнаго очень мелко, оставляютъ не закрытымъ и птицы, расклеывая падалъ, раздробляютъ пилюли, сбрасываютъ въ снѣгъ, а то и просто оклеиваютъ сами. Въ послѣднемъ мнѣ не разъ приходилось убѣждаться—около падали зачастую можно видѣть трупы воронъ, беркутовъ и при осмотрѣ оказывается, что причиною ихъ смерти явились стрихнинныя пилюли. Киргизы-же громадную трату пилюль для отравы приписываютъ исключительно плохому дѣйствию яда и положительно утверждаютъ, что хотя волки и поѣдаютъ ихъ, но далеко уходятъ въ степь, гдѣ или околѣваютъ, или переносятъ отравленіе. Но это предположеніе не имѣетъ за собой прочнаго основанія, такъ какъ опытные въ дѣлѣ отравы пилюлями киргизы всегда собираютъ удачную жатву, хотя пользуются тѣми-же пилюлями. Они поступаютъ слѣдующимъ образомъ: съ только что павшаго животнаго въ нѣсколькихъ мѣстахъ снимаютъ шкуру, дѣлаютъ не глубокіе косые надрѣзы въ ягодицахъ, спинѣ и шеѣ, осторожно укладываютъ по нѣсколько штукъ пилюль въ каждый такой разрѣзъ, края послѣдняго соединяютъ, натягиваютъ снова шкуру и операція кончена. При подобной начинкѣ пилюли прекрасно сохраняются, не расклеиваются птицами и голодные волки, почувявъ свѣжую падалъ, жадно набрасываются на нее, а отойдя нѣсколько шаговъ, замертво падаютъ. Трупы, начиненные отравой, киргизы-охотники стараются разбрасывать на мѣстахъ наичаще посѣщаемыхъ волками, какъ-то: въблизи лѣса, зарослей, на холмахъ, по тропинкамъ. При этомъ иногда устраиваютъ засаду, такъ какъ часто случается, что волкъ, хотя и съѣдаетъ отраву, но еще въ состояніи далеко уйти и околѣвая гдѣ нибудь въ

глухомъ мѣстѣ, достается въ добычу не охотнику, а воронамъ и беркутамъ. Вблизи брошеннаго трупа киргизъ вырываетъ въ снѣгу не глубокую яму, устилаетъ ее сѣномъ и располагается тамъ съ своимъ другомъ-борзой. Какъ только стемнѣетъ, хищникъ съ протяжнымъ воемъ осторожно ступаетъ по глубокому снѣгу, распушивъ хвостъ. Злобно озирается по сторонамъ, сильно щелкаетъ зубами отъ голода и втягиваетъ морозный воздухъ въ свои красныя ноздри. Вотъ онъ почувялъ запахъ мяса, свѣтящіеся фосфорическимъ блескомъ глаза усмотрѣли чернѣющійся на бѣлой снѣжной полянѣ трупъ и хищникъ скачками бросается къ послѣднему. Скоро къ нему подоспѣваютъ другіе и начинается трапеза. Трупъ быстро очищается отъ мяса, бѣлѣютъ уже кости—волки утопили мучившій ихъ голодъ и повернули назадъ, но вдругъ одинъ изъ хищниковъ поднялся на заднія лапы и моментально съ перекосившейся шеей, грохнувшись о землю, конвульсивно подергивая ногами. Другіе хищники, почувявъ бѣду, спѣшатъ подальше убраться отъ околѣвшаго собрата, но въ это время охотникъ смѣло бросается съ борзой и съ ножомъ на нихъ, зная по опыту, что волкъ, покушавшій отравленнаго мяса, тотчасъ-же дѣлается крайне трусливымъ, вялымъ и убѣгаетъ даже отъ лисицы. Борзая безъ труда валитъ хищника, а охотникъ, не вступая въ рукопашную, только слѣдитъ за уходящими волками и натравливаетъ на нихъ собаку. Нерѣдки случаи, что при подобнаго рода засадѣ около отравленнаго трупа, киргизъ съ одной борзой бралъ до 4—5 волковъ. Но были также и печальные исходы этой отваги и удали—во время одной такой охоты съ засадой, охотникъ-киргизъ былъ растерзанъ вмѣстѣ съ борзой, хотя отравленіе хищниковъ послѣдовало и они кончили свое существованіе тутъ-же рядомъ съ киргизомъ и собакой, а въ другой разъ два киргиза были сильно искусаны и спа-

слись, благодаря наступившему въ это время у волка припадку отравленія (Гирей).

Пилюли стрихнина плохого разбора выдаются населенію безплатно, а лучшаго достоинства продаются за не высокую цѣну и киргизы-охотники раскупаютъ ихъ. Въ общемъ истребленіе, стрихнинными пилюлями, волковъ идетъ весьма успѣшно и только благодаря имъ, многіе аулы теперь не несутъ громаднаго ущерба отъ кровожадныхъ хищниковъ. Въ зиму 1894—1895 г. было роздано до 50 тысячъ стрихнинныхъ пилюль, которыми отравлены были сотни волковъ, лисицъ, корсаковъ, но, къ сожалѣнію, точной статистики этому истребленію у насъ неведется, а потому и не возможно высчитать весь % отравленныхъ, по отношенію къ количеству розданныхъ пилюль и стоимость отравы каждаго волка.

Вблизи русскихъ поселеній практикуется какъ переселенцами, такъ и киргизами способъ охоты на волковъ путемъ «волчьихъ ямъ». Въ извѣстномъ мѣстѣ вырывается, еще съ осени, довольно глубокая яма, въ діаметрѣ 1—1½ сажень, посрединѣ кладется бревно, а на него тонкій плетень, при чемъ послѣдній долженъ быть значительно уже ямы. Плетень однимъ концомъ лежитъ на краю ямы, а другой переходитъ черезъ бревно съ такимъ расчетомъ, чтобы на немъ могла держаться только одна приманка, въ видѣ барана; и разъ тяжесть на этомъ концѣ будетъ увеличена, то плетень перевѣшивается. Конецъ плетня, лежащій на землѣ, прикрѣпляется веревкой къ вбитому колышку, чтобы этимъ предупредить паденіе плетня въ яму, вмѣстѣ съ звѣремъ и обезпечить его прежнее положеніе, а на другомъ концѣ крѣпко привязываютъ падалъ. На днѣ ямы часто набиты короткіе, острые колья. Плетень, края ямы и приманку слегка припудриваютъ снѣгомъ, чтобы устранить подозрѣніе засады.

Волкъ, почуявъ поживу, устремляется къ ней и не успѣетъ рвануть мяса, какъ летитъ въ яму и напарывается на острые колья. Страшный вой раненнаго хищника не остается безъ отклика и скоро надъ ямой появляется компанія собратьевъ, изъ которой попадаютъ въ засаду еще одинъ-два. Но все-таки этотъ способъ охоты мало добычливъ, такъ какъ волкъ настолько хитеръ и остороженъ, что не скоро пойдетъ на приманку, привязанную надъ ямой и развѣ только голодъ заглушаетъ этотъ инстинктъ и толкнетъ его на гибель. Кромѣ того «волчьи ямы» весьма не безопасны для людей и домашнихъ животныхъ, особенно вырытыя на мѣстахъ, посѣщаемыхъ стадами и охотниками. Въ одну зиму, во время бурана, въ брошенную волчью яму попали два всадника-киргиза и не особенно счастливо отдѣлались какъ они сами, такъ и ихъ лошади. Крайне необходимо этотъ способъ охоты запретить, такъ какъ онъ совсѣмъ не играетъ сколько-нибудь видной роли въ дѣлѣ истребленія хищниковъ, не является доходной статьей въ бюджетѣ населенія, а только грозитъ смертию и увѣчьемъ людямъ и животнымъ.

Весною и лѣтомъ охота на волковъ совершенно прекращается, такъ какъ хищникъ уходитъ въ глушь лѣсовъ, скрывается въ заросляхъ камыша, или прячется по ущельямъ, горнымъ кряжамъ, а притомъ и киргизы съ первыми признаками весны поднимаются съ зимовья и цѣлое лѣто кочуютъ, забывая про зимнія невзгоды, про набѣги на его стада волковъ и съ наслажденіемъ предаются долгой спячкѣ. Устраиваются иногда во время большихъ праздниковъ (Байрамъ, Курбанъ-Байрамъ) охотничьи экскурсіи, съ цѣлью потѣшить себя и собакъ, щегольнуть удалю и батырствомъ, но это скорѣе бываетъ бѣшеная скачка, въ которой стараются не звѣря загнать, а хвастнуть предъ другими быстротою аргамака. Да и выбираются мѣста для этихъ экскурсій такіе, гдѣ менѣе

всего можно ожидать присутствія хищниковъ, но за то удобныя для скачки.

На помощь киргизу въ борьбѣ съ его злѣйшимъ врагомъ-волкомъ приходитъ администрація и истребленіе этого хищника легло въ основу ея заботъ по улучшенію быта и экономического состоянія кочевого населенія. Администрація выписываетъ пилюли, разсылаетъ ихъ на льготныхъ условіяхъ киргизамъ, а въ послѣднее время установили въ видѣ поощренія денежную премію за каждаго убитаго волка, въ размѣрѣ 1½ рубля. Послѣдняя мѣра сразу подняла 0/о охотниковъ—промысловыхъ и истребленіе волковъ принимаетъ все большіе размѣры, число жертвъ, выхваченныхъ хищниками, прогрессивно падаетъ и есть надежда, что въ недалекомъ будущемъ волкъ уже не будетъ грознымъ бичемъ киргизскаго скотоводства. Успѣшному истребленію волковъ не мало способствуетъ и усиленный спросъ на волчьи шкуры, при чемъ шкуры эти уже нейдутъ за безцѣнокъ—за фунтъ сахару, за ситцевый платокъ и т. д., а составляютъ довольно видную статью денежнаго обмѣна—теперь шкура взрослого волка, затравленнаго осенью—цѣнится въ 2½—3 рубля, затравленнаго зимою—3—3½ рубля.

О количествѣ истребляемыхъ ежегодно въ степи волковъ можно судить по размѣрамъ вывоза волчьихъ шкуръ изъ области и по количеству проданныхъ на мѣстныхъ рынкахъ. Такъ:

въ 1890 году вывезено	340,	продано на мѣстныхъ рынкахъ	261 штука.
" 1891 " "	218,	" " " "	— 167 "
" 1892 " "	670,	" " " "	— 243 "
" 1893 " "	980,	" " " "	— 102 "
" 1894 " "	2013,	" " " "	— 483 "
" 1895 " "	2431,	" " " "	— 1128 "

Охота на лисицъ.

Въ тургайской степи водится обыкновенный видъ

лисицы (*vulpes vulgaris*) и она является однимъ изъ распространенныхъ хищныхъ животныхъ. Раіономъ наибольшихъ скопленій лисицы считаются холмистыя возвышенности, горныя кряжи и песчаныя степи, каковыя мѣста, какъ извѣстно, рѣдко посѣщаются волками. Послѣдніе принадлежатъ къ числу главныхъ враговъ лисицы, почему онѣ «никогда не размножаются очень сильно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ этотъ хищникъ (волкъ) и по мѣрѣ истребленія волковъ болышею частью увеличивается число лисицъ въ странѣ» (Бремъ). Лисица выбираетъ для своихъ логовищъ самыя удаленныя и по возможности мало-приступныя вершины горъ, съ которыхъ спускается только ночью, или вырываетъ нору среди степи, близъ овраговъ, опушки лѣса, тальника. Нора лисицы представляетъ собой довольно оригинальное логовище, съ множествомъ выходовъ и все устройство ея свидѣтельствуеетъ о крайней осторожности, хитрости. «Логовище состоитъ изъ глубокой норы съ нѣсколькими выходами, которое помѣщается подъ камнями между корнями большихъ деревьевъ и въ другихъ удобныхъ мѣстахъ; въ глубинѣ норы всегда находится довольно просторная котловина. Въ большинствѣ случаевъ лисица пользуется чужой норой, которую уже и удѣлываетъ по своему вкусу».

Охота на лисицу составляетъ въ настоящее время среди кочевниковъ весьма распространенный и достаточно выгодный промыселъ. Какъ только торговля пушиной въ степи приняла характеръ болѣе добросовѣстнаго обмѣна между простоватымъ промышленникомъ и хитрымъ торгашемъ, какъ только открытіе рынковъ повело къ усиленному сбыту и поднятію цѣнъ на мѣха звѣрей—киргизы энергичнѣе стали охотиться за лисицей и «лисій промыселъ» явился довольно выгодной и доходной статьей. Кромѣ того лисій мѣхъ составляетъ одинъ изъ самыхъ распространенныхъ и любимыхъ мѣховъ кирги-

зовъ; онъ идетъ на зимніе малахан, на подбивку бешметовъ и на шубы. Чѣмъ богаче и почетнѣе киргизъ, тѣмъ онъ больше старается пріобрѣсти лисьихъ мѣховъ и всѣ его домочадцы щеголяютъ въ легкихъ бешметахъ и малахаяхъ, опушенныхъ лисьимъ мѣхомъ. По преданію, у киргизовъ вначалѣ прихода ихъ въ тургайскую степь была такая масса лисьихъ мѣховъ, что они употребляли ихъ вмѣсто кошемъ, одѣялъ и даже покрывали ими лошадей во время охоты, байги, а у Аблай-хана вся кибитка была обтянута лисьимъ мѣхомъ, и въ солнечный день она представляла собою какой-то фантастическій золотистый конусъ, рѣзко выдѣляющійся на зеленомъ фонѣ ковыльной степи. Но скоро удачный ловъ лисицъ отошелъ въ область преданій. Массовое истребленіе ихъ киргизами способствовало наивысшему развитію у этого хищника инстинкта осторожности, самосохраненія и онъ сталъ скрываться въ малоприступныхъ мѣстностяхъ.

Охота за лисицей начинается глубокою осенью, когда хищникъ сбрасываетъ лѣтнюю шерсть и одѣвается въ зимній пушистый и прочный мѣхъ, и продолжается во всю зиму. Лѣтомъ охотятся только за молодыми лисятами, причемъ ловятъ ихъ живыми, выращиваютъ до осени и потомъ убиваютъ. За лисицей киргизы охотятся *загономъ*. Выбирается мѣстность, въ которой по лисьимъ норамъ, судятъ о присутствіи звѣря, и нѣсколько разъ объѣзжается вдоль и поперекъ. Охотники съ борзыми становятся полукругомъ съ той стороны, которая выходитъ на равнину и противоположной загонщикамъ. Но если во время охоты замѣчается вѣтеръ и со стороны охотниковъ, то послѣдніе становятся на другую сторону, такъ чтобы вѣтеръ не наносилъ на лисьи норы запахъ собакъ и лошадей, иначе звѣрь никогда не выйдетъ изъ засады, или же бросится въ сторону противоположную охотникамъ. Какъ скоро мѣста заняты, поле оглапается всевозмож-

ными звуками и отъ гула дрожить земля, при этомъ загонщики стѣной подвигаются къ логовищамъ лисицъ. Осторожно выходитъ звѣрь и, усмотрѣвъ загонщиковъ, старается незамѣченнымъ уйти въ поле и наталкивается на охотника. Лисица моментально шарахается въ сторону и катитъ по открытому полю, но борзая быстро наѣдаетъ на нее, готовая схватить, но та метнула хвостомъ и несется уже въ противоположную сторону. Въ это время охотникъ быстро беретъ на перерѣзъ, близко подкакиваетъ къ звѣрю и старается удержать его бѣгъ въ одномъ направленіи. Скоро разстояніе между борзой и лисицей сокращается, уставшій звѣрь пытается обмануть собаку своими причудливыми зигзагами, но все напрасно—онъ становится добычей киргиза. Въ горахъ охотятся за лисицею безъ загонщиковъ и собакъ не держатъ на своркѣ, а прямо выслѣживаютъ звѣря, поднимаютъ его и начинается гонка безъ всякого порядка и системы. Здѣсь лисицѣ больше возможности укрыться отъ враговъ, такъ какъ она, завидя ихъ, тотчасъ-же бросается на уступы и, точно по ровному, катитъ чуть не по отвѣсной скалѣ, и собаки значительно уступаютъ ей въ бѣгѣ, всадники-же или останавливаются у подножья, или пускаются въ объѣздъ. Поэтому въ гористыхъ мѣстностяхъ способъ охоты на лисицу съ борзыми мало распространенъ среди киргизовъ и послѣдніе для ловли лисицъ приобѣгаютъ къ другимъ, о которыхъ я буду говорить ниже.

Зимою охота на лисицу съ борзыми значительно облегчается и всегда бываетъ удачнѣе, такъ что осенняя охота понемногу оставляется киргизами, тѣмъ болѣе въ это время наступаетъ для нихъ самая горячая пора приготовленій на зиму. Зимою лисица покидаетъ свое логовище рано утромъ и отправляется на охоту за мелкими звѣрками—мышами, зайцами, хомяками, а также за птицей. Охотники въ это время уже выѣхали въ степь и на-

павъ на слѣдѣ, начинаютъ объѣзжать его большими кругами. Разъ зоркій глазъ киргиза усмотритъ на бѣлой поверхности движущуюся точку, въ которой онъ скоро узнаетъ лисицу, діаметръ круговъ начинаетъ постепенно сокращаться. Звѣрь, замѣтивъ охотниковъ, припадаетъ къ землѣ, прячется за сугробъ, въ высокій кустъ ковыля, но враги все ближе и ближе,—и онъ выскакиваетъ на открытое мѣсто и бросается на утекъ. Свора спущена, всадники летятъ вслѣдъ, щедро награждая ударами своихъ лошадей, свистомъ одобряя собакъ, и какъ лисица не изощряется въ своихъ хитроумныхъ скачкахъ, поворотахъ, борзая скоро насѣдаютъ и сразу берутъ уставшаго звѣря. Одиночные охотники не дѣлаютъ объѣздовъ и пускаютъ собаку прямо по слѣду. Эта послѣдняя гонка бываетъ не такъ удачна, потому что звѣрь издали замѣтивъ охотника, бросается отъ него въ противоположную сторону и скоро скрывается изъ глазъ. Въ малоснѣжную зиму, когда есть возможность чуть не каждый день выезжать на охоту, послѣдняя съ борзыми бываетъ очень удачна, такъ что въ среднемъ каждая собака беретъ отъ 10 до 15 лисицъ. Но разъ зима стоитъ бурная и въ стени кругомъ наметаны горы снѣга—охота на лисицу становится прямо невозможной, такъ какъ собакамъ ужасно трудно гнаться за звѣремъ по глубокому снѣгу. Въ такія зимы на лисицъ устраиваютъ засады. Киргизы разбрасываютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ приманку, состоящую изъ зайца, мышей, или тетеревовъ, а сами съ собаками залегаютъ гдѣ нибудь не подалеку въ оврагѣ, или камышахъ, а то и прямо въ снѣгу вырываютъ гроты. Лисица съ обычною осторожностью, съ присущими ей присѣданіями, тихо приближается къ чернѣющему на снѣгу предмету, обнюхиваетъ слѣды и, лишь только готовится схватить добычу, какъ точно изъ земли выскакиваютъ борзая, киргизы, и не успѣвъ кумушка сдѣ-

лать два-три скачка, какъ въ ея шею впиваются острые зубы собаки.

Зимою киргизы ловятъ лисицъ также и капканами. Капканъ состоитъ изъ двухъ полукруглыхъ стальныхъ пластинокъ, соединенныхъ въ концахъ упругими двойными рогатками, которые вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ и пружиной. Пластины укрѣпляются совершенно неподвижно на толстомъ желѣзномъ кругѣ, обтянутомъ холстомъ, къ кругу приделаны два крючка, одинъ противъ другаго съ такимъ расчетомъ, чтобы каждый изъ нихъ находился противъ середины соответствующей пластинки, а между крючками надѣвается овальное кольцо. При постановкѣ капкана, его сначала привязываютъ къ вбитому колу, или камню, дереву, или просто за кустъ ковыля, чилиги прочной волосяной веревкой, продѣтой въ кольцо капкана, потомъ раздвигаютъ пластинки и зацѣпляютъ за нихъ крючки, отчего получается совершенно правильный кругъ. Отъ другого конца крючковъ проводится тонкая веревка, или просто нитка, за которую привязывается приманка. Кругъ и холстъ покрываются снѣгомъ. Осторожно подходит лисица, долго не рѣшается взять приманку—смущаетъ ее вся эта обстановка и инстинктивно она чувствуетъ, что кроется тутъ замыселъ коварный, но голодъ глушитъ инстинктъ осторожности, приманка дразнитъ своимъ аппетитнымъ видомъ и лисица рѣшается взять. Лишь только ея зубы коснулись приманки, лишь только она потянула послѣднюю къ себѣ, крючки срываются съ пластинокъ и послѣдніе плотно и туго сжимаютъ шею звѣру. Мечется лисица изъ стороны въ сторону съ тяжелымъ капканомъ на шеѣ, старается снять его лапами, но пружина давитъ все сильнѣе, пластинки больше сближаются и наступаютъ полное задушеніе.

Кромѣ того у киргизовъ практикуется еще способъ выкуриванія лисицъ. Всѣ отверстія норы плотно завали-

ваются, а главный выходъ задѣлывается только на половину камнями, или-же въ него вкладывается камень на столько, чтобы между нимъ и норой оставался проходъ для дыма. Послѣ этого раскладываютъ изъ кизяка, тростника, чилиги, или соломы огонь. Быстро нора наполняется дымомъ, лисица бросается къ выходамъ, но всѣ они задѣланы; наконецъ она стремится къ тому, гдѣ разложенъ огонь, видитъ, что здѣсь отверстіе не совѣтъ задѣлано и употребляетъ всѣ усилія, чтобы вылезти — роетъ землю лапами, грызетъ зубами, но все напрасно. Скоро ѣдкій дымъ наполняетъ легкія, ѣстъ глаза и звѣрь въ конвульсіяхъ погибаетъ около выхода. Особенно остроумно здѣсь со стороны охотника-киргиза то, что онъ одинъ изъ выходовъ на половину оставляетъ открытымъ, съ цѣлью приманить сюда звѣря и дать ему задохнуться, иначе она можетъ пасть гдѣ нибудь въ глубинѣ норы и тогда придется потратить массу труда на разрываніе послѣдней.

Лѣтомъ киргизы охотятся на лисенятъ, ловятъ ихъ живыми, выращиваютъ, а зимой убиваютъ. Ловля производится слѣдующимъ образомъ: нору, въ которой замѣчено присутствіе лисицы съ дѣтенышами, окапываютъ небольшимъ, но глубокимъ, съ отвѣсными стѣнами, ровомъ; всѣ выходы забиваютъ кромѣ одного и начинаютъ слегка подкуривать. Когда выскочитъ лисица и увидитъ удаляющихся людей, она тотчасъ-же забираетъ лисенятъ и уводитъ ихъ прочь изъ норы. Лишь только они выйдутъ, охотники быстро подскакиваютъ, лисица устремляется въ степь, и дѣтеныши слѣдуютъ за ней, но тотчасъ же всѣ попадаютъ въ ровъ. Въ послѣднее время киргизы переняли русскій способъ ловли молодыхъ лисенятъ: забиваютъ всѣ выходы норы, а въ главномъ на $1\frac{1}{2}$ —1 аршинъ отъ начала выкапываютъ сверху яму, дно которой должно быть глубже норы на два аршина; въ поперечникѣ яма дѣлается въ 1— $1\frac{1}{2}$ аршина, стѣны ея долж-

ны быть отвѣсны. Яму прикрываютъ сырыми тонкими палочками, на которыя кладутъ траву, съ цѣлью замаскировать этимъ ловушку. Когда лисенку нужно выйти, то онъ, ничего не подозрѣвая, ступаетъ на палочки и проваливается, а охотникъ тотчасъ приводитъ яму въ прежній видъ; на крикъ попавшаго звѣрка спѣшитъ мать, или другой изъ лисенятъ и также попадаютъ въ западню. При соблюденіи всѣхъ условій осторожности и при тщательномъ устройствѣ ямы, можно переловить всѣхъ лисенятъ и даже мать ихъ, хотя эта послѣдняя всегда убѣгаетъ одна изъ норы ранѣе, чѣмъ будетъ вырыта яма и только издали наблюдаетъ за ловлей дѣтенышей.

Лисій промыселъ съ каждымъ годомъ получаетъ все большее и большее развитіе, является въ нѣкоторыхъ аулахъ весьма видной статьей денежнаго обмѣна и вытѣсняетъ другіе промыслы, какъ, напримѣръ, кустарные. Къ сожалѣнію, охота на лисицу принимаетъ отчужденъ хищническаго истребленія этого безвреднаго въ нашей степи звѣря и разъ не будутъ ограничены права охоты, то не за горами то будущее, когда отъ лисицъ останется одно воспоминаніе, промыселъ исчезнетъ, а заброшенные изъ за него другіе промыслы не скоро можно обратить въ выгодныя статьи дохода и пополнять ими образовавшіеся отъ исчезновенія лисьяго промысла дефициты.

Количество вывезенныхъ изъ области лисихъ шкуръ достигло въ 1894 году до 10,000 штукъ.

Охота на корсаковъ.

Корсакъ принадлежитъ къ виду *vulpes* и отличается отъ обыкновенной лисицы своею величиною, такъ въ длину туловище его не превышаетъ 50—55 см., а хвостъ 35 см. Лѣтомъ волосы имѣютъ рыжеватую окраску, но по мѣрѣ выростанія цвѣтъ ихъ мѣняется и къ зимѣ при-

нимаютъ серебристый оттѣнокъ, пушисты, мягки, хотя значительно короче сравнительно съ волосами лисицы и волковъ. Нижняя часть туловища и живота окрашена въ желто-бѣловатый цвѣтъ, а на груди замѣчается рыжеватая полоска; хвостъ бурый, и на концѣ совершенно черный.

Обитаютъ корсакъ по степнымъ солончаковымъ равнинамъ въ южныхъ уѣздахъ области, а лѣтомъ заходитъ въ сѣверные—Актюбинскій и Кустанайскій; образъ жизни ведетъ бродячій, опредѣленныхъ мѣстъ никогда не имѣетъ, норъ не роетъ, а если встрѣтится въ послѣднихъ нужда, то безъ церемоніи выгоняетъ изъ первой понавшейся норы байбака и занимаетъ ее себѣ подъ квартиру до тѣхъ поръ, пока не минетъ надобность. Бродитъ корсакъ не въ одиночку, какъ это мы наблюдаемъ у лисицы, а большими партіями, причемъ при раздѣлѣ добычи, нѣтъ такихъ дракъ и ссоръ, какъ у волковъ. Вообще корсакъ склоненъ къ общежительству, миролюбивъ и врожденный кочевникъ. Киргизы особенно любятъ этого звѣря за его кочевой образъ жизни и видятъ въ этомъ какъ бы указаніе, что современемъ онъ станетъ такимъ-же прирученнымъ, какъ и собаки (Гирей). Мнѣ лично приходилось видѣть нѣсколько корсаковъ прирученными съ малаго возраста и они поразили меня своей скромностью, послушаніемъ, но постоянно стремятся уйти въ степь и повести бродячую жизнь.

Охота на корсаковъ составляетъ также одно изъ любимыхъ и выгодныхъ занятій среди киргизъ, но малое распространеніе этого звѣря, его бродячая жизнь по необитаемымъ степнымъ солонцеватымъ пространствамъ не даетъ того богатаго лова, какой мы видѣли при охотѣ на лисицъ. Лучшей порой охоты на корсака считается осень, когда этотъ звѣрь перекочевываетъ изъ сѣверныхъ предѣловъ въ южные, держась преимущественно открытыхъ равнинъ.

Какъ только среди киргизъ здѣлается извѣстнымъ о приближеніи первыхъ партій корсаковъ, они тотчасъ собираются по нѣсколько человекъ и предварительно отправляются на рекогносцировки, съ цѣлью опредѣлить направленіе звѣря, что сдѣлать не особенно трудно, такъ какъ послѣдній вообще рѣдко мѣняется, при своихъ перекочевкахъ, направленіе, а изъ года въ годъ держится одного того-же. Послѣ этого, охотники разбиваются на нѣсколько группъ, изъ которыхъ одна остается въ тылу звѣря, а остальные заѣзжаютъ далеко впередъ и размѣщаются такимъ образомъ, чтобы звѣрь и не подозрѣвалъ ихъ присутствія. Для этого охотники стараются держаться по холмамъ, кустарникамъ, камышамъ, охватывающимъ открытыя поляны, по которымъ долженъ пройти звѣрь. Корсакъ при перекочевкахъ съ утра и до половины дня прячется въ байбачьихъ норахъ, а къ вечеру выходитъ изъ нихъ и продолжаетъ путь. Охотники, завидя звѣря, спускаютъ собакъ, а сами скачутъ немного въ сторонѣ, стараясь держать звѣря въ прямомъ направленіи; къ нимъ постепенно присоединяются другіе и скоро облава становится общеою. Удача много зависитъ также отъ количества байбачьихъ норъ на пути гона, такъ какъ корсакъ при преслѣдованіи всегда снѣшится укрыться въ первой понавшейся норѣ. Много разъ приходилось наблюдать, какъ онъ со всего размаху бросается въ сурчиную пору, но только одна голова пролѣзаетъ, а туловище все остается снаружи и подослѣвшія собаки моментально взбрасываютъ звѣря на воздухъ и душатъ. Но при болѣе широкихъ норахъ, собакамъ приходится только корсакій слѣдъ обнюхивать и рвать зубами землю, а звѣрь залегаетъ въ норѣ, зачастую рядомъ съ ея хозяиномъ, и терпѣливо пережидаетъ опасность.

Зимою охотятся за корсаками также, какъ и за лисицами гонимъ, въ наѣздку, капканами и съ беркутомъ.

Послѣдній родъ охоты самый удачный и уступаетъ только охотѣ съ борзыми, во время перекочевокъ звѣря.

Сбытъ корсачьихъ шкуръ принялъ у насъ за послѣднее время довольно широкіе размѣры, хотя по прежнему главнымъ потребителемъ ихъ является Хива и Китай. Шкура корсака цѣнится на мѣстѣ до 1 р. 50 коп. Общее количество вывезенныхъ изъ области за послѣдніе пять лѣтъ корсачьихъ шкуръ достигаетъ 18858 штукъ, вмѣстѣ съ проданными на мѣстныхъ рынкахъ.

Охота на зайцевъ.

Единственная охота, которая еще исключительно носить характеръ развлечения и которая широко распространена среди киргизовъ, благодаря своей несложности,— это охота на зайцевъ. Нѣтъ, кажется такого аула, въ которомъ не травили-бы зайцевъ, также какъ и волковъ. Но только въ основѣ травли волковъ положена, какъ я уже говорилъ выше, самозащита кочевника отъ страшнаго хищника, что при охотѣ на зайцевъ, конечно, не можетъ имѣть мѣста. Выѣдетъ-ли киргизъ въ сосѣдній аулъ въ гости, или по дѣлу, выйдетъ-ли онъ просто за свою землянку полюбоваться на скотъ и лишь только замѣтитъ заячій слѣдъ, тотчасъ же зоветъ собаку и охота готова. Увлекаясь, онъ забываетъ про дѣло, не обращаетъ вниманія на снѣгъ, холодъ и только наступившіе сумерки прекращаютъ травлю.

Водится въ области обыкновенный русакъ, который лѣтомъ уходитъ въ глубь степи и ютится по зарослямъ ржанника, чилиги, прячется по песчанымъ холмамъ, а къ срединѣ лѣта спускается въ долины и лакомится ягодиномъ. Зимой заяцъ подходитъ къ ауламъ и здѣсь залегаетъ, выходя въ ясные дни для отысканія пищи. Чѣмъ объяснить эту странность со стороны такого трусливаго и осторожнаго грызуна—незнаю, но только ча-

Заяцъ.

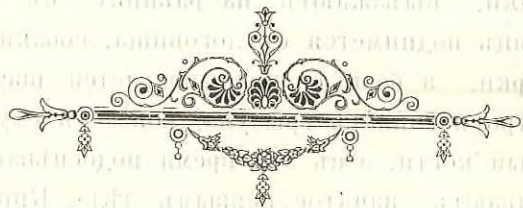
сто случается наталкиваться на заячьи логовища въ нѣсколькихъ десяткахъ саженьяхъ отъ аула, и при малѣйшемъ шорохѣ, заяцъ вылетаетъ изъ норы и если есть вблизи собаки—достается послѣднимъ въ добычу. Правильной охоты на зайцевъ у киргизовъ не существуетъ, а травятъ ихъ собаками при каждомъ удобномъ случаѣ, онъ обращая вниманія на возрастъ зайца.

Охотятся киргизы на зайца исключительно съ собаками, въ наѣздку и прямо гономъ. Предварительно киргизъ-охотникъ по слѣду отыскиваетъ логовище зайца, которое замѣтно издали по выходящимъ изъ отверстія струйкамъ пара, тихо подѣзжаетъ къ нему и спускаетъ собакъ. Заяцъ, услышавъ шумъ, выскакиваетъ изъ норы и если не сразу попадаетъ въ зубы борзымъ, то послѣ не продолжительнаго гона. На зайцевъ киргизы охотятся также иногда съ собаками и беркутами вмѣстѣ, каковая охота особенно развита у киргизовъ горной полосы. Кавалькада въ нѣсколько человѣкъ, съ борзыми на своркахъ и съ беркутами, на глаза которыхъ надѣты кожаные колпаки, выѣзжаютъ на равнину въ рядъ. Какъ только заяцъ поднимется съ логовища, собаки спускаются со сворки, а беркутъ подбрасывается вверхъ. Хищникъ быстро нагоняетъ грызуна, вонзаетъ ему въ спину свои острые когти, а въ это время подоспѣваютъ борзые и доканчиваютъ начатое первымъ дѣло. Киргизы, бросивши беркутовъ, летятъ вслѣдъ, вырываютъ добычу изъ когтей хищниковъ и изъ зубовъ борзыхъ, и даютъ первымъ по небольшому кусочку мяса, а собакамъ лапки.

Лѣтомъ въ большомъ количествѣ истребляютъ зайцевъ во время разлива воды. Какъ извѣстно изъ географическаго очерка, рѣки и озера тургайской степи разливаются широко, бурлятъ и играютъ въ теченіи многихъ дней, причемъ разливъ этотъ наступаетъ совершенно неожиданно—ночью морозъ и t°-ра падаетъ до 0°, а по

утру и въ полдень, доходить до 15—20° R и вся степь покрывается водой. Зайцы, которые принадлежать къ недалновиднымъ, а отчасти и къ глупымъ животнымъ, застигнутые врасплохъ, бросаются на островки, занятые зимовьемъ и скучиваются здѣсь иногда по нѣскольکو десятковъ. Киргизы, зная это, собираются цѣлымъ ауломъ и устраиваютъ скорѣе бойню, чѣмъ охоту—бьютъ ихъ палками, травятъ собаками; многіе зайцы бросаются въ воду, тонуть, если только собаки и тамъ ихъ не переловятъ.

Шкура зайца цѣнится очень низко и киргизы отдаютъ ее иногда за коробку спичекъ, такъ что о промысловой охотѣ здѣсь и не можетъ быть рѣчи. Тѣмъ не менѣе въ общемъ вывозится изъ области довольно солидное количество заячьихъ шкуръ и много расходуется послѣднихъ на мѣстныхъ рынкахъ.

РУЖЕЙНАЯ ОХОТА.

Ружейная охота существуетъ у киргизовъ сравнительно недавно и занесена къ нимъ сосѣдними охотниками-башкирами, промышлявшими въ началѣ настоящаго столѣтія въ тургайскихъ степяхъ. Первое время, когда охота среди киргизовъ не носила еще промысловаго характера, огнестрѣльное оружіе между ними было весьма мало распространено, причемъ употреблялось чаще для борьбы съ врагами—людьми, чѣмъ для забавы охоты,—собака и ловчія птицы были тогда душой послѣдней. Но «измѣнились времена—иными стали нравы»: измѣнившійся строй жизни кочевника, его прогрессивное обѣдненіе, а отсюда и стремленіе пополнять свой скудный бюджетъ иными, кромѣ скотоводства, занятіями, вытѣснили болѣе увлекательные, но менѣе богатые по лову способы охоты, а взамѣнъ послѣднимъ явились охоты, въ основу которыхъ кочевникъ прежде всего ставилъ наибольшій ловъ. Такимъ образомъ, охота какъ «спортъ», уступила охотѣ-промыслу, а охотникъ диллетантъ-промышленнику. Ружейная охота съ помощью борзыхъ является самою добычливою и кочевникъ-охотникъ остановился на ней, одинаково цѣня неизмѣнныхъ товарищей—ружье и собаку.

Вначалѣ ружье у киргизовъ было первобытной формы—фитильное, микроскопическаго калибра съ придѣланною къ нему рогаткою для вѣрности прицѣла, но при

проникновеніи въ степь русской культуры, киргизы стали пріобрѣтать и дешевыя шомпольныя тулки малого калибра, извѣстныя среди русскихъ подъ названіемъ «малозерныхъ», а также и винтовки. Хорошее дальнобойное ружье составляетъ гордость кочевника-охотника и онъ заботливо относится къ нему—послѣ каждой охоты промочить, вычистить, завернуть въ кожаный чехоль и подвѣсить къ стѣнѣ кибитки. Стрѣляетъ киргизъ всегда «навѣрняка», чтобы даромъ не тратить заряда, который ему обходится не дешево. Степные торгаша, разъѣзжая по ауламъ съ своими подвижными лавочками, снабжаютъ охотниковъ порохомъ, дробью, пистонами, назначая высокія цѣны, такъ за фунтъ пороха торгошъ вымѣниваетъ барана, за фунтъ дроби—двѣ овчины, а за сотню пистонъ—кожу-яловку. Въ послѣднее же время эти степные пауки постепенно забираютъ въ свои руки всю пушнину, вымѣнивая ее на охотничьи снаряды, и широко эксплуатируютъ кочевника-охотника. Послѣдній еще хорошо не знаетъ цѣны своимъ охотничьимъ трофеямъ и не сказано радуется, если ему скоро придется сбыть ихъ; торгошъ же съ своей стороны, прежде чѣмъ взять шкуру звѣря или рога, старается отклонить предложеніе, увѣряя, что сбыта на «этотъ товаръ» нѣтъ, чѣмъ сбиваетъ цѣну и доводитъ киргиза до того, что онъ готовъ шкуру лисицы отдать за фунтъ сахара. Учрежденіе внутри области базаровъ и ярмарокъ значительно подняло цѣны на пушнину и киргизъ-охотникъ понемногу начинаетъ выпутываться изъ сѣтей ловкаго торгоша, хотя по прежнему платитъ еще громадныя деньги за всѣ охотничьи снаряды.

Собака при ружейной охотѣ является для киргиза необходимымъ и полезнымъ помощникомъ при отысканіи дичи. Особыхъ подружейныхъ собакъ нѣтъ, а роль ихъ прекрасно выполняютъ борзые, которыхъ много по-

могаютъ при такихъ охотахъ, какъ на сайгака, кулана, кабана, или-же дворовыя собаки, которыя исполняютъ обязанности лаекъ, ищущихъ при охотахъ на мелкихъ звѣрковъ—бѣлку, горностая, сурка и на птицъ. Единственная охота, гдѣ киргиза не сопровождаетъ собака—это зимняя охота на тетеревовъ, такъ какъ послѣдніе не такъ боятся человѣка, какъ собаку—лишь только слышится отдаленный лай, или мелькаетъ вдали ея фигура, какъ тетеревъ снимается съ дерева и улетаетъ въ глубь лѣса.

Киргизы не придерживаются номеровъ дроби, соотвѣтственныхъ извѣстному роду дичи, а питаютъ необъяснимое пристрастіе къ крупному сорту: „меньше идетъ и лучше бьетъ“. Держась этой логики, киргизы-охотники рѣдко заряжаютъ № 5 или 4, а все № 2 и 1, какая бы дичь не была—бекас-ли, дрофа-ли, имъ все равно, а къ бекасиннику относятся съ крайнимъ недовѣріемъ и называютъ его «тара» (просо). Для пыжей употребляютъ верблюжья и баранья шерсть, которая опасна лѣтомъ, въ отношеніи степныхъ пожаровъ: послѣ выстрѣла шерсть очень долго тлѣетъ, а разъ попадетъ въ сухую траву, то и можетъ вызвать пожаръ. Пороху киргизы кладутъ безъ мѣры, прямо на глазъ и часто случается, что зарядъ падаетъ не въ звѣря, а въ лицо охотника, а иной разъ ружье такъ отдастъ, что послѣдній кубаремъ катится. Случаи разрыва стволовъ очень часты при охотѣ на крупныхъ звѣрей, гдѣ, по мнѣнію киргизовъ-охотниковъ, «пороху сыпать надо побольше».

Особаго охотничьяго костюма у киргизовъ не бываетъ, а выѣзжаютъ они на охоту въ тѣхъ-же бешметахъ и кожаныхъ шальварахъ, въ которыхъ ѣздятъ по гостямъ. Принадлежности охотничьи: «пороховница», «дробница» и «пистоница» изготовляются киргизами изъ рога и иногда имѣютъ очень изящный видъ по своей отдѣлкѣ и по украшеніямъ изъ серебра.

Охота на кулановъ.

Куланъ или дикая лошадь является однимъ изъ главныхъ представителей фауны средне-азиатскихъ степей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и любимой добычей киргизскихъ охотниковъ.

«Если признать справедливость теоріи Дарвина, говоритъ Брэмъ, то можно предположить, что куланъ есть родоначальникъ нашей облагороженной тысячелѣтнимъ воспитаніемъ лошади». При этомъ самъ знаменитый естествоиспытатель убѣжденъ въ несомнѣнности этого предположенія и называетъ крайне шаткимъ мнѣніе зоологовъ, видящихъ въ одичалой лошади — тарпанѣ дикое животное, а отсюда и родоначальника современной лошади. Свое предположеніе Брэмъ подтверждаетъ рядомъ цѣнныхъ наблюденій надъ жизнью и привычками кулана, путемъ параллельныхъ сопоставленій послѣднихъ съ такими домашней лошади и наглядно показываетъ несомнѣнную близкую родственность между этими двумя животными. Нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ я считаю не лишнимъ привести здѣсь. Лошадь и куланъ прекрасно уживаются вмѣстѣ, такъ знаменитому путешественнику во время поѣздки въ степь пришлось натолкнуться на пару кулановъ. «Одно изъ животныхъ отдѣлилось, при нашемъ приближеніи, и направилось рысью къ горамъ, другое осталось на мѣстѣ, какъ бы недоумѣвая и разсуждая само съ собою, что предпринять, потомъ мотнуло нѣсколько разъ головой и наконецъ бѣгомъ направилось къ намъ». Оказалось, что это былъ вовсе не куланъ, а простой киргизскій конь, мастью своей схожій съ куланомъ и, вѣроятно заблудившись, мирно пасся съ послѣднимъ, а когда увидѣлъ своихъ кровныхъ родичей, то «не задумался покинуть въ минуту опасности своего новаго друга». Куланы всегда держатся косяками, при чемъ

главой его бываетъ жеребецъ производитель, который ведетъ табунъ на пастбище, а при бѣгствѣ мужественно защищаетъ его противъ врага, не выносить никакихъ споровъ между подчиненными, никакого соперничества и вообще не допускаетъ другого возмужалаго жеребца въ табунъ».

Куланъ одно изъ самыхъ «гордыхъ, самоувѣренныхъ, великолѣпныхъ, сильныхъ и своевольныхъ» животныхъ. При видѣ всадника, который намѣренъ приблизиться къ нему «легко, и не принужденно удаляется, какъ-бы насмѣхаясь надъ преслѣдователемъ, и шутя и играя, хлопаетъ себя по бедрамъ хвостомъ». Если преслѣдованіе продолжается и всадникъ пускаетъ своего аргамака вскачь, «то и куланъ съ быстротою вѣтра несется по степи и очень скоро исчезаетъ изъ глазъ». Косякъ въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ за своимъ властелиномъ и слушается его команды. «Великолѣпная картина представляется взору, когда цѣлый табунъ, бѣгуцій правильными рядами, какъ-бы по командѣ предводителя, дѣлаетъ поворотъ, останавливается и снова обращается въ бѣгство». У киргизовъ относительно происхожденія кулана имѣется собственная легенда: «когда-то жилъ одинъ киргизъ, по имени Каргеръ-Бей, который былъ также богатъ, какъ и скупъ. Онъ умеръ, не оставивъ послѣ себя наслѣдниковъ, но его богатство все таки никому не досталось, потому что всѣ его стада, въ знакъ поучительнаго примѣра соотечественникамъ, были превращены въ дикихъ степныхъ животныхъ: его овцы въ сайгаковъ, а лошади въ кулановъ». Съ тѣхъ поръ тѣ и другія населяютъ пустыню.

Излюбленными мѣстами кулана являются гористыя и песчано-солончаковыя пространства, поросшія горькими травами. Въ Тургайской области такими мѣстами являются склоны Усть-Урта, берегъ Аральскаго моря, отроги Улу-Тау, въ районѣ юго-восточной части Иргизска-

го и Тургайского уѣздовъ. Иногда одиночные косяки проникаютъ и сѣвернѣе къ отрогамъ Мугоджарскихъ горъ, но это случается довольно рѣдко, во время засухи, неурожая травъ, а при благопріятныхъ условіяхъ куланъ всегда держится однихъ и тѣхъ-же пастбищъ. Лѣтомъ табуны поднимаются въ горы, а зимою перекочевываютъ въ долины, гдѣ и тебѣютъ, пока весенніе лучи не согнать снѣгъ съ нагорныхъ пастбищъ и не пробьется на нихъ зеленая трава. До чего это животное привязывается къ своимъ старымъ мѣстамъ, можно судить потому, что табуны кулановъ, загнанные голодомъ за сотни верстъ отъ своихъ постоянныхъ пастбищъ, или настойчиво преслѣдуемые на данныхъ мѣстахъ охотниками, все таки, по минованіи подобныхъ неблагопріятныхъ условій, стремятся назадъ, какъ бы не были прекрасны ихъ новыя пастбища, въ отношеніи растительности, и безопасны. Кроме того, куланъ не любитъ, какъ другіе животныя изъ предосторожности, мѣнять направленія своихъ перекочевокъ и даже на водной идетъ по одной и той-же тропинкѣ и разъ ему грозитъ опасность, онъ не бросается съ нея въ сторону, хотя-бы и было возможно, а моментально поворачиваетъ назадъ и стрѣлой летитъ. Этимъ обстоятельствомъ, какъ увидимъ ниже, прекрасно пользуются охотники и удачно эксплуатируютъ въ свою пользу эту своеобразную привычку кулана.

Охота на кулана во всѣхъ отношеніяхъ крайне трудная. Съ одной стороны сама природа на каждомъ шагу ставитъ охотнику всевозможныя препоны въ видѣ скалъ, стремнинъ, большихъ озеръ, въ видѣ холмовъ сыпучаго песка и непрерывныхъ бархановъ по побережью моря, въ видѣ пустынныхъ солончаковыхъ пространствъ, въ видѣ крайне капризныхъ проявленій климата, когда мертвящая тишина сразу смѣняется ужаснымъ песчанымъ бураномъ, наметающимъ цѣлыя горы песку и тамъ, гдѣ бы-

ла равнина образуется цѣлая цѣпь песчаныхъ холмовъ, а гдѣ были послѣднія—сплошная равнина. Съ другой—куланъ крайне осторожное, чуткое животное и малѣйшее подозрѣніе, малѣйшій намекъ на опасность обращаетъ его въ бѣгство и онъ, точно молнія, летитъ прочь отъ подозрительнаго шума, шороха. А тамъ, гдѣ два могучіе фактора—природа и инстинктъ идутъ рука объ руку, трудно бороться охотнику и чтобы выйти побѣдителемъ, нужно потратить массу труда, энергіи, терпѣнія, сдумать обмануть своею изобрѣтательностью и хитростью инстинкты осторожности и чуткости животного.

На кулана киргизы охотятся осенью, когда табуны этого животного начинаютъ спускаться съ долины, когда солнце умѣряетъ свой зной и бури смѣняются легкими вѣтрами. Самымъ распространеннымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ труднымъ, способомъ охоты на кулановъ является *охота въ объѣздъ*. Киргизы-охотники, вооруженные винтовками, рано утромъ выѣзжаютъ въ степь на лучшихъ скакунахъ аргамакахъ и тихимъ шагомъ приближаются къ цѣпи холмовъ, гдѣ по ихъ примѣтамъ долженъ пастись табунъ кулановъ. У подножья охотники разсыпаются на нѣсколько группъ и каждая изъ нихъ осторожно, безъ шума старается проникнуть къ вершинѣ. Вся задача состоитъ въ томъ, чтобы не дать животнымъ скрыться въ глубь холмовъ, а согнать ихъ въ долину, гдѣ охотники вполне могутъ соперничать съ куланомъ въ быстротѣ своихъ скакуновъ и испробовать мѣткость глаза. Поднявшись на вершину, охотники быстро окидываютъ все пастбища и лишь только ихъ зоркій глазъ уловитъ вдали хотя-бы даже неясные обрисы табуна, тотчасъ-же отступаютъ немного внизъ по склону и вскачь пускаются въ объѣздъ, оставляя на всѣхъ тропинкахъ по одному всаднику. Быстро заѣзжаютъ они въ тылъ, поднимаются на вершину и карьеромъ несутся прямо къ табуну, стараясь

держаться розорванной цѣпью, въ видѣ полукруга. Куланы изумлены и первое время, какъ видно, не отдаютъ себѣ отчета въ происходящемъ, но это мгновеніе... Высоко закинувъ хвосты, гордые животныя стрѣлой несутся по возвышенности, устремляются по тропинкѣ, но коварная засада и разбившіеся охотники упрямо гонятъ къ долині. Стремглавъ летитъ табунъ внизъ по склону, поднимая за собой клубы тяжелой солончаковой пыли, но и охотники не отстаютъ, не смущаются предъ крутымъ спускомъ, а напротивъ щедрѣе награждаютъ своихъ скакуновъ ударами ногойки. Вотъ и долина... Табунъ остановился, животныя, точно по командѣ, повернули головы, но къ ужасу и удивленію ихъ, всадники не только не отстали, а несутся въ слѣдъ. Звонко ударилъ копытомъ жеребецъ, звучно разнеслось его ржаніе и онъ съ быстротою молніи понесся по ровной степи, а за нимъ и весь табунъ. Охотники смыкаются въ болѣе тѣсную цѣпь и упрямо преслѣдуютъ табунъ... Постепенно сокращается разстояніе, отъ табуна начинаютъ отставать жеребята, а взрослые, чтобы не потерять послѣднихъ, слегка умѣряютъ свой бѣгъ; всадники-же не жалѣютъ своихъ бѣгуновъ и безсчетными ударами заставляютъ ихъ стелиться по землѣ. Наконецъ, табунъ разбивается на мелкіе косяки, которые разсыпаются въ разныхъ направленіяхъ по степи, а соотвѣтственно этому охотники разрываютъ свою цѣпь и каждая группа отдѣльно преслѣдуетъ намѣченный ею косякъ. Частъ спустя послѣ такой бѣшеной гонки, разстояніе между передовыми всадниками и косякомъ сокращается до ружейнаго выстрѣла и они, бросивъ поводья, привстаютъ на стременахъ, ловко перебрасываютъ на руку ружье и на всемъ скаку стрѣляютъ по животнымъ. Здѣсь не важно убить, или ранить, а жвано достигнуть того, чтобы куланъ услышалъ звуки выстрѣловъ, отъ которыхъ онъ моментально останавливается и

какъ-бы соображаетъ, откуда они послѣдовали. Въ это время охотники также ловко останавливаютъ своихъ аргамаковъ и съ прицѣла стрѣляютъ въ косякъ. Послѣдній шарахается, но скоро снова останавливается и съ удивленіемъ смотритъ на собрата, повалившася на мѣстѣ, чѣмъ даютъ возможность охотникамъ еще разъ прицѣлиться и свалить одного-двухъ кулановъ. Если косякъ состоитъ изъ однѣхъ молодыхъ матокъ и жеребятъ, то иногда удается его весь перебить.

Тамъ, гдѣ охотники не надѣются догнать кулана, или если тому не позволяютъ топографическія условія мѣстности, то устраивается засада. Куланы сходятъ къ водопою въ большинствѣ случаевъ всегда по одной и той же тропинкѣ, исключительно ими протоптанной. Зная это, охотники отыскиваютъ «куланъ-жоль» (тропинка-кулана), обсаживаютъ ихъ небольшими кустами изъ вѣтвей деревьевъ, приблизительно на разстояніи ста шаговъ одинъ отъ другого, и прячутся за ними. Нѣсколько-же чело-вѣкъ остаются на высотахъ и подаютъ условные знаки о приближеніи табуна. Какъ только послѣдній дойдетъ до середины, раздаются выстрѣлы, отъ которыхъ животныя бросаются назадъ, въ стороны, но выстрѣлы гремятъ, валятъ кулановъ одинъ за другимъ и животныя въ страхѣ мечутся по тропинкѣ, а иной разъ бросаются въ море, рѣку, озеро, гдѣ плаваютъ до изнеможенія, а послѣ приближаются къ берегу и живыми попадаютъ въ добычу охотникамъ. вмѣсто кустовъ, устраиваютъ иногда другой способъ засады: около водопою, избраннаго куланомъ, охотники вырываютъ ямы и засѣдаютъ въ нихъ въ ночь. Осторожно подходитъ куланъ, нѣсколько разъ останавливается, стремглавъ бросается назадъ отъ малѣйшаго дуновенія вѣтра, боязливо фыркаетъ, втягиваетъ воздухъ. Этотъ моментъ называется у киргизовъ «танг-дану», что значитъ испугъ, удивленіе. Продѣлавъ нѣсколько разъ

«танг-дану», куланъ, наконецъ, рѣшается подойти къ водопою; въ это-же время на него нападаютъ охотники и въ результатъ тоже самое, что и при засадѣ на тропинкѣ.

Въ послѣднее время къ приаральскимъ киргизамъ перешолъ способъ охоты на кулановъ, распространенный въ восточной Сибири. Состоить онъ въ томъ, что охотникъ, высмотрѣвши кулана, тихонько подѣзжаетъ къ нему на столько, чтобы послѣдній обратилъ вниманіе. Разъ это достигнуто, охотникъ подвязываетъ хвостъ своей лошади, которая, между прочимъ, должна быть одной съ куланомъ масти—свѣтло-рыжая, выводитъ ее на возвышенное мѣсто, пускаетъ на траву, а самъ ложится въ нѣсколькихъ шагахъ. Куланъ, принимая эту лошадь за кобылу своей породы, направляется къ ней, но скоро озадаченный останавливается на мѣстѣ и даетъ возможность прицѣлиться охотнику изъ своей неказистой винтовки. Иногда киргизы для обмана кулана гонятъ впереди себя верблюда, котораго куланъ близко подпускаетъ къ себѣ и охотникъ изъ за животного убиваетъ дичь. (Радде).

Куланъ считается у киргизовъ однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ и любимыхъ охотничьихъ трофеевъ, такъ какъ кромѣ удовольствія, охота на кулана и выгодна. Мясо кулана считается у кочевниковъ самымъ лакомымъ блюдомъ и цѣнится очень высоко, такъ туша стоитъ до 15 рублей. Изъ кожи выдѣлываютъ ергаки, а снятую съ крупа и бедеръ продаютъ отдѣльно торговцамъ для выдѣлки сафьяна. Кромѣ того куланья кожа идетъ для «жай-на-мазъ» и замѣняетъ собою молитвенный коверъ. Съ каждымъ годомъ замѣчается развитіе охоты на кулановъ, вывозъ продуктовъ отъ послѣднихъ увеличивается, а потому есть основаніе предполагать, что киргизы создадутъ себѣ изъ охоты на кулановъ весьма выгодный промыселъ.

Охота на сайгаковъ.

Сайгакъ, по киргизски *киикъ*, водится, какъ и куланъ, въ самыхъ безлюдныхъ и малопроходимыхъ мѣстахъ нашей степи: по берегу Аральскаго моря, за обширную площадью сыпучихъ песковъ «Барсуки», откуда онъ заходитъ иногда въ сѣверныя волости Иргизскаго уѣзда—Талдыкскую и въ южныя предѣлы Актюбинскаго уѣзда—Уйсылъ-Каринскую волость. Сайгакъ водится всегда по склонамъ горныхъ края и по песчано-солончаковымъ холмамъ, поросшимъ горькими травами.

Сайгаки держатся небольшими партіями, головъ въ 30—50, а осенью собираются въ громадныя стада и перекочевываютъ въ извѣстныхъ направленіяхъ, изъ года въ годъ держась обыкновенно однихъ и тѣхъ-же пастбищъ. Перекочевки продолжаются всю зиму, причемъ стада направляются къ югу, а по веснѣ снова тянутся на сѣверъ на старыя мѣста. Пища сайгака состоитъ изъ солончаковыхъ растений, въ изобиліи растущихъ по берегамъ соленыхъ озеръ, рѣкъ, болотъ, а также по склонамъ горныхъ края, по песчанымъ холмамъ. Изъ горькихъ травъ самую любимую является трава изъ семейства «полынныхъ» называемая киргизами «киик-оота» (трава сайгака)—кустистая, съ рѣзкимъ прянымъ запахомъ. Весьма оригиналенъ способъ срыванія сайгаками травы: во время ѣды они двигаются назадъ и бокомъ срываютъ траву, такъ какъ сильно свисшій на губу носъ мѣшаетъ питаться иначе (Паллосъ), но это намъ приходилось наблюдать только осенью, когда сильное накопленіе подкожнаго жира въ области носа, оттягиваетъ кожу, которая и спускается складкою на верхнюю губу.

Сайгакъ, хотя и относится къ виду степныхъ антилопъ, но какъ по своему внѣшнему виду, такъ и по образу жизни, смѣло можетъ явиться особымъ родомъ этихъ животныхъ и болѣе походить на овцу по однимъ призм-

накамъ, на сѣвернаго оленя—по другимъ. Характерною особенностью экстерьера сайгака является форма головы вообще, устройство носа въ особенности, который, какъ сказано выше, далеко выдается надъ верхнею челюстью, покрывающая его кожа морщиниста, подвижна. Въ общемъ, сайгакъ «неуклюжее животное съ толстымъ коренастымъ туловищемъ и довольно стройными, но низкими ногами: длинная мягкая шерсть покрываетъ все тѣло гладкимъ пушистымъ мѣхомъ. Рога, которые встрѣчаются только у самца, посажены далеко другъ отъ друга и изогнуты въ видѣ лиры. Длина взрослого самца 1,3 ст., вышина въ плечахъ до 80 ст. (Брэмъ).

Сайгакъ держится, какъ сказано выше, партіями по нѣсколько десятковъ головъ и собирается даже въ громадныя стада, но это нисколько не увеличиваетъ для него опасности отъ преслѣдованія враговъ—человѣка и хищниковъ. Малѣйшій подозрительный шорохъ, едва уловимый звукъ, точно токъ электрическій, пробѣгаетъ по всему стаду и черезъ мгновеніе, вмѣсто послѣдняго, видны только однѣ, мелькающія по уступамъ скалъ и въ глубинѣ стремнинъ, маленькія точки... По минованіи опасности, разбившіяся животныя снова собираются въ стада, снова мирно пасутся на богатыхъ пастбищахъ. Чуткость и осторожность до того развиты у сайгака, что кажется каждый атомъ его существа проникнутъ этими инстинктами. Все это, конечно, настолько, затрудняетъ охоту на сайгака, что рѣдкому-рѣдкому изъ охотниковъ удастся возвращаться изъ своихъ многодневныхъ экскурсій по раскаленнымъ песчанымъ буранамъ съ этимъ трофеемъ охоты. На каждомъ шагу природа ставитъ неопределимыя преграды, въ видѣ озеръ, скалъ и стремнинъ, невыносимый зной безпощадно падаетъ всѣ незащищенныя части лица, а раскаленный песокъ, точно искрами, жжетъ сквозь сапоги уставшія ноги... Кругомъ тишина—ни звука, ни

шороха, только изрѣдка степной лунъ нѣтъ-нѣтъ да и шархнется изъ подъ камня и лѣниво прорѣзываетъ горячій воздухъ, да развѣ сонный сурокъ свиснетъ разъ-другой и снова въ нору...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта пора невыносимаго зноя—лучшая и самая удобная пора охоты на сайгака. Мучимый зноемъ и міриадами насѣкомыхъ, заползающихъ въ уши, въ носъ, въ проходъ, сайгакъ, какъ бѣшеный, носится по степи, бросается на землю, бьетъ копытами, заходитъ въ воду, но... нигдѣ нѣтъ спасенія отъ мучителей. Усталыя и совершенно изнеможенные животныя падаютъ на землю, прячутъ носъ подъ переднія ноги и... точно умираютъ. Чуткость и осторожность теряютъ свою остроту, глаза не всматриваются зорко вдаль и совершенно закрыты... Кромѣ того въ срединѣ лѣта у большихъ сайгаковъ появляются вдоль хребта крайне болѣзненные припухлости, наполненные личинками мелкаго овода, называемаго киргизами *орка*. Эти припухлости первое время страшно зудятъ, а когда прорвутся и личинки выйдутъ наружу, зудъ уменьшается, но за то міриады насѣкомыхъ съ жадностью набрасываются на раневыя поверхности, чѣмъ и причиняютъ животнымъ ужасныя мученія. Только въ такіе дни охотнику и удастся близко подойти къ сайгакамъ, если только опять таки позволяет мѣстность—въ большинствѣ случаевъ сайгаки ищутъ спасенія отъ насѣкомыхъ на скалахъ и въ глухихъ буранахъ. Глухо прогремѣть одиночный выстрѣлъ въ безмолвной пустынѣ, чуть слышно отдается его эхо въ выжженной долинѣ и тѣмъ охота кончается. Разбуженные выстрѣломъ сайгаки, точно стрѣлы несутся по степи и не успѣетъ охотникъ вскинуть ружья для новаго выстрѣла, какъ отъ нихъ остались только однѣ едва замѣтныя точки. Въ это мгновеніе инстинкты сайгака снова пробуждаются во всей силѣ и заглушаютъ всѣ адскія муки.

Охотятся киргизы на сайгаковъ еще иначе. Нѣсколько киргизовъ-охотниковъ, вооруженныхъ винтовками, на подводахъ отправляются въ глубь степи, запасшись кадками и солью, чтобы сохранить мясо убитыхъ. Завидя стадо сайгаковъ, охотники разсыпаются и залегаютъ, а загонщики сзади стараются нагнать на нихъ животныхъ. Въ большинствѣ случаевъ эти промысловые охотники залегаютъ вблизи водопоевъ, куда сайгаки стадами собираются для питья или отдыха въ жаркое время. Тихо стадо подвигается, срывая по пути траву и не подозреваетъ засады. Вдругъ раздаются выстрѣлы, — животные сбиваются въ кучу, удивленно, и вмѣстѣ съ тѣмъ испуганно, поводятъ глазами, но кругомъ тихо, нѣтъ ни шороха, ни звука подозрительнаго; старый моргачъ, нетерпѣливо мотнувъ головой, первый двигается впередъ и стадо успокоивается, не обративъ вниманія на убитыхъ. Но новые выстрѣлы уже обращаютъ животныхъ въ бѣгство и не успѣваютъ охотники снова зарядить свои ружья, какъ отъ стада — одно воспоминаніе. Въ удачный день на долю каждаго охотника приходится по 2—3 сайгака. Мясо убитыхъ тутъ-же солятъ, складываютъ въ кадки и тотчасъ увозятъ для продажи.

Остальные способы охоты на сайгаковъ сходны съ таковыми на кулановъ. Подмѣтивъ тропинку, по которой сайгаки спускаются къ водопою, охотники втыкаютъ на какойнибудь покатости, или по отложному берегу, пучки заостреннаго камыша, размѣщая ихъ полукругомъ въ нѣсколько рядовъ. По концамъ полукруга дѣлаютъ конусообразныя насыпи въ ростъ человѣка. Часть охотниковъ размѣщается за насыпями, а часть заходитъ въ тылъ и начинаетъ пугать сайгаковъ. Последніе стремясь несутся по тропинкѣ, но залпъ выстрѣловъ ошеломляетъ ихъ, они бросаются назадъ, въ сторону — натапливаются на загонщиковъ, на насыпи, которыя также

принимаютъ за человѣческія фигуры и обезумѣвшее стадо устремляется по тропинкѣ въ средину полукруга, гдѣ и напарываются на острый тростникъ. Многихъ раненыхъ берутъ руками, а большинство пристрѣливаютъ. Другой способъ состоитъ въ слѣдующемъ: противъ того мѣста берега, гдѣ тропинка спускается къ водѣ, вырывается глубокая яма, въ которой засѣдаютъ охотники. Загонщики съ крикомъ начинаютъ гнать идущее къ водопою стадо и животные въ страхѣ бросаются съ обрывистаго берега въ воду, гдѣ и убиваются.

Зимою во время сильныхъ бурановъ, когда въ степи замираетъ всякая жизнь и все ищетъ спасенія отъ страшнаго игрища снѣжной бури, стада сайгаковъ прибываютъ иногда къ ауламъ, гдѣ и достаются въ добычу киргизамъ. Случается-же, что буранъ иногда загоняетъ сайгаковъ на ледъ, на которомъ они не могутъ держаться, скользятъ, падаютъ и киргизы бьютъ ихъ палками, ловятъ живыми. Но все это носить характеръ случайный, наблюдается крайне рѣдко, а специально на охоту за сайгаками зимою киргизы не выезжаютъ, такъ какъ въ это время сайгаки болѣе, чѣмъ когда-либо чутки, осторожны, на водопой не ходятъ и засады, конечно, сдѣлать нельзя. Развѣ только съ хорошими собаками на открытомъ мѣстѣ удастся затравить одного моргача, да и то охотникъ рискуетъ загнать лошадь и сломать себѣ шею. Приаральскіе киргизы въ послѣднее время стали усиленно охотиться на сайгаковъ и промыселъ «сайгачій» принимаетъ у нихъ все большее и большее распространеніе.

Мясо сайгака составляетъ лакомое блюдо кочевника, рога являются самымъ цѣннымъ продуктомъ денежнаго обмѣна, а кожа — лучший матеріалъ для выдѣлки ергаковъ. Рога молодого сайгака, называемыя *курукъ-басъ-теке* (не боящійся сайгакъ), бывають совершенно желтые, съ черными концами, вѣтвистые, гладкіе, блестящіе, точно по-

лированные и съ рѣзко выступающими поперечными темными кольцами, расположенными другъ отъ друга на $\frac{1}{4}$ вершка. Цѣна на мѣстѣ 4—5 руб. за пару. Рога старого сайгака сѣро-желтого, совершенно матоваго цвѣта, съ продольными трещинами, шероховаты, поперечныя кольца расположены чаще. Цѣна 2—2 $\frac{1}{2}$ руб. за пару. Шерсть сайгака коротка и груба, идетъ на разные домашнія издѣлія.

Охота на дикихъ козъ.

Дикая коза (*capreolus vulgaris*) встрѣчается въ области только въ ея юго-восточной части, изрѣзанной отрогами Алатаускихъ горъ, гдѣ попадаются обширныя чащи лѣса. Собственно говоря, это животное заходитъ сюда, при своихъ перекочевкахъ, изъ смежныхъ областей Сибири, и такимъ образомъ не является постояннымъ представителемъ мѣстной фауны. По преданію киргизъ, дикія козы когда-то цѣлыми стадами кочевали по долинамъ Урало-Илекскаго и Тоболо-Тургайскаго бассейновъ, покрытыхъ кустарникомъ и молодымъ ивнякомъ, но постепенное исчезновеніе этихъ видовъ растительнаго царства, усиленная разработка земли и, наконецъ, быстро прогрессирующее заселеніе степи, вытѣснили это животное и ограничили раіонъ его кочевокъ только небольшою юго-восточною площадью. До настоящаго времени среди старыхъ охотниковъ-киргизовъ сохранилось воспоминаніе о тѣхъ славныхъ охотахъ, когда они нападали на цѣлыя стада—головъ въ 500—1000 и давали просторъ своей молодецкой удали, травя козъ собаками, убивая стрѣлами. Теперь ничего подобнаго не встрѣчается и охотникамъ приходится довольствоваться тѣми небольшими партіями, которыя заходятъ въ тургайскіе предѣлы лѣтомъ и осенью. Измѣнился и самый способъ охоты—вмѣсто обыкновеннаго гона, гдѣ быстроногіе аргамачи состязались съ граціозными козами, выступили на сцену заса-

ды. Последнія носятъ характеръ волчьихъ ямъ и устраиваются такъ-же, какъ и при охотѣ на кулановъ и сайгаковъ—на тропинкахъ ведущихъ къ водою.

Охотники, вооруженные винтовками, засѣдаютъ въ этихъ ямахъ съ собаками, а нѣсколько верховыхъ заѣзжаютъ и гонять козъ къ мѣсту водопоя—къ рѣкѣ, озеру. Стадо стремглавъ несется отъ загонщиковъ, ничего не видя впереди, и прямо наталкивается на ямы, откуда раздаются выстрѣлы и выскакиваютъ собаки. Козы, принадлежа къ крайне пугливому и вмѣстѣ съ тѣмъ глуповатымъ животнымъ, мгновенно останавливаются отъ такого неожиданнаго нападенія, чѣмъ даютъ охотникамъ полную возможность вѣрнѣе прицѣлиться, а собакамъ удачнѣе схватить. Оправившись отъ испуга, животныя устремляются къ водѣ и ищутъ въ ней спасенья, но скоро усталость, а также и собаки вынуждаютъ ихъ выйти на берегъ, гдѣ поджидаютъ охотники и готовятъ свои винтовки.

Существуетъ и другой способъ: охотникъ нѣсколько дней издали выслѣживаетъ стадо и опредѣляетъ его направление, послѣ чего забѣгаетъ впередъ и прячется въ кустарникахъ, или въ чащѣ лѣса, черезъ который должно пройти стадо. При входѣ въ заросли кустарника, или чащу лѣса, козы разсыпаются и начинаютъ глотать нѣжныя вѣтви. Раздается выстрѣлъ, одна изъ козъ падаетъ, а остальные съ испугомъ и удивленіемъ сбиваются въ кучу, но полнѣйшее безмолвіе кругомъ разгоняетъ страхъ и онѣ продолжаютъ лакомиться корой деревьевъ. Слышится новый выстрѣлъ, отъ котораго падаетъ еще одно животное, стадо на этотъ разъ обращается въ бѣгство и если впереди нигдѣ нѣтъ засады, то этимъ и заканчивается охота. Иногда бываетъ, что опытный охотникъ успѣваетъ выхватить изъ стада 5—6 козъ, только для этого необходимо послѣ cadaго выстрѣла быстро забѣгать впе-

редъ, что пѣшему не такъ-то легко сдѣлать. Въ такихъ случаяхъ много помогаетъ умная собака, которая опережая, бросается на вожака—козла, отчего стадо останавливается или направляется въ сторону, а въ это время подоспѣваетъ мѣткая пуля охотника. Приходится также наблюдать и охоты съ облавой. Нѣсколько охотниковъ съ собаками и винтовками окружаютъ чащу, или поляну, поросшую кустарниками, въ которыхъ замѣчено стадо козъ, и правильными кругами начинаютъ объѣзжать это мѣсто, на разстояніи другъ отъ друга на 200 шаговъ. Когда діаметръ этихъ круговъ суживается на столько, что охотники не могутъ уже быть незамѣченными для животныхъ, изъ цѣпи выскакиваютъ нѣсколько загонщиковъ и несутся прямо на стадо. Последнее, какъ и всегда при неожиданныхъ нападеніяхъ, сбивается въ кучу, вожаки бьютъ копытами и тупо смотрятъ на несущихся прямо на нихъ всадниковъ, точно разсуждая сами съ собой, откуда могли взяться эти верховые. Загонщики спускаютъ собакъ, стадо разбивается на партіи, которыя, какъ брызги, бросаются въ разныя стороны, но вездѣ ихъ ждутъ страшные зубы борзой и мѣткая пуля охотника. Подобныя охоты весьма рѣдки въ Тургайской области и случаются только въ годы малаго урожая въ сосѣднихъ сибирскихъ мѣстахъ любимой козами солончаковой, горькой травы. Въ это время животныя большими стадами переходятъ Ала-таускіе холмы и спускаются въ долины по р. Джиланчику, доходятъ даже до отроговъ мугджаръ, покрытыхъ обширными кустарниковыми зарослями, а также и выпасываются по болотистымъ впадинамъ, гдѣ въ изобиліи произрастаетъ любимая ихъ трава «ишке-оота» (козья трава)—одинъ изъ видовъ полыни.

Такимъ образомъ охота на дикихъ козъ специально не входитъ въ кругъ охотъ тургайскихъ киргизовъ, а носитъ характеръ временный, совершенно случайный, по-

чему и неоставляетъ слѣда въ охотничьей жизни населенія ни какъ спортъ, ни какъ промыселъ, тѣмъ болѣе, что съ каждымъ годомъ охота на козъ становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ явленіемъ и составитъ, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ такую-же диковинку, какъ и охота на тигровъ.

Охота на кабановъ.

До появленія въ тургайскихъ степяхъ русскихъ переселенцевъ, охота на кабановъ въ тургайской степи не была извѣстна, въ силу религіозныхъ воззрѣній магометанскаго населенія, хотя у нѣкоторыхъ изслѣдователей степи имѣются указанія на существованіе этой охоты и среди киргизовъ, такъ Левшинъ, описывая звѣроловство у киргизовъ, упоминаетъ между прочимъ, что «киргизы для ловли кабановъ вбиваютъ въ землю заостренные колья, зажигая камыши, въ которыхъ они живутъ». Такимъ образомъ изъ этихъ немногихъ строкъ можно видѣть, что охота на кабановъ существовала, но въ какихъ размѣрахъ, съ какою цѣлью и какими именно киргизами—на это нигдѣ нѣтъ указаній, а слѣдовательно это занятіе, или спортъ были такъ мало развиты среди «киргизъ-кайсацкихъ» ордъ, что совершенно ускользало отъ пытливыхъ взоровъ туристовъ. Да иначе и нельзя было ожидать—мясо кабановъ киргизы не употребляютъ, сбыта на него тоже не могло быть тамъ, гдѣ кругомъ исключительно живутъ магометане, да и сами торговцы—послѣдователи Ислама. Только ради клыковъ киргизы могли охотиться за «шайтаномъ-чущка», такъ какъ они считаются лучшимъ матеріаломъ для выдѣлки черенковъ къ ножамъ, для украшеній на домбру, на пскекъ. Съ появленіемъ русскихъ, а также съ учрежденіемъ военныхъ укрѣпленій, въ которыхъ всегда имѣлись охотничьи команды, охота на кабановъ стала постепенно развиваться

и принимаетъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе солидные размѣры.

Въ области кабаны живутъ исключительно въ камышевыхъ заросляхъ, покрывшихъ на громадные пространства всю южную часть степи. Заросли эти богаты болотистыми мочежинами, съ обильною растительностью изъ семейства клубневидныхъ, съ тучною почвой, изобилующей гусеницами, червями, насѣкомыми, а среди тростника попадаетъ и бобовникъ-орѣшникъ, который составляетъ любимый кормъ кабана. Самое же главное эти болотца служатъ ванною для дикихъ свиней—цѣлыми днями послѣднія съ наслажденіемъ купаются въ грязной мутной водѣ, испуская отъ удовольствія гортанные хрюкающіе звуки. Охота на кабановъ производится облавою. Загонщики, напавъ съ собаками на слѣдъ звѣря, который между прочимъ всегда держится семьями, осторожно высматриваютъ его логовище и ждутъ момента, когда онъ ляжетъ. Свиньи, съ наслажденіемъ выкупавшись въ ближайшей лужѣ, закусивъ корнеплодами, къ полудню залегаютъ въ логово. Загонщики безшумно окружаютъ послѣднее тѣсною цѣнью, отводятъ рвущихся собакъ и зажимаютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ камышъ. Огонь быстро распространяется, сливается и образуетъ одно сплошное огненное кольцо. Звѣрь, почувя дымъ, тотчасъ-же бросается въ ближайшую мочежину и зарывается въ жидкой грязи. Собакъ еще не спускаютъ со сворки, иначе кабанъ, при ранней травлѣ, можетъ прорваться сквозь цѣнь въ сторону, противоположную охотникамъ, такъ какъ незанятый огнемъ кругъ еще довольно великъ. Но вотъ огненные языки начинаютъ лизать тростникъ, растущій вокругъ мочежины, а тамъ опаливаютъ и щетину испуганныхъ свиней. Въ это же время загонщики полукругомъ оцѣпляютъ убѣжище послѣднихъ, оставляя открытымъ мѣсто по

направленію къ засѣвшимъ охотникамъ, спускаютъ собакъ и поднимаютъ страшный шумъ, а 2—3 загонщика близко подсакиваютъ къ болотцу и стрѣляютъ. Кабанъ, почувя бѣду, стремглавъ бросается прочь отъ шума, лая и выстрѣловъ. Загонщики съ собаками зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы звѣрь не уклонился въ сторону и сигналомъ даютъ знать другъ другу о его направленіи. Если загонщики опытны въ облавѣ кабана, то они такъ умѣло направляютъ звѣря, что онъ точно по командѣ, бѣжитъ на охотниковъ, хотя встрѣчаются удобныя мѣста, чтобы ускользнуть въ заросли. Охотники располагаются обыкновенно вокругъ поляны такъ, чтобы звѣрь не могъ ихъ замѣтить. Гулко несутся по камышамъ крики загонщиковъ и лай спущенныхъ собакъ. Пернатое царство съ шумомъ поднимается съ мочежинъ, описывая въ воздухѣ круги и перелетая на другую поляну. Наконецъ на поляну выскакиваетъ цѣлая семья дикихъ свиней. Кабанъ пугливо осмотрѣвшись, снова хочетъ укрыться въ заросляхъ и торопливо перебѣгаетъ поляну, но раздается залпъ выстрѣловъ, за нимъ другой, собаки съ остервененіемъ рвутъ звѣрей, какъ пъявки виснутъ на ихъ ушахъ, тянутъ за лытки, а загонщики съ рогатками и пиками выбѣгаютъ на поляну. Обыкновенно завязывается отчаянная борьба. Раненыя свиньи свирѣпо поворачиваютъ неуклюжими головами, усердно и довольно удачно работаютъ своими страшными бивнями (клыками), то и дѣло подбрасывая на воздухъ налетающихъ собакъ. А разъ кабанъ увидитъ охотника, онъ съ силой отбрасываетъ всѣхъ борзыхъ и съ визгливымъ хрюканьемъ устремляется на него и бѣда, если охотникъ промахнется и не успѣетъ отскочить моментально—раненый звѣрь валитъ своими бивнями лошадь и начинаетъ терзать все, что попадаетъ ему подъ клыки, не обращая вниманія на ужасныя хватки подоспѣвшихъ собакъ. Поэтому то вотъ киргизы

всегда неохотно идутъ на облавы, жалѣя собакъ, да и боясь за свою жизнь.

Охота на барсуковъ.

Барсукъ (*Taxus vulgaris*) является однимъ изъ мало распространенныхъ въ области хищниковъ. Обитаетъ барсукъ въ юго-восточной части степей, гдѣ ютится вблизи опушекъ лѣса, на склонахъ горныхъ кряжей, спускающихся къ долинамъ, съ богатой луговой растительностью. Живетъ онъ въ норахъ, и проводитъ подъ землею большую часть своей не долгой жизни, выходя только вечеромъ на охоту за насекомыми, улитками, птицами и зайцами, показывается иногда и въ полдень, чтобы погрѣться на солнцѣ.

Охота на этого звѣря весьма трудна, такъ какъ приходится считаться съ величайшею осторожностью, подозрительностью и чуткостью барсука. Нужно имѣть громадный запасъ терпѣнія, чтобы цѣлыми часами сидѣть около норы и ждать появленіе звѣря, при чемъ малѣйшая неосторожность со стороны охотника—движеніе или кашель дѣлаютъ уже ожиданіе напраснымъ, такъ какъ барсукъ, услышавъ это, въ теченіе 2—3 дней не выйдетъ изъ логовища. Чаше эти подкарауливанія производятся не съ вечера, такъ какъ за темнотою ночи неудобно стрѣлять, а предъ разсвѣтомъ, когда барсукъ возвращается съ жировки. Для этого вблизи норъ устраиваютъ засады или въ видѣ ямъ, шалаша, а то просто взбираются охотники на деревья и оттуда стрѣляютъ въ звѣря. Въ большинствѣ случаевъ барсуки возвращаются партиями и такъ какъ обитаютъ обыкновенно вблизи другъ друга, то охотникамъ нѣтъ нужды переходить съ мѣста на мѣсто въ одну охоту, тѣмъ болѣе, что барсуки, услышавъ выстрѣлы не бросаются назадъ, а стремятся къ

своимъ норамъ. Но все таки этотъ способъ малодобычливъ, благодаря чуткости и осторожности звѣря, а потому киргизы прибѣгаютъ къ насильственному выгону барсуковъ изъ норъ во всякое время, путемъ выкуриванія. Отыскавъ норы, что весьма легко сдѣлать по кучкамъ нарытой желтоватой земли, а также и по протоптаннымъ тропинкамъ, идущимъ по лѣсу къ каждой барсучей норѣ отдѣльно, охотники закрываютъ всѣ отверстія, кромѣ двухъ крайнихъ, расположенныхъ одно противъ другого. Послѣ этого раскладываютъ изъ кизяка и сырой травы огонь; ѣдкій дымъ проходитъ черезъ всю нору и выходитъ изъ противоположнаго отверстія. Барсуки, на половину отравленные дымомъ, выскакиваютъ изъ норъ и не успѣваютъ отчихаться, какъ ихъ или поражаетъ пуля охотника, или же разрываютъ собаки. Иногда попадаютъ норы только съ однимъ отверстіемъ и выкуриваніе такимъ образомъ становится невозможнымъ, тогда охотникъ пробуетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ пробить желѣзнымъ прутомъ нору, въ надеждѣ попасть въ звѣря и тѣмъ самымъ побудить его къ выходу, или же просто узнать о мѣстѣ его логовища, чтобы выкопать другое отверстіе и выкурить дымомъ.

Кромѣ этого барсуковъ ловятъ еще капканомъ, при этомъ киргизы употребляютъ тотъ-же, что и на лисицъ, а переселенцы примѣнили къ ловлѣ барсуковъ способъ, которымъ они въ Россіи (сѣверяне) ловили волковъ. Выбираютъ нѣсколько близкорасположенныхъ другъ къ другу барсучьихъ норъ и приблизительно на равномъ разстояніи отъ каждой устраиваютъ ловушку: вбиваютъ $\frac{1}{2}$ -вершковыя необтесанные колья, на разстояніи одинъ отъ другого на $1\frac{1}{2}$ —2 вершка, на полъаршина глубиною, располагая ихъ правильными кругами. Такихъ круговъ дѣлаютъ два: одинъ меньшій, въ діаметрѣ около аршина, располагается внутри другого большаго на-

ружного, въ діаметрѣ около двухъ аршинъ. Къ наружному кругу придѣлываютъ дверь, равную по ширинѣ поперечнику между обоими кругами, которая отворяется внутрь и сдѣлана въ наклонномъ кнаружи положеніи. Дверь оставляется открытой, удерживаясь тонкимъ сырýmъ прутомъ, и наружный кругъ совершенно перегородивается ею. (Безобразовъ). Устроенную такимъ образомъ ловушку оставляютъ на нѣсколько дней безъ дѣйствія, чтобы осторожный барсукъ освоился съ невиданнымъ еще имъ, вблизи своей норы, сооруженіемъ. Послѣ этого въ меньшій кругъ кладутъ приманку, состоящую обыкновенно изъ убитой птицы. Барсукъ, почуя добычу, осторожно подходит къ частоколу, высматриваетъ между отверстиями птицу и старается проникнуть внутрь; доходить до двери и вступаетъ въ проходъ между кругами; здѣсь звѣрь снова старается проникнуть сквозь частоколъ, причемъ аппетитъ его значительно больше раздраженъ близостью добычи и подвигаясь, незамѣтно доходитъ до двери, преграждающей ему путь. Съ нетерпѣніемъ барсукъ толкаетъ дверь и она плотно захлопывается, предоставляя звѣрю полную свободу ходить кругомъ. Другіе барсуки, замѣтивъ своего товарища въ частоколѣ и желая также полакомиться дичью, пробуютъ пролѣзть сквозь частоколъ, но всѣ усилія остаются тщетными и если они нападутъ на дверь, то имъ удастся проникнуть къ собрату и раздѣлить съ нимъ печальную участь узника. Обыкновенно въ подобную ловушку попадаетъ не меньше 2—3 барсуковъ, а были случаи, что находили въ нихъ по 7—8 штукъ.

Шкура барсука цѣнится въ степи въ 50—55 коп., что дѣлаетъ эту охоту крайне выгодной и мы съ каждымъ годомъ наблюдаемъ развитіе ея, такъ въ 1893 году вывезено барсучьихъ шкуръ 347 штукъ, въ 1894—481 штука и въ 1895—623 штуки.

Охота на сурковъ.

Сурокъ (*arctomys babac*) крайне распространенное животное во всей Тургайской степи и обитаетъ, какъ въ богатыхъ растительностью сѣверныхъ уѣздахъ, такъ и въ скудныхъ солончаковыхъ степяхъ южныхъ. Онъ является, вмѣстѣ съ степнымъ лунемъ, неизмѣннымъ жителемъ всѣхъ холмистыхъ пространствъ, селясь преимущественно на мѣстахъ съ почвой суглинистой, супесчаной и своимъ немолчнымъ свистомъ нарушаетъ безмолвную тишину степи, а его жилища въ видѣ небольшихъ, близко другъ къ другу лѣпящихся курганчиковъ, производятъ издали впечатлѣніе аула. Сурокъ принадлежитъ къ крайне неуклюжимъ и лѣнивымъ животнымъ, легко приручаемымъ. Въ августѣ онъ уже залегаетъ въ норы на зимній покой и лежитъ до самой весны и такимъ образомъ лежка эта въ Тургайской области продолжается до 7—8 мѣсяцевъ. Въ виду этого байбака только и можно бить лѣтомъ и пользоваться его лѣтнимъ мѣхомъ, въ которомъ очень мало ости и весь онъ состоитъ изъ подпушины, палево-желтаго цвѣта.

Киргизы, до прихода въ степь русскихъ, совсѣмъ, не охотились на сурка, считая его совершенно бесполезнымъ, но когда выходцы изъ Воронежской губерніи принялись усерднымъ образомъ за истребленіе байбаковъ и открыли богатый и весьма выгодный сбытъ ихъ мѣстнымъ торговцамъ, то кочевники стали по немногу примыкать къ русскимъ промышленникамъ и переняли у нихъ способы охоты. Бьютъ сурковъ изъ винтовокъ по утренней и вечерней зарѣ, когда эти звѣрки выходятъ изъ норъ и поднявшись во весь ростъ, звонко начинаютъ свистать. Охотники прячутся гдѣ нибудь вблизи въ овражкѣ, или долиняхъ, за холмами, а если этого нельзя сдѣлать и мѣстность совершенно открыта, то прибѣгаютъ къ особаго ро-

да хитрости: берутъ двухколесную телѣжку, обсаживаютъ ее чилигой, или высокимъ бурьяномъ и съ ночи близко подкатываютъ къ сурчинамъ гдѣ и залегаютъ за телѣжками, держа наготовѣ винтовку. Последнюю держать всегда на сошкѣ, такъ какъ стрѣлять приходится лежа. Сурокъ, выйдя утромъ изъ норы, удивленно смотритъ на большой кусокъ бурьяна, котораго онъ раньше не замѣчалъ, и съ любопытствомъ начинаетъ тихонько подниматься на заднія лапы—въ это время раздается выстрѣлъ, и сурокъ съ разможенной головой замертво падаетъ около своей норы. Выстрѣлы не пугаютъ сурковъ, разъ послѣдніе не замѣтятъ подозрительнаго движенія за кустомъ бурьяна, а только какъ-бы съ недоумѣніемъ относятся къ страшнымъ звукамъ выстрѣловъ и не помышляютъ о спасеніи, чѣмъ даютъ полную возможность охотнику набить въ продолженіе 5—6 часовъ до 80—100 штукъ. Въ случаѣ необходимости, охотникъ передвигаетъ телѣжку, только дѣлать это надо съ величайшею осторожностью и опытному промышленнику удастся подойти такимъ образомъ на 15—20 сажень къ сурчинамъ. Обыкновенно онъ толкаетъ телѣжку, стоя на колѣняхъ и стараясь не показывать изъ за бурьяна головы. Больше трудности представляетъ мѣткость выстрѣла: сурка необходимо убить въ голову, иначе онъ и смертельно раненый скроется въ нору, дотащится кое-какъ до логовища, а оттуда уже его трудно достать, да кромѣ того и шкура будетъ испорчена.

Кромѣ этого способа, сурковъ добываютъ еще выкуриваніемъ, такъ какъ и барсуковъ, ловятъ капканами и силками, но эти способы крайне кропотливы и малодобычны. Отъ сурка эксплуатируется исключительно одна шкура, сало-же, которое, какъ извѣстно, представляетъ собой прекрасное смазочное средство для машинъ, не вытапливается, какъ въ другихъ губерніяхъ, и вся тушка цѣликомъ бросается. Цѣнятся шкура байбака не высоко

—15—20 рублей за сотню лучшаго сорта и только отъ животныхъ убитыхъ въ голову. Объясняется это еще сравнительно малымъ спросомъ, но нѣтъ сомнѣнія, сурковый промыселъ значительно разовьется и истребленіе байбаковъ достигнетъ солидныхъ размѣровъ. О числѣ вывезенныхъ сурковыхъ шкурокъ изъ Тургайской области точныхъ свѣдѣній не имѣется, такъ какъ при статистикѣ вывозимыхъ шкурокъ, сурковыя были включены въ общую рубрику—«съ другими мелкими животными».

Охота на хорьковъ.

Самымъ распространеннымъ и добычливымъ промысломъ киргизъ средней и южной части области является *хорьковый*. Охота на хорька извѣстна въ степи еще съ давнихъ поръ и тогда-же—указывалось на хорьковый промыселъ, какъ на одну изъ важныхъ статей дохода въ скудномъ киргизскомъ бюджетѣ, а равно и на хищнический способъ истребленія этого животного. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ хорекъ являлся самымъ распространеннымъ хищникомъ и численностью своей превосходилъ волковъ, лисицъ, не былъ остороженъ и пугливъ, а охотился вблизи жилыхъ помѣщеній, хлѣбныхъ токовъ. Но вотъ явился спросъ на хорьковый мѣхъ, цѣны были объявлены достаточно высокими и киргизы принялись за систематическое истребленіе хорька—животного между прочимъ крайне полезнаго въ степи, такъ какъ онъ въ свою очередь удачно охотится на хлѣбныхъ враговъ: мышей, крысъ, сусликовъ. Особенно хорошую услугу оказалъ хлѣбопашцамъ хорекъ въ 1893 году—посѣвы по р. Каргалѣ, Илеку, Ори были сильно повреждены въ 1892 году полевыми мышами еще на корню, а когда хлѣбъ былъ сложенъ въ скирды и ометы, то полевки перебрались на гумна и выточили изъ колоса все зерно, причемъ тутъ-же вырыли норы, предполагая воспользо-

ваться и будущимъ урожаемъ. Земледѣльцы совершенно растерялись отъ такой невзгоды и не могли безъ ужаса вспомнить о бѣдѣ, которая ждетъ ихъ посѣвы и въ будущемъ, такъ какъ полевки живутъ на одномъ и томъ же мѣстѣ 3—5 лѣтъ. Весною 1893 года стали замѣчать появленіе хорьковъ, которые охотились около гумнъ, причемъ число ихъ съ каждымъ днемъ увеличивалось. Черезъ 2—3 недѣли исчезли хорьки, а вмѣстѣ съ ними мыши.

Въ области обитаетъ исключительно хорекъ—*putorius foetidus, vulgaris*—который отличается отъ другихъ видовъ хорька болѣе короткимъ туловищемъ, густымъ, темно-бурымъ на спинѣ и темно-каштановымъ по бокамъ, мѣхомъ и большимъ стремленіемъ къ хищничеству. Хорекъ вообще селится вездѣ тамъ, гдѣ только можно найти себѣ пищу, не обращая вниманія ни на почву, климатъ, растительность и свойства поверхности. Но излюбленными все-таки являются мѣстности вблизи жилищъ, гдѣ онъ ютится въ земляныхъ норахъ, на гумнахъ, на базахъ, а то и заходитъ иногда въ клѣти, чтобы поживиться тамъ мясомъ, которое киргизы обыкновенно развѣшиваютъ на низко положенныхъ жердяхъ. Далѣе любимыми мѣстами его являются камышевыя заросли по берегамъ рѣкъ и озеръ. Здѣсь массаи кишатъ змѣи, ящерицы, бѣлыя мыши, землеройки, птички, лягушки и хорекъ, вдали отъ своихъ враговъ, смѣло выходитъ за ними на охоту, которая всегда ему даетъ обильную добычу, не разгоняя вмѣстѣ съ тѣмъ этихъ постоянныхъ камышевыхъ обитателей. Открытая безграничная степь, скудная по растительности и неблагоприятная по климату, также не ненавистна этому хищнику, такъ какъ здѣсь онъ безъ труда добываетъ себѣ въ пищу сонныхъ байбаковъ, ящерицъ и тушканчиковъ. Въ лѣсу хорекъ удачно охотится за птицами, изъ которыхъ лакомое блю-

до составляютъ для него тетерева. Иногда можно видѣть цѣлыми часами притаившагося на деревѣ хорька, терпѣливо поджидающаго тетерева и лишь только послѣдній успѣетъ сложить крылья, какъ хищникъ въ одинъ прыжокъ схватываетъ жертву за горло и вмѣстѣ падаютъ съ дерева на землю.

Вредъ, наносимый хорькомъ хозяйству кочевника, совершенно незначительный, а если не считать нѣсколькихъ кусковъ мяса, которые этому хищнику удастся стащить, то и совѣтъ его нѣтъ, такъ какъ домашней птицы киргизы не разводять. Въ русскихъ поселеніяхъ хорекъ иногда «пошаливаетъ», за что и платится своей шкуркой.

Охота на хорька крайне трудна и сложна. Насколько онъ хищенъ, дерзокъ, смѣлъ, настолько остороженъ, чутокъ и хитеръ. Разъ онъ замѣтитъ своего врага-человѣка—тотчасъ-же спѣшитъ укрыться и долго несмѣетъ вылезти изъ норы, развѣ только голодъ заглушитъ немного эти инстинкты и выгонитъ его на ловлю добычи, не переждавъ опасности. Въ капканы, силки хорекъ нейдетъ, такъ какъ къ падали онъ не чувствуетъ особенной симпатіи и разъ есть возможность утолить голодъ чѣмъ-нибудь другимъ, онъ всегда предпочитаетъ послѣднее. Правда, зимою иногда хорекъ попадаетъ въ капканы, но не напроманку, а случайно, или-же въ разставленные предъ норой. Въ послѣднее время киргизы усиленно стали добывать хорьковъ путемъ отравленія стрихнинными пилюлями, которыя они приобрѣтаютъ для истребленія волковъ, но скоро размѣры этой охоты сократились, такъ какъ оказалось крайне невыгоднымъ тратить пилюли. Въ среднемъ шкурка хорька едва-едва покрываетъ стоимость отравы, а трудъ совершенно не оплачивается; такъ какъ во-первыхъ, хорекъ не всегда возьметъ отраву, по вышеуказаной причинѣ, а во-вторыхъ, если и съѣстъ, то такъ далеко уходитъ и зарывается гдѣ нибудь

въ глубокой норѣ, что нѣтъ надежды найти его. Такъ, одинъ изъ тургайскихъ охотниковъ (Дамринъ) сообщаетъ по данному вопросу очень интересное наблюдение—онъ, желая избѣжать расклевыванія птицами приманки, начиненной стрихнинными пилюлями для отравы волковъ, зарывалъ ее (приманку) въ снѣгъ. Спустя нѣкоторое время, приманка почти вся была съѣдена, но труповъ хищниковъ не было и даже снѣгъ не былъ разрытъ, а подымъ отъ падали шли небольшие ходы. Это дало поводъ заподозрить здѣсь продѣлку хорька.

Охота на хорька съ ружьемъ и собакой бываетъ болѣе всѣхъ другихъ способовъ удачливѣе, хотя требуетъ громаднаго запаса терпѣнія и осторожности, какъ со стороны охотника, такъ и собаки. При этомъ соответственно характеру мѣстности и способъ этой охоты носитъ нѣсколько иной оттѣнокъ. Легче всего убивать хорьковъ на опушкѣ лѣса, во время охоты этого хищника на птицъ. Собака пускается впередъ и тщательно обнюхиваетъ деревья, а охотникъ зорко осматриваетъ вѣтви послѣднихъ. Лишь только собака почуетъ звѣря, начинаетъ лаять и охотникъ снѣшитъ, держа наготовѣ ружье; хорекъ первое время пристально смотритъ на лаящую собаку и незамѣчаетъ приближенія охотника, иначе онъ скрывается въ листвѣ, или дуплѣ. Если удастся охотнику подойти сажень на 15—20 къ хорьку, то добыча обезпечена, но разъ послѣдній еще издали замѣчаетъ охотника, онъ моментально спасается бѣгствомъ, причемъ прямо бросается на землю и скрывается въ лѣсу. Хорошая, специально натасканная на хорьковъ собака, никогда не выдастъ себя безцѣльнымъ лаемъ, а молча пробѣгаетъ по лѣсу и хорекъ, не считая ея за своего опаснаго врага и не слыша лая, спокойно относится къ ея появленію. Лай собаки на хорька охотники объясняютъ, съ одной стороны желаніемъ дать знать хозяину о добычѣ, а съ другой—

сосредоточить вниманіе хорька на своей особѣ и тѣмъ самымъ дать возможность охотнику подойти незамѣченнымъ. Насколько это дѣйствительно такъ, рѣшить, конечно, весьма трудно, но только бросается въ глаза то обстоятельство, что возбужденіе и лай, собаки, прогрессируютъ по мѣрѣ приближенія охотника.

Охота на хорька въ камышевыхъ заросляхъ значительно труднѣе и сложнѣе. Здѣсь уже немислимо охотиться въ одиночку, а необходимо устраивать облавы. Охотники разбиваются на двѣ партіи, изъ которыхъ одна размѣщается въ лодкахъ, а другая полукругомъ становится въ 25—30 шагахъ отъ зарослей. Послѣ этого, съ подвѣтренной стороны зажигаютъ камышъ и густой ѣдкій дымъ гонитъ прочь всѣхъ камышевыхъ обитателей, въ томъ числѣ и хорьковъ. Послѣдніе выскакиваютъ на открытое мѣсто въ степь, а также спасаются отъ дыма вблизи воды, но тамъ и тутъ хищники наталкиваются на охотниковъ и рѣдкій уходитъ отъ выстрѣла и собаки. Въ общемъ такая охота рѣдко бываетъ удачной, такъ какъ трудно угадать, есть-ли въ данномъ мѣстѣ хорьки или нѣтъ, и только опытные промышленники безошибочно судятъ по отпечаткамъ слѣдовъ о присутствіи этихъ хищниковъ. Большинство-же охотниковъ обкладываютъ извѣстное мѣсто наугадъ и иной разъ въ теченіи 3—4 дней добываютъ всего нѣсколько штукъ хорьковъ.

Въ открытой степи охота на хорьковъ считается настолько трудною, что только профессиональные хорьковые промышленники рѣшаются пробовать въ ней счастья, такъ какъ мѣхъ степнаго хорька считается лучшимъ по качеству, а отсюда и цѣннѣе. Прежде всего къ хищнику трудно, вѣрнѣе невозможно, подойти на такое разстояніе, чтобы убить его въ голову, такъ какъ степной хорекъ, никогда не будучи голоднымъ, благодаря обилію байбаковъ, змѣй и ящерицъ, гораздо осторожнѣе, боязливѣе

своихъ собратьевъ, обитающихъ въ лѣсу или камышахъ, а потому, лишь только замѣтитъ вдали даже еще необрисовавшуюся ясно фигуру охотника, прячется въ нору и ничѣмъ не выдастъ своего присутствія. Зная это, охотники предварительно выслѣживаютъ хорька по его слѣдамъ, по помету, и разставляютъ въ извѣстныхъ мѣстахъ вѣхи. Передъ разсвѣтомъ они снова приходятъ на эти мѣста, обсаживаютъ бурьяномъ небольшіе участки и залегаютъ. Такихъ искусственныхъ щитовъ дѣлается по нѣскольку на каждого охотника, въ различныхъ мѣстахъ, чтобы возможно было, въ случаѣ необходимости, подходить ближе къ хорькамъ. Рано утромъ хорекъ показывается изъ норы, чтобы понѣжиться на солнцѣ и отдохнуть на воздухѣ отъ ночныхъ походовъ за добычей. Въ это время охотникъ, припавъ на одно колѣно, цѣлитъ съ сошки и небольшая пуля пронизываетъ голову хищника. Выстрѣлъ не пугаетъ другихъ хорьковъ и они только удивленно поглядываютъ по сторонамъ и скоро успокаиваются, а врагъ ихъ въ это время успѣваетъ зарядить, а въ случаѣ надобности и переползти къ другому щиту. Кромѣ того, чтобы выгнать хорька изъ норы, приобѣгаютъ также къ подкуриванію, которое производится уже описаннымъ, при охотѣ на барсуковъ, способомъ.

Хорьковый промыселъ въ настоящее время хотя и не даетъ прежней громадной цифры вывоза изъ тургай-степи степи хорьковыхъ шкуръ, тѣмъ не менѣе еще сильно распространенъ среди кочевниковъ. На базарахъ и ярмаркахъ постоянно приходится наталкиваться на киргизовъ, обвѣшанныхъ хорьковыми шкурами. Спросъ на хорьковыя мѣха со стороны мѣстныхъ торговцевъ, составляющихъ въ степи что-то въ родѣ синдикатовъ, невеликъ и не оживленъ, вѣроятно съ цѣлью понизить цѣну на мѣхъ. Нерѣдко это имъ вполне удается—походить, походить киргизъ по базару, да и отдастъ пару шкурокъ за

пачку нюхательнаго табаку и коробку спичекъ, между тѣмъ какъ промышленники, сбывая прямо на оренбургскій и троїцкій рынки, получаютъ—отъ 30 до 50 рублей за сотню, смотря по густотѣ мѣха. За послѣдніе три года вывезено изъ области хорьковыхъ шкурокъ: въ 1893 году 12993 штукъ; въ 1894—13827 штукъ.

Охота на горностаевъ.

Горностаи (*putorius erminea*) также, какъ и хорекъ, является въ Тургайской области обыкновеннымъ животнымъ и по образу жизни ничѣмъ не отличается отъ этого своего сородича. Онъ также имѣетъ незамѣнимую, для успѣшнаго поддержанія и развитія вида, способность приспособливаться къ всевозможнымъ условіямъ жизни и рѣзкія колебанія въ послѣдней не отражаются сильно на немъ. Съ одинаковымъ удовольствіемъ и удобствомъ горностаи ютятся въ норахъ, въ дуплахъ деревьевъ, по камышевымъ зарослямъ, въ расщелинахъ скалъ, подъ камнями, подъ кучей валежника. Въ отношеніи пищи онъ также неразборчивъ и довольствуется первой попавшейся добычей. Змѣй, ящерицъ, кротовъ, мышей, крысъ, улитокъ, насѣкомыхъ, птицъ и ихъ яйца—все это горностаи съ одинаковымъ аппетитомъ пожираетъ, причемъ съ замѣчательною ловкостью охотится на нихъ цѣлыми днями. Есть между прочимъ указанія и на то, что горностаи осмѣливаются нападать и на зайцевъ (Геснеръ). Выходитъ на охоту горностаи съ наступленіемъ сумерокъ и всю ночь бродитъ въ поляхъ за добычей. Это извѣстно у киргизовъ подъ именемъ «ураза-тшеканъ»—этими они хотятъ указать на то, что горностаи ѣсть только съ закатомъ солнца, также какъ и киргизы во время уразы (поста). Днемъ горностаи покидаютъ жилище и выходятъ погрѣться и поиграть на солнцѣ, чѣмъ охотники и пользуются.

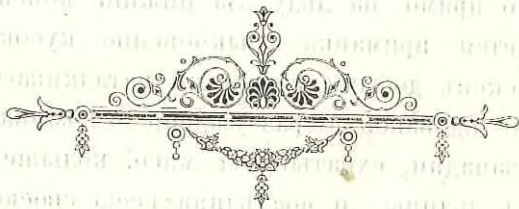
На горностая существуетъ много способовъ охоты—ловушками, выкуриваніями, сѣтями, но все-таки самымъ распространеннымъ и удачливымъ является лѣтомъ ружейная а зимою—особо приспособленной ловушкой. Въ полдень охотникъ отправляется къ опушкѣ лѣса, къ камышамъ, или къ оврагу, вмѣстѣ съ собакой и выбравъ мѣсто, гдѣ болѣе всего ютятся птицъ, ящерицъ, или мышей, поджидаетъ появленіе хищника. Лишь только солнце склонится къ западу, трава начинаетъ зигзагообразно колебаться въ извѣстномъ направленіи и зоркій глазъ охотника быстро усматриваетъ въ травѣ гроціозную фигурку горностая, а собака припадаетъ къ землѣ. Приблизившись къ опушкѣ, горностай на мгновеніе останавливается и этимъ моментомъ пользуется охотникъ—быстро вскидываетъ онъ свою винтовку съ сошкой и пуля поражаетъ хищника прямо въ голову, а въ случаѣ промаха собака догоняетъ горностая и беретъ его. Лучшими мѣстами для охоты на горностаевъ, въ смыслѣ удачности, считаются опушки лѣса съ старыми дуплистыми повалившимися деревьями, да если еще есть, вблизи озера и рѣки. Здѣсь горностаи водятся массами, такъ какъ имѣются всѣ условія для полного довольства и приволья. Пробродивши всю ночь въ поискахъ за добычей, горностаи около полудня выходятъ изъ логовищъ и начинаютъ играть, взобравшись на стволъ дерева. Эти моменты считаются самыми удобными для охоты и промышленники въ продолженіе 3—4 часовъ убиваютъ по 10—15 горностаевъ каждый. Горностай, никогда не спасается бѣгствомъ при звукахъ выстрѣла, напротивъ съ любопытствомъ и удивленіемъ поднимаетъ свою голову и гордо поводитъ ею во всѣхъ направленіяхъ, точно стараясь опредѣлить мѣсто, откуда происходятъ эти страшные и рѣзкіе звуки. Но скоро новый выстрѣлъ валитъ и его, а на смѣну появляются новые хищники. Для охотника бы-

ваетъ иногда не безопасно, если его присутствіе будетъ открыто горностаями. Последніе, издавъ рѣзкій пронзительный крикъ, съ быстротою молніи бросаются на враговъ—человѣка и собаку; на крикъ горностаевъ сбѣгаются новые хищники и если охотникъ не поспѣшитъ поскорѣе убраться прочь, то не мало насчитаетъ на своемъ тѣлѣ мелкихъ ранъ, а собака иногда буквально бываетъ изуродована. Вообще рѣдкій горностаевый промышленникъ не подвергается нападенію со стороны своихъ жертвъ и были даже случаи изуродованія, такъ въ 1893 году одинъ переселенецъ, настолько сильно былъ укушенъ за папелецъ, что пришлось ампутировать его, а въ слѣдующій годъ два киргиза чуть не поплатились даже жизнью и у одного изъ нихъ былъ выцарапанъ глазъ, а другой получилъ 6 глубокихъ ранъ въ области шеи, лица и на рукахъ.

Зимою горностаи селится вблизи рѣкъ, озеръ, съ камышевыми зарослями по берегамъ, гдѣ онъ охотится на воробьевъ, жаворонковъ, а въ случаѣ недостатка пернатыхъ, ловить рыбу, бросаясь за ней въ воду. Охота въ это время мѣняетъ свой характеръ и ружье берется только на всякій случай, а ловля горностаевъ производится слѣдующимъ образомъ. Вырубаютъ небольшую льдину—8×10 вершковъ, толщиною въ 4—5 вершковъ, которую подпираютъ въ наклонномъ положеніи небольшимъ колышкомъ изъ сырой талины. Мѣсто для этого выбирается совершенно ровное, мало покрытое снѣгомъ, или же устраиваютъ это прямо на льду. За нижній конецъ колышка привязывается приманка, обыкновенно кусокъ мяса. Во время поисковъ добычи, горностай наталкивается на приманку и, не вдаваясь въ разсужденіе о возможности здѣсь коварной западни, схватываетъ мясо, колышекъ соскальзываетъ съ льдины и послѣдняя всею своею тяжестью падаетъ на голову хищника и раздавливаетъ. Удача отъ

такой охоты всецѣло зависитъ отъ умѣнья уставить ловушку и рассчитать, чтобы льдина прихватила своимъ концомъ голову животного, а то случается, что послѣднее схватить приманку, а льдина упадаетъ, не коснувшись головы, или же чуть задѣваетъ по носу и только ранить.

Горностаевый промыселъ не особенно развитъ въ области и промышленяютъ имъ въ большинствѣ случаевъ русскіе переселенцы, да и то не профессионально, а просто за неимѣніемъ другого занятія, въ которомъ можно-бы было съ большей выгодой утилизировать свой досугъ. Киргизы же охотятся за горностаями между прочимъ и считаютъ для себя крайне убыточнымъ охотиться съ ружьемъ, такъ какъ нужно мѣтко стрѣлять, чтобы попасть въ голову, и слѣдовательно безъ промаховъ дѣло не обойдется, между тѣмъ цѣна горностаевой шкурки едва восполняетъ расходъ одного выстрѣла. Цѣна горностаевой шкурки колеблется отъ 5 до 10 коп., а тамъ, гдѣ неимѣется базаровъ и еще продолжаютъ властвовать торгаши-мѣнялы, то и этой цѣны не существуетъ, а идетъ шкурка горностая въ придачу къ купленному сырю, или же за коробку спичекъ. Между тѣмъ горностаевый мѣхъ цѣнится сравнительно высоко на нашихъ внутреннихъ рынкахъ и если бы хотя немного урегулировать внутри степи куплю—продажу, ослабивъ хищничество мѣняль-прасоловъ и поднявъ тѣмъ самымъ спросъ на пушной товаръ, горностаевый промыселъ даль-бы видную статью дохода.

ОХОТА НА ПТИЦЪ.

Ружейная охота по перу въ Тургайской области сравнительно недавно стала замѣтно развиваться и явилась на смѣну охотѣ съ ловчими птицами. Особенно наблюдается это среди русскихъ переселенцевъ и киргизовъ, кочующихъ въблизи русскихъ городовъ, селеній, гдѣ имѣется небольшой сбытъ пера, пуха и дичи. Въ глубинѣ степи охота на птицъ также существуетъ и также развивается, но она еще не носитъ здѣсь ни характера страсти, ни промысла какъ это мы наблюдаемъ иногда при охотѣ на звѣря.

Охота по перу въ области очень хороша и удачна, благодаря богатому прилету дичи въ широкія и привольныя степи. При обзорѣ фауны, я уже имѣлъ случай говорить, что рѣки, озера, болота, мочежины сплошь покрыты утками, гусями, бекасами, дупелями, гаршнепами, водяными курочками, лысухами и многочисленными куликовыми породами; возвышенныя и холмистыя мѣста, поросшія ржанникомъ, бобовникомъ, чилигой, тонконогомъ, изобилуютъ дрофами, гусями, стрепетами, ржанками, турухтанами, куропатками; лѣса полны глухарей, тетеревовъ, вяхирей, вальшнеповъ, а по камышамъ ютятся цѣлыя семьи красавцевъ-фазановъ. Все это пернатое царство лѣтомъ шумно плескается, открыто плаваетъ, беззаботно разгуливаетъ, громко распѣваетъ, словомъ свободно себя чувствуетъ, не стѣсняясь присутствіемъ чело-

вѣческой жизни. Нигдѣ эта дичь такъ близко не подпускаетъ къ себѣ, какъ здѣсь; идетъ-ли, ѣдетъ-ли кто—десятки, сотни птичьихъ глазъ съ любопытствомъ провожаютъ и развѣ только рѣзкій шумъ и подозрительное движеніе пробуждаютъ въ нихъ сознаніе о грозящей опасности. Только у гусей, въ томъ числѣ и у фламинго (красный гусь) и у дрофъ это послѣднее развито до удивительнаго. Едва зоркіе глаза этихъ птицъ уловятъ въ степи новый предметъ, едва коснется ихъ слуха подозрительный шорохъ (а видитъ и слышитъ гусь на далекія пространства), какъ тотчасъ-же срываются и исчезаютъ въ выси, прежде чѣмъ охотникъ успѣетъ рассмотреть эту дорогую дичь.

Подобное ослабленіе присущаго всѣмъ дикимъ птицамъ инстинкта осторожности, подозрительности, а отсюда и самосохраненія, вызвано особымъ строемъ мѣстной жизни, исключаящимъ еще охоту по перу, какъ занятіе, промыселъ въ широкомъ значеніи, а какъ развлеченіе, страсть она никогда не разовьется настолько, чтобы приучить дичь къ большей осторожности, уменьшая ея количество безразсуднымъ истребленіемъ. Коренные обитатели степи-киргизы, въ силу традицій, обычаевъ, мало интересуются пернатою дичью, какъ лишнимъ блюдомъ къ своему однообразному и скудному столу, а ловить и бить ее ради сбыта мясомъ, ради пера, словомъ создать изъ этого особый промыселъ, какъ то имѣетъ мѣсто въ родственной киргизамъ по населенію Караногайской степи, совершенно чуждо еще понятіямъ нетароватого кочевника. Да и весьма желательно, чтобы эта цивилизація по хищническому истребленію пернатой дичи не проникла сюда, впредь до введенія закона, гарантирующаго безсовѣстное избіеніе послѣдней, и вмѣстѣ клонящагося къ болѣе разумному пользованію дичью вообще, пернатою въ частности. Киргизъ, благодаря

своей косности и недоразвитости, мѣры ни въ чемъ не знаетъ—если сѣлъ ѣсть барана, то до тѣхъ поръ не встанетъ, пока отъ послѣдняго не останется ни косточки. Точно такъ поступитъ онъ и въ данномъ случаѣ, т. е. будетъ бить безъ разбора до тѣхъ поръ, пока пера неостанется въ степи, если только будетъ сбытъ. Степные тарантулы, аппетиты которыхъ не помѣрны, знаютъ хорошо слабость кочевника къ деньгамъ и стоитъ имъ только бросить гроши, какъ новый промыселъ, вмѣстѣ съ ихъ ужасными сѣтями, широко разовьется въ степи и издаваніе тогда законовъ бесполезно. Теперь же дичь пока еще благодушествуетъ и охотнику-любителю изъ мѣстныхъ городковъ, рѣдкими оазами пріютившихся въ степи, есть гдѣ пить полной чашей наслажденіе охотой—этою страстью, которая прочно связуетъ человѣка съ природой и вызываетъ въ немъ подъемъ лучшихъ жизненныхъ силъ. Кочевнику тоже не чужда становится эта страсть, но онъ менѣе увлекается ею и при случаѣ готовъ размѣнять ее на деньги, поэтому можно съ увѣренностью сказать, что въ будущемъ, когда спросъ на перо, пухъ и дичину приметъ такіе-же размѣры, какъ и въ Россіи, то среди киргизовъ быстро явятся новые промыслы, вродѣ «тетеревиного», «фазаньяго», «лебяжьяго» и проч. Въ настоящее-же время киргизы охотятся на птицу ради пуха для собственныхъ нуждъ, тѣмъ болѣе кочевникъ большой руки сибаритъ и вездѣ, гдѣ можно, обкладывается пухомъ: дома и въ гостяхъ онъ утопаетъ въ пышныхъ пуховыхъ подушкахъ и перинахъ, на сѣдлѣ у него громадная пуховая подушка, бешметъ стеганъ на пуху, при этомъ время года безразлично для него—30-градусный-ли морозъ, или въ 40-градусовъ зной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ богаче киргизъ, тѣмъ онъ старается болѣе имѣть пуховыхъ подушекъ, которыхъ въ строгомъ порядкѣ размѣщаетъ по своей кибиткѣ,

показывая тѣмъ самымъ гостямъ, что для всѣхъ у него найдется покой и удобство.

При ружейной охотѣ по перу, киргизъ не разлучается съ собакой, которая оказываетъ ему въ извѣстныхъ случаяхъ не малыя услуги, поднимая дичь изъ густой травы, «облаивая» глухарей, тетеревовъ на деревьяхъ, а также ловить зимою фазановъ. Особой породы подружейной собаки нѣтъ—эту роль несетъ дворняжка и иной разъ прямо приходится удивляться уму и ловкости послѣдней, которая можно требовать только отъ лягавыхъ собакъ, наследственно получающихъ эти неоцѣненные дарованія.

Охота по перу, благодаря полному отсутствію охранительныхъ законовъ, начинается по прилетной дичи съ первыхъ оттепелей, когда послѣдняя только что появилась, продолжается все лѣто и осень—вплоть до отлета. На зимующую же птицу охота производится круглый годъ. Здѣсь мы даже не встрѣчаемъ общепринятаго обычая, освященнаго закономъ, не начинать охоты до Петрова дня, т. е. пока выводки не окрѣпнутъ настолько, что вполне могутъ обойтись безъ матери, въ случаѣ послѣднюю убьютъ. Кочевникъ стрѣляетъ по дичи всегда, разъ явится нужда, или спросъ, а то и просто хватить по птицѣ «скуки ради», если только не пожалѣетъ выстрѣла, а русскіе переселенцы, положивъ въ степи начало русской культуры и цивилизаціи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ не сохранили собственныхъ устоевъ, и на нихъ легъ отпечатокъ той среды, въ которой они начали свою новую жизнь. Особенно сказывается это сильно вездѣ тамъ, гдѣ переселенецъ усматриваетъ реализацію собственныхъ мечтаній о «странѣ бѣловодья», въ которой «нѣтъ ни начальства, ни законовъ». Въ ненормальномъ отношеніи къ дѣлу охоты со стороны кочевника переселенецъ усмотрѣлъ одно изъ проявленій «вольной» жизни и по-

спѣшилъ воспринять его, какъ искомое. Съ приходомъ переселенцевъ, охота по перу въ поселеніяхъ и въ расположенныхъ вокругъ послѣднихъ кочевьяхъ начинаетъ выливаться въ болѣе опредѣленную форму, начинаетъ принимать оттънокъ промышленности.

Лишь только первые весенніе лучи солнца сгоняютъ съ возвышенныхъ мѣстъ снѣгъ и проталины покроются молодыми побѣгами первой зелени, какъ въ воздухѣ начинаютъ раздаваться веселые голоса пернатыхъ гостей. Сначала прилетаютъ обыкновенно утки, а вскорѣ появляются вереницы дрофъ, гусей, казары, которые непрерывною цѣпью тянутся изо дня въ день и своимъ несмолкаемымъ гоготаньемъ наполняютъ воздухъ. Этотъ первый пролетъ открываетъ сезонъ охоты и каждый спѣшитъ воспользоваться удобнымъ моментомъ, съ цѣлью побольше настрѣлять.

На мѣстахъ наибольшаго пролета, которыми служатъ обыкновенно для утокъ—оттаившія болотца, мочежины, плесы рѣкъ, а для гусей, казары и дрофъ—небольшія возвышенности, съ сочной, едва пробившейся травой—еще съ осени вырываются не глубокія ямы, въ 1½—2 аршина; передъ началомъ оттепелей ямы очищаются отъ снѣга, выстилаются соломой, сѣномъ и въ нихъ, при первыхъ звукахъ пролета, засѣдаютъ охотники съ своими тулками и винтовками. Вереница, намѣтивъ себѣ мѣсто отдыха и выкорма, низко спускается надъ землею, замедляетъ полетъ и готовится сѣсть, но въ это время раздаются выстрѣлы, выхватывающіе каждый по 1—2 птицы; вереница «всполанивается» и пока беспорядочной толпой стремится подняться въ высь, охотники успѣваютъ пустить еще по одному выстрѣлу. Иная вереница такъ бываетъ ошеломлена подобнымъ приѣмомъ, что долго въ страхѣ и недоумѣніи кружится съ жалобными криками надъ ямой и тѣмъ самымъ даетъ охотникамъ возможность наполовину

выбить ее. Особенно это часто случается съ утками и дрофами, гуси-же отъ первыхъ выстрѣловъ дѣлають крутой поворотъ и стрѣлой проносятся мимо зеленыхъ проталинъ, на которыхъ они голодные и уставшіе думали отдохнуть и выкормиться. Бываетъ же иногда и такъ, что осторожный вожакъ еще и въ выси полета замѣтитъ подозрительное мѣсто и тотчасъ-же, издавъ рѣзкое, пронзительное «га-га», поворачиваетъ въ сторону и поднимается еще выше. Поэтому для гусей устраиваются особаго вида ямы: вырывается круглая канава, глубиною въ 1—1½ аршина, шириною въ 1½—2 аршина и длиною въ 2—3 сажени. Края канавы обсаживаются дерномъ такъ, чтобы наружные края ея плитъ выступали немного надъ канавой, и отъ этого образуется что-то въ родѣ нава. Въ канавы эти засѣдаютъ охотники, прячась подъ дерномъ, который покрывается при первыхъ теплыхъ лучахъ густой зеленью и невольно останавливаетъ на себѣ взоръ птицы. Вообще, всетаки охота на гусей изъ ямъ и канавъ бываетъ малодобычливою и требуетъ много хлопотъ, не говоря уже о рискѣ простудиться, просидѣвъ цѣлый день въ сырой, холодной ямѣ.

Способъ охоты по перу изъ ямъ выработался благодаря тому обстоятельству, что иначе въ степи въ это время охотиться невозможно. Оттаившія болотца, озера, мочежины, по которымъ табунилась птица и среди которыхъ расположены оазисы съ тучной луговой растительностью, представляются крайне опасными для охотника, такъ какъ ихъ зыбкая почва едва выдерживаетъ только собаку, а человѣка, при первыхъ шагахъ, засасываетъ совершенно, чему не мало было случаевъ съ переселенцами, не знавшими еще этого ужаснаго свойства степныхъ болотъ, озеръ и мочежинъ. Съ постепеннымъ оттаиваніемъ на поверхности этихъ зыбкихъ пространствъ появляется слой воды, образуется сплошное озеро, а ког-

да рѣки выступаютъ изъ береговъ, вся степь на десятки и сотни верстъ покрывается водой. Въ это время пролетъ не только не заканчивается, а напротивъ, птица прибываетъ все большими и большими стадами, появляются фламинго, журавлиныя, куликовыя, красныя утки и вся эта пернатая дичь спускается на воду, или на небольшіе одиночные острова, куда безъ лодки проникнуть невозможно. Охота изъ ямъ заканчивается, такъ какъ онѣ или заливаются водой, или-же отрѣзаны громадными водными пространствами, да и наконецъ, совершенно безцѣльны: птицы летятъ теперь не къ извѣстнымъ только мѣстамъ, гдѣ имѣются проталины и кормъ, а розсыпаются по всей степи, и ее (охоту изъ ямъ) замѣняетъ охота съ лодокъ, что также имѣетъ за собой не мало оригинальнаго. Небольшой каюкъ густо обсаживается ивовыми вѣтвями, тальникомъ, а то и просто камышемъ, такъ что получается громадныхъ размѣровъ кустъ. Въ лодку садятся два охотника и рулевой, онъ-же и весельникъ. Тихо подвигается лодка, слегка покачиваясь на мелкой зыби, и охотники высматриваютъ плесъ съ большимъ числомъ пернатыхъ и съ болѣе дорогою дичью, какъ напр. съ гусями, красною уткой. Наконецъ, намѣченъ плесъ, лодка тихо подвернула и прямо направилась къ стаѣ, а недоѣзжая саженой 200—300, поворачиваетъ немного въ сторону и какъ-бы снова направляется мимо птицъ. Последнія, замѣтивъ издали странный предметъ, издають сначала тревожные крики и сбиваются въ кучу, но скоро успокаиваются — плыветъ кустъ камыша, или тальника, подмытаго водой; птицы снова разбиваются по плесу, снова начинается у нихъ шумъ, гамъ, веселье и подозрительный предметъ уже больше не тревожитъ ихъ. Между тѣмъ лодка входитъ въ средину воднаго пространства, занятаго птицами, охотники безшумно прицѣливаются и выстрѣлы гулко проносятся по водѣ. Поднима-

ется шумъ, тревожныя крики утокъ заглушаются сердитымъ гоготаньемъ гусей, рѣзкимъ свистомъ крыльевъ, всплескомъ воды; въ воздухѣ закружились исполошившіяся чирки, чайки пискливо закричали.... Лодка-же стоитъ недвижимо, страшныхъ звуковъ изъ нея не слышно и пернатое царство понемногу успокаивается, снова спускается на воду, не далеко отъ лодки. Последняя едва замѣтно, точно теченіемъ, подвигается къ птицамъ, но уже не входитъ въ самый кругъ, такъ какъ разъ напуганная дичь все-таки подозрительно начинаетъ относиться къ пловучему кусту, а останавливается въ сторонѣ, и охотники снова стрѣляютъ. Подобный способъ охоты бываетъ всегда многодобычливъ, особенно на утокъ. Последнія всполошиваются только послѣ первыхъ выстрѣловъ и отлетаютъ на 200—300 саженой, но потомъ свыкаются понемногу и перелеты свои сокращаютъ до 20—30 саженой, да и то неподнимаясь высоко надъ водой, такъ что въ иной день на охотника придется до 30—40 утокъ. Гуси гораздо осторожнѣе и никогда не привыкаютъ къ выстрѣламъ, а напротивъ послѣ этого смотрятъ подозрительно на каждый пловучій кустъ и лишь только замѣтятъ послѣдній, тотчасъ снимаются.

На островкахъ охотники иногда устраиваютъ засады. Изъ камыша или тальника дѣлаютъ по краю острова небольшіе щиты, на разстояніи 20—25 шаговъ одинъ отъ другого, за которыми и ждутъ прилета дичи. Обыкновенно послѣ полудня птицы слетаются на эти островки, богатые луговой растительностью, для выкорма и остаются до сумерокъ, а нѣкоторые и ночуютъ. Послѣ первыхъ выстрѣловъ все пернатое царство съ крикомъ поднимается и перелетаетъ на другой островъ, а покинутый посѣщается новой партіей, изъ которой также пользуются охотники и т. д.

Когда вода начинаетъ сбывать и птицы разбиваютъ

ся по парно, охота уже перестаетъ носить этотъ «облавный», массовый характеръ и принимаетъ оттънокъ болѣе правильной охоты, гдѣ уже приходится не коварствомъ и засадой брать перевѣсъ надъ инстинктомъ птицы, а противопоставлять послѣднему искусство, изобрѣтательность, хотя вездѣ тамъ, гдѣ есть возможность прибѣгнуть къ засадѣ, степной охотникъ кочевникъ, прибѣгаетъ и, не задумываясь, устраиваетъ бойню. Это несомнѣнно указываетъ на отсутствіе того чувства, которое извѣстно охотникамъ-диллетантамъ, и которое собственно облагораживаетъ этотъ спортъ, напротивъ, нашъ степной охотникъ пускаетъ въ ходъ «облагораживающія страсть-изобрѣтательность и искусство» только тамъ, гдѣ нельзя взять ничѣмъ другимъ, и разъ ихъ можно замѣнить другимъ, хотя и некрасивымъ приѣмомъ, онъ не задумывается. Впереди у него одна цѣль: убить побольше, а какъ—это вопросъ, надъ которымъ онъ менѣе всего останавливается и поэтому крайне желательно, чтобы законъ объ охранѣ дичи воспослѣдовалъ въ степи ранѣе, чѣмъ въ послѣднемъ разовьется сбытъ дичи, пера и пуха.

Охота на гуся.

Въ тургайскихъ степяхъ дикій гусь встрѣчается въ нѣсколькихъ видахъ, изъ которыхъ особенно многочисленны и цѣнны, какъ дичь, обыкновенный *спрый гусь* и *казара*—сѣрый и черный виды. Виды эти во многомъ различаются между собой по образу жизни, по мѣсту распространенія, по своимъ привычкамъ и охота на каждый изъ этихъ видовъ требуетъ совершенно различныхъ приѣмовъ. Поэтому описаніе охоты на эти три вида гусей я думаю сдѣлать отдѣльно, начавъ съ самого распространеннаго въ степи—сѣраго гуся—*anser cinereus*, извѣстнаго среди мѣстнаго населенія подъ общимъ названіемъ *дикаго гуся*, по киргизски—*казъ*.

Сѣрый гусь встрѣчается по всей Тургайской области, но наичаще посѣщаемыми мѣстами являются южные уѣзды—Иргизскій, Тургайскій, южная часть Николаевского и Актюбинскаго уѣзда, гдѣ ихъ привлекаетъ главнымъ образомъ богатство озеръ, займищъ (заливныя луга), которыя служатъ излюбленными мѣстами для вывода дѣтей и доставляютъ обильную пищу. Цѣлыя стада этой дорогой и любимой мѣстными охотниками дичи, утромъ, когда не начинается еще жара, пасутся на открытыхъ мѣстахъ, заросшихъ дикимъ просомъ и ржанникомъ, а днемъ весело «гогочуть» на широкихъ плесахъ степныхъ озеръ.

Охота на гуся считается самой интересной и сопряжена со многими трудностями. Здѣсь нѣтъ мѣста той безцвѣтной и монотонной охотѣ, которая является вездѣ тамъ, гдѣ охотнику не поставлено никакихъ преградъ, ни со стороны птицъ, въ видѣ могучихъ проявленій инстинкта, ни со стороны топографическихъ особенностей мѣстности. Напротивъ, въ охотѣ за гусемъ въ нашей степи проявляется во всей своей интенсивности захватывающее состязаніе—съ одной стороны пускаются въ ходъ во всей полнотѣ страсть, высокая и тонкая изобрѣтательность ума, новѣйшее усовершенствованіе техники, искусства, а съ другой—этимъ великимъ продуктамъ человѣческаго генія противопоставляются проявленія инстинкта: осторожность, чуткость, развитыя до высшей степени зоркость, слухъ, хитрость и удивительная сообразительность, въ союзѣ съ естественными преградами. А кому изъ охотниковъ, неизвѣстно то чувство задора, а подчасъ и полного отуманенія страстью, когда «видитъ око, да зубъ нейметъ», другими словами, когда видишь, что всѣ твои «подходы» и «ухищренія», вся твоя опытность стараго охотника совершенно разбиваются въ пухъ и прахъ предъ непредвидѣннымъ маневромъ того существа, у котораго и мозгъ-то не больше пыжа.

Лишь только блѣдно-розовая заря разсѣетъ темноту ночи, лишь только раздадутся во влажномъ воздухѣ первые звуки пробуждающейся природы, какъ вереницы гусей съ тихимъ гоготаніемъ проносятся съ озеръ на степные изволоки, богатые зарослями ржанника, бобовника, проса. Тихо спускается вся стая въ высокую траву и жадно принимается за завтракъ. По краямъ же зарослей, не выходя изъ чащи на открытое мѣсто, важно расхаживаютъ «гуси-сторожевики» (мѣстное названіе). Вытянувъ шею и быстро поворачивая во всѣ стороны свою красивую, точно выточенную голову, послѣдніе изрѣдка только позволяютъ себѣ схватить изъ нависшаго колоса зерно. Обмануть бдительность этихъ гусей составляетъ альфу и омегу всѣхъ стремленій, соображеній и ухищреній охотника, такъ какъ отъ удачной реализаціи послѣднихъ всецѣло зависитъ и успѣхъ охоты.

Еще издали можно усмотрѣть, какъ вокругъ чернѣющей вдаль полосы ржанника нѣтъ-нѣтъ, да и мелькнетъ свѣтлая точка и опытный глазъ успѣваетъ схватить мимолетная, точно волна марева, колебанія высокой травы. Окинувъ быстрымъ взглядомъ мѣстность, охотникъ тотчасъ соображаетъ планъ подхода, опредѣляетъ приблизительно центръ стаи, мѣсто ея прилета и, тихонько подождавъ собаку, начинаетъ огибать дугу въ такомъ расчетѣ, чтобы незамѣтно подойти къ крутому скату изволоки. Отъ послѣдняго необходимо достигнуть вершины гребня, откуда уже начинаются заросли. Но на этомъ подходъ кончается только въ томъ случаѣ, если гуси опустились ближе къ гребню, что бываетъ въ утро, богатое росой. Напротивъ, когда роса падаетъ только по низинамъ, гуси держатся ближе къ нимъ и тогда приходится ползти нѣкоторое разстояніе и по зарослямъ. А это у большинства охотниковъ является досаднымъ камнемъ преткновенія—вся суть въ томъ, чтобы до чуткаго уха

и зоркаго глаза гусей не коснулся ни шорохъ, ни колебаніе колосьевъ. Гуси при малѣйшемъ шорохѣ, колебаніи травы, происходящими даже отъ легкаго порыва утренняго вѣтерка, тотчасъ-же издають глухой звукъ «гу-у-у»... Моментально вся стая сбивается въ кучу, низко припадаетъ къ землѣ и замираетъ въ ожиданіи. Сторожевики-гуси срываются съ мѣста, обогнуть небольшую дугу и высоко пролетаютъ по зарослямъ. Разъ ихъ дальнорукое око не открываетъ ничего подозрительнаго, то они съ тихимъ ободряющимъ «га-га» спускаются къ стаѣ и кормежка возобновляется. Но если только этимъ оригинальнымъ развѣдчикамъ удастся замѣтить врага, то тревожные крики оповѣщаютъ все стадо, и заросли пустѣютъ.

Такъ вотъ и ползетъ охотникъ среди колючаго молодая, по сырой мягкой землѣ, царапаетъ руки, лицо, замираетъ при малѣйшемъ своемъ неосторожномъ движеніи, плотно прижавъ къ себѣ ружье и остается въ такомъ положеніи, пока не успокоится, что тревоги нѣтъ. Наконецъ, по расчету, стая должна быть недалеко, тѣмъ болѣе ухо улавливаетъ характерный звукъ мирно пасущагося гуся. Быстро охотникъ вскакиваетъ на ноги среди высокихъ зарослей и... настаетъ мгновеніе полной «окаменѣлости» охотника и дичи. Въ эти, неуловимыя даже чувствительными секундомѣрами, единицы времени пробѣгаютъ съ быстротой молніи цѣлая серія разнообразныхъ ощущеній съ обѣихъ сторонъ. Въ застывшихъ съ вытянутыми шеями гусяхъ выражается изумленіе, смѣшанное съ смертельнымъ страхомъ и ужаснымъ предчувствіемъ роковой опасности, фигуры же охотника и собаки дышатъ полнымъ торжествомъ и охвачены сладостью сознанія своей силы, побѣды... У первыхъ эти чувства парализуютъ на мгновеніе инстинктивное стремленіе къ побѣгу, а у вторыхъ— разумное пользованіе удобнымъ моментомъ.

Точно молнія проносится мгновеніе этого необъяснимаго замиранія и воздухъ наполняется шумомъ... Тревожные крики гусей, свистъ крыльевъ, раскатистые выстрѣлы ружья, радостныя взвизгиванія собаки, едва успѣвающей подтаскивать жирную дичь, долго несмолкаютъ.

Иногда случается и такъ, что испугъ гусей бываетъ настолько великъ, что не покидаетъ послѣднихъ и во время полета, сообразительность ихъ продолжаетъ оставаться еще нѣкоторое время парализованной и тогда охотнику—небывалая удача. Стая какъ будто еще болѣе ошеломляется отъ выстрѣловъ и совершенно машинально кружится надъ головой охотника.

Не столько труднѣе, въ смыслѣ подхода, сколько рискованнѣе для жизни, *охота за гусями на озерахъ*.

Мѣстныя степныя озера, какъ я уже говорилъ выше, представляютъ собой громадныя водныя бассейны, питающіе и принимающіе не мало рѣкъ и ручьевъ. Пологіе берега озеръ поросли высокимъ тростникомъ, густыми зарослями тальника, а выше обведены, точно зеленымъ бордюромъ, широколиственной осокой. Вода, начиная отъ береговъ, собирается сначала въ мелкія лужи, мочежины, а къ срединѣ сразу открывается громаднымъ плесомъ, непомѣрной глубины и сплошь пронизаннымъ до самого дна водорослями. Озера эти буквально кишатъ всевозможной дичью и не мало среди ней пернатыхъ экземпляровъ, до сихъ поръ остающихся еще неопредѣлимыми для орнитолога-любителя.

Охота на озерѣ немыслима безъ лодки, такъ какъ за густыми зарослями ничего не видно, кромѣ пушистыхъ верхушекъ гиганта-тростника, мѣрно покачивающихся отъ легкаго дуновенія вѣтра. Лодка для охоты дѣлается легкой, съ широкимъ дномъ, исключаящимъ «качку» и остроносой для успѣшнаго и быстраго раздвиганія камышевыхъ зарослей.

Безъ шума охотникъ спускаетъ лодку въ камыши на одну изъ мочекъ и осторожно лавируютъ по цѣпи мелкихъ озеръ, заливовъ, чтобы достигнуть главнаго сборища птицы—плеса. На перешейкахъ и мелководьяхъ приходится тащить лодку волокомъ и это составляетъ первый и самый трудный пунктъ подхода, такъ какъ иной разъ необходимо погружаться въ зыбкую, холодную, какъ ледъ почву, выше колѣнъ, употреблять нечеловѣческія усилія. Тутъ немыслимо, конечно, сохранить абсолютную тишину и на открытомъ полѣ давно бы пришлось проститься съ удачей, но на озерѣ спасаетъ цѣлое море шума и гама, производимыхъ криками птицъ. Опасно только то, что нѣкоторые изъ утокъ—чирки, шилохвосты—выбираютъ не самый плесъ, а предпочитаютъ плескаться на небольшихъ мочжинахъ, почему нужно стараться не спугнуть эту сторожкую дичь, иначе ея неприятно-пронзительный крикъ и рѣзкій свистъ крыльевъ нарушитъ миръ и увлеченіе собственнымъ пѣніемъ многочисленнаго пернатого царства и не успѣетъ охотникъ ружье вскинуть, какъ все уже попрячется въ камышамъ, или совсѣмъ покинетъ озеро. Чтобы избѣгнуть этого неприятнаго обстоятельства, особенно послѣ долгаго и труднаго перехода по трясинамъ, и тѣмъ самымъ не остаться безъ дичи, нужно, какъ можно зорче и внимательнѣе, осматривать каждое озерцо, прежде чѣмъ спускать въ него лодку.

Какъ только до плеса остается небольшая полоса камыша, или же небольшой проливъ, однимъ быстрымъ взмахомъ и толчкомъ весла охотники неожиданно появляются на плесѣ среди гогочущей, крикающей, свистящей, поющей, плескающейся птицы; и разъ это продѣлано съ ловкостью и рассчитанною быстротой, то появленіе лодки бываетъ столь неожиданно для птицъ, что онѣ первое время, какъ бы съ любопытствомъ останавлива-

ютъ на ней и охотникъ глаза, что даетъ возможность пустить первый выстрѣлъ по «плавающимъ», а вторымъ уже подбирать на взлетѣ. Испуганная выстрѣлами дичь спѣшитъ укрыться въ камыши, но охотники ударами веселъ настойчиво поднимаютъ отдѣльныя стайки и производятъ въ камышахъ такой шумъ, что постепенно всѣ утки и гуси взлетаютъ тутъ же надъ плесомъ.

Но увлеченіе подобнаго рода охотой всегда таитъ за собой ужасную опасность, и тѣнь смерти слѣдуетъ по пятамъ охотника. Малѣйшій неудачный поворотъ, неосторожное движеніе и... отъ охотника остается одно воспоминаніе, да расходящіеся круги по глади озера, слегка колышущіе цвѣты-купавки...

Охота на казару.

Казара или казарка составляетъ особый видъ гуся (*anser cineraceus*) и отличается отъ вышеописаннаго сѣраго гуся своей величиной и окраской перьевъ. Длина казары не превышаетъ 55—57 см., хотя встрѣчаются экземпляры, особенно среди черной казары, до 65 см. длины; окраска перьевъ довольно оригинальна: по пепельно-сѣрому фону разбросаны темно-коричневые пятна, которыя на груди переходятъ въ черныя. Кромѣ этой *спрой* казары, встрѣчается еще *черная казара* съ желтой шеей, но въ далеко меньшемъ количествѣ и составляетъ рѣдкую дичь. Казара, при своихъ перелетахъ, держится всегда большими стаями, не имѣющими при летѣ того строгихъ порядковъ, который мы привыкли видѣть у другихъ птицъ, при этомъ стая производитъ крайне характерный шумъ и звуки, вѣрно сравниваемые охотниками съ отдаленными раскатами грома.

Казара—морская птица и въ громадныхъ количествахъ ее можно встрѣтить только по берегамъ Аральскаго моря и на большихъ горько-соленыхъ озерахъ юж-

ныхъ уѣздовъ—Иргизскаго и Тургайскаго. Въ сѣверной-же полосѣ области казара появляется при пролетахъ и держится около рѣкъ, въ теченіи немногихъ дней. Выбираетъ эта птица открытыя мѣста и весьма осторожна, чутка, такъ что охота на нее крайне трудна—лишь только ея слуха коснется подозрительный предметъ, тотчасъ-же все стадо прячется по камышевымъ зарослямъ, или-же поднимается и улетаетъ. Но разъ у казары имѣется вблизи гнѣздо, или дѣтеныши, она никогда не улетитъ отъ послѣднихъ и смѣло вступаетъ въ борьбу съ своими врагами, которыхъ у нея, кромѣ человѣка, очень много. Охотники пользуются такой привязанностью казары и удачно эксплуатируютъ ее для большей добычливости своихъ охотничьихъ экскурсій, тѣмъ болѣе что и при кладкѣ яицъ, этотъ гусь держится большими партіями. Казара гнѣздуется обыкновенно въ камышевыхъ заросляхъ, въ осокѣ, а то и прямо устраиваетъ гнѣзда изъ большихъ лопуховъ, свивая стебли послѣднихъ. Охотники, замѣтивъ эти гнѣзда, осторожно пробираются къ нимъ предъ закатомъ солнца, когда гуси отлетаютъ на выкормъ по займищамъ. Въ сумерки съ шумомъ и веселымъ крикомъ возвращается стая на свои гнѣзда, быстро спускается къ послѣднимъ, но выстрѣлы засѣвшихъ охотниковъ, отъ которыхъ многія птицы грузно падаютъ на воду, расправивъ свои длинныя крылья, останавливаютъ стаю, казарки испуганно поднимаются въ воздухъ и сердито издаютъ свое «крохъ... крохъ... крохъ...», кружась на одномъ мѣстѣ. Въ это время, смотря по высотѣ полета, охотники снова стрѣляютъ, а если у нихъ имѣются двустольныя ружья, то дулетируютъ, такъ какъ въ минуту опасности казара собирается въ тѣсную кучу, которая въ облитомъ розовымъ свѣтомъ вечерней зари воздухъ является въ видѣ темнаго пятна. Послѣ вторичныхъ выстрѣловъ, стая отлетаетъ и садится гдѣ нибудь на водѣ,

не далеко отъ гнѣздъ, но стрѣлять въ нее мѣшаетъ темнота ночи. Въ другихъ случаяхъ охотники осторожно подходятъ, или подплываютъ на каюкахъ къ гнѣздамъ передъ разсвѣтомъ и бьютъ птицу прямо въ гнѣздѣ. Киргизы мнѣ передавали, что самая удачная охота бываетъ во время насиживанія, когда казару бьютъ прямо палками.

Послѣ вывода дѣтенышей казара прячется по зарослямъ и пока выводки не подрастутъ, не показывается на открытыхъ мѣстахъ. Въ августѣ и сентябрѣ выводки становятся большими, вступаютъ въ равноправные члены семьи и казара, покинувъ свою засаду, снова появляется на лугахъ и на открытыхъ озерахъ. Съ этого времени наступаетъ второй періодъ охоты на нее, но только бываетъ онъ всегда малодобычливымъ, такъ какъ приходится считаться съ высшимъ проявленіемъ инстинкта осторожности, а не пользоваться рѣдкою среди птицъ привязанностью къ своему гнѣзду и прибѣгать къ коварной засадѣ. Охотники стараются обмануть казару, обвѣсивая лодку и себя водяными растеніями, обсаживая камышемъ, но все это мало помогаетъ—рѣдко казара допускаетъ на ружейный выстрѣлъ, а если и удается подплыть на послѣдній, то послѣ перваго выстрѣла вся стая скрывается изъ глазъ охотника.

Ко времени отлета, казара покидаетъ озера и собравшись въ огромныя стаи, перекочевываетъ для выкорма на открытыя мѣста, богатые луговой растительностью. Обыкновенно передъ закатомъ солнца стая казары, издавая характерный звукъ «кглль... кглль... кглль...», быстро спускается на одно изъ займищъ и жадно набрасывается на растительность; къ этой стаѣ присоединяются новыя и ночью займище сплошь покрывается казарой, оглашая воздухъ своимъ веселымъ шумомъ. Охотники осторожно подходятъ къ займищу, стараясь держаться противъ вѣтра и остаются до утра,—къ разсвѣту

шумъ кормящейся казары постепенно утихаетъ, и птицы, уткнувъ свои носы въ мягкія перья, дремлютъ, или, по выраженію охотниковъ, «зрюютъ». Охотники надѣваютъ себѣ на голову тальниковыя, или камышевыя корзины, въ которыхъ продѣланы отверстія для глазъ и для ружья, и тихо подкрадываются къ стаѣ. Отъ выстрѣловъ казара мгновенно просыпается, но не видя ничего подозрительнаго, кромѣ нѣсколькихъ тростниковыхъ корзинокъ, принимаемыхъ ею за кусты займища, начинаетъ выкармливать до восхода солнца, чтобы запастись силами на цѣлый день перелета. Отъ новыхъ выстрѣловъ стая поднимается и, бросивъ на прощаніе охотникамъ недовольное и злое «крохъ», быстро исчезаетъ въ голубой выси.

Охота на тетерева.

Въ немногочисленныхъ перелѣскахъ, которые мы наблюдаемъ по берегамъ небольшихъ рѣкъ, на горныхъ кручахъ, а равно и въ большихъ борахъ Николаевского уѣзда главнымъ представителемъ лѣсной дичи является *тетеревъ*—*tetrao tetrix*, извѣстный среди русскихъ подъ именемъ косачъ, польника, а у киргизовъ—*куръ*.

Тетеревъ составляетъ у киргизовъ любимую дичь, такъ какъ съ одной стороны, охота на него возможна въ теченіи цѣлаго года, при чемъ не требуетъ ни тѣхъ трудныхъ подходовъ, не сопряжена съ тѣмъ рискомъ, которые имѣютъ мѣсто при охотѣ на гуся, а съ другой—тетеревиная охота бываетъ всегда многодобычливой, а значитъ и болѣе выгодной. Отсюда и весьма понятно разнообразіе способовъ охоты на тетерева, которое мы встрѣчаемъ въ степи—тетеревовъ бьютъ на токовищѣ, охотятся по выводкамъ, съ подъезда, на чучело, по слѣду, съ подхода, ловятъ сѣтьми, силками, наконецъ охотятся на нихъ съ ловчими птицами.

Въ концѣ марта или началѣ апрѣля, когда отъ весеннихъ лучей солнца появляются проталины и на обнаженныхъ отъ снѣга мѣстахъ начнетъ пробиваться молодая сочная травка, тетерева начинаютъ *токовать*. Для тока послѣдніе выбираютъ открытыя мѣста—поляны, просѣки, съ невысокими порослями молодняка, или просто лужайки среди лѣса, при чемъ главнымъ условіемъ долженъ быть просторъ. Иногда тетерева токутъ на деревьяхъ, такъ мнѣ пришлось наблюдать это въ рощѣ «Хазретъ», расположенной по р. Карабутаку, но явленіе это настолько исключительное, рѣдкое, что никто больше изъ мѣстныхъ охотниковъ не могъ подтвердить мое одиночное наблюденіе собственными.

Охотники, замѣтивши выбранную тетеревами для тока поляну, или просѣку, устраиваютъ по ея краямъ шалаши—не болѣе 2—3-хъ, гдѣ и засѣдаютъ съ вечера.

Лишь только сквозь чащу лѣса брызнетъ послѣдній снопъ заходящаго солнца и небосклонъ покроется краснымъ багрянцемъ, по лѣсу звонко проносится призывный голосъ самца-тетерева, нарушаетъ безмолвную тишину на полянѣ и минутой спустя на послѣдней появляется *носачъ*, убранный въ свой красивый нарядъ. Широко распустивъ хвостъ, вслушивъ на спинѣ мелкія перья, тетеревъ начинаетъ что-то бормотать, при этомъ онъ точно задыхается и звуки получаются глухіе. Но скоро это глухое бормотаніе переходитъ въ явственное: «чүфффшш... чуу... ффы... чуу... хши...», при чемъ низко протягиваетъ по землѣ свою шею и звуки далеко несутся, особенно по вѣтру. Этотъ призывъ не остается безъ отклика—въ отвѣтъ ему несутся звуки товарищей, и скоро на поляну вылетаютъ со всѣхъ сторонъ тетерева. Тутъ-то и начинается тотъ моментъ, который Брэмъ удачно охарактеризовалъ словами: «токованіе есть въ одно и тоже время пѣснь и дяска любви», и справедливо мнѣніе этого

великаго натуралиста и страстнаго охотника, что «тотъ, кто только разъ побывалъ на этихъ токахъ, никогда уже ихъ не забудетъ». Здѣсь слышатся и сердитыя урчанія дерущихся токовицъ, которые съ остервенѣніемъ бросаются другъ на друга, принимая въ этотъ моментъ вертикальное положеніе, и побѣдные крики одолѣвшаго, и томное, сладостное воркованіе самокъ, ухаживающихъ за побѣдителемъ... Словомъ, токованіе принадлежитъ къ числу «привлекательнѣйшихъ зрѣлищъ—стоитъ только вспомнить картинность мѣста, выбраннаго для тока, широко шагнувшей впередъ разцвѣтъ весны, оживленную толпу косачей, ихъ токованіе, причудливость ихъ любовной пляски, красоту, ловкость и крики плясунцовъ, далеко разносящіеся и оживляющіе лѣсъ, и многое другое». (Брэмъ).

Въ разгаръ токованія тетеревъ ничего не видитъ, кромѣ соперниковъ и красивыхъ самокъ, ничего не слышитъ, кромѣ сердитаго урчанія первыхъ и томнаго воркованія послѣднихъ—страсть убиваетъ въ немъ инстинктъ осторожности и отдаетъ во власть врага-человѣка. Охотники стрѣляютъ прямо въ чернѣющуюся на полянѣ группу дерущихся птицъ, такъ какъ выбору мѣшаетъ темнота ночи. Выстрѣлы нисколько не расхолаживаютъ любовныхъ порывовъ токующихъ и можно нѣсколько часовъ подрядъ производить ихъ черезъ извѣстные промежутки, усѣять поляну трупами убитыхъ и въ то-же время не нарушить токованія... При этомъ всегда бываетъ масса промаховъ, которые только и можно объяснить темнотою ночи. Съ разсвѣтомъ токованіе оканчивается и тетерева разлетаются, а охотники выходятъ изъ засады и собираютъ свои трофеи.

Токованіе происходитъ также и раннимъ утромъ, но насколько я могъ замѣтить, это случается не съ первыми весенними лучами, какъ только что описанное, а значительно позднѣе—въ концѣ апрѣля, причемъ токованіе

не носить уже прежняго задора и азарта, не блещетъ многочисленнымъ собраніемъ токующихъ и продолжается сравнительно не долго. Передъ разсвѣтомъ—часа въ 3—4—первый «токовицъ» садится вблизи поляны на дерево и начинаетъ свое „чуфырканье“, на которое слышится или робкій отвѣтъ самки, или сердитое «чуу... хви...» самца. Токовицъ постепенно спускается съ дерева на поляну, вступаетъ въ борьбу съ соперникомъ, или начинаетъ ухаживать за самками, а скоро слетаются другіе токовицы и начинается пляска. Необходимо дать тетеревамъ «растокаться», въ каковой моментъ они какъ шальные, начинаютъ выдѣлывать всевозможные и невообразимые пируэты и тогда уже стрѣляютъ. Токовицы послѣ выстрѣла, если только не замѣтятъ человѣка, немного умѣряютъ свой пылъ, притихаютъ и настораживаются, но, не видя нигдѣ и ничего подозрительнаго, снова начинаютъ токовать—такъ продолжается до восхода солнца, и если соблюдать всѣ необходимыя предосторожности, то за это сравнительно короткое время можно столько уложить красноглазыхъ борцовъ по выбору, сколько всю ночь не убить, при вечернемъ токованіи. Но киргизы, даже и опытные, часто портятъ охоту тѣмъ, что выскакиваютъ изъ шалаша за раненымъ тетеревомъ, боясь потерять его въ заросляхъ лѣса.

Послѣ токованія охотники обыкновенно оставляютъ тетеревовъ въ покоѣ до конца іюля, когда тетерева достигаютъ порядочнаго роста и ведутъ самостоятельную жизнь, а тетерка—мать начинаетъ ливать. Но не всегда мы видимъ это въ киргизской степи: тетерева преслѣдуются нѣкоторыми изъ охотниковъ и въ періодъ кладки яицъ, высиживания дѣтей и выводковъ не спасаетъ ихъ ранній возрастъ.

Вначалѣ мая тетерка устраиваетъ въ укромномъ мѣстѣ гнѣздо, которое представляетъ собой небольшое углуб-

бленіе, выстланное бурьяномъ или травой; кладетъ тетерка до 7—10 яицъ и такъ привязана къ своему гнѣзду, что никогда не покидаетъ его, хотя-бы вблизи грозила опасность. Киргизы довольно легко отыскиваютъ гнѣзда, или при помощи собакъ, или просто благодаря своей опытности—тетерки устраиваютъ гнѣзда вблизи ягодниковъ и можно съ увѣренностью сказать, что нѣтъ той просѣки съ ягодными кустами, въ которой не пріютилась-бы цѣлая семья насѣдокъ-тетерекъ. Рѣдко киргизы спугиваютъ послѣднихъ съ гнѣзда и бьютъ въ летъ, боясь конечно промахнуться, а стрѣляютъ или прямо въ гнѣздахъ, или же ждутъ, когда онѣ сядутъ на деревья, вблизи послѣднихъ. Маленькихъ тетеревятъ много истребляютъ киргизскія собаки, а во время покоса и сбора раннихъ ягодъ, киргизы стараются согнать выводокъ на открытую ковыльную поляну, гдѣ и стрѣляютъ по немъ, или травятъ собаками.

Въ концѣ іюля выводки становятся уже вполне взрослыми и могутъ свободно вести самостоятельную жизнь. Молодые тетеревята крайне чутки и осторожны—малѣйшій подозрительный шорохъ и всѣ они разсыплются по кустамъ, забиваются подъ кочки, а то взлетаютъ на дерево и такъ притаятся, что иной разъ на глазахъ взлетѣвшаго тетеревенка не удастся отыскать цѣлыми часами. На землѣ-же они часто допускаютъ наступить на нихъ ногой, схватить собакъ, но не покидаютъ своей засады.

Охота въ это время безъ собаки не мыслима и производится исключительно въ летъ, такъ какъ поднятые тетерева рѣдко садятся по деревьямъ, а прячутся по зарослямъ. Киргизы охотники пользуются въ этихъ случаяхъ своими дворняжками, или борзыми, приученными къ охотѣ по перу, но все же охота у нихъ въ это время считается малодобычливой: «стрѣляешь много, а бьешь

мало»—приходится слышать на запросъ объ удачѣ. Но за то для охотниковъ-дилетантовъ, которые встрѣчаются въ мѣстныхъ степныхъ городахъ, охота за тетеревами изъ подъ собаки составляетъ высшій моментъ наслажденія страстью. Выйдешь на обширную просѣку, поросшую березникомъ, осинникомъ, кустарниками и высокой травой, пошлешь собаку впередъ и... забыть весь міръ. Только собака, да и не вся, а только кончикъ ея хвоста, мелькающій поверхъ густыхъ порослей и служащій для охотника указателемъ результата поисковъ, поглощаетъ все вниманіе. Вотъ умное животное быстро втянуло струю нагрѣтаго воздуха, на мгновеніе осталось неподвижнымъ, а потомъ съ какими-то нервными порывами начинаетъ искать. Собака потянула тише, движенія ея медленнѣе, но нервнѣе, а частота дыханія и игра хвостомъ дошла до высшаго напряженія—все это указываетъ на близость дичи. Рука сильнѣе стискиваетъ ружье, глаза впиваются въ собаку, еще минута и... стойка. Что это за чудный моментъ и какъ онъ магически дѣйствуетъ даже на привычнаго охотника! Въ это время приходится испытывать какое-то неопредѣленное чувство: тутъ и предвкушеніе полного наслажденія любимой страстью, и восторгъ отъ ума и стойки собаки, и увлеченіе борьбой, въ которой на одной сторонѣ искусство ума, а на другой—инстинктъ и быстрота. А собака?! Вытянетъ шею, голову, подожметъ одну ногу, стрѣлой вытянетъ хвостъ и предъ вами живое изваяніе. Этотъ моментъ—стойки собаки я всегда сравниваю съ высшимъ напряженіемъ нервной дѣятельности, доходящимъ до столбняка и никакія силы, кажется, не могутъ въ это время сдвинуть съ мѣста хорошую охотничью собаку, кромѣ едва слышнаго шопота «впередъ»... Шумно срывается молодой тетеревъ, гулко раздается по просѣкѣ выстрѣлъ и ягташъ становится тяжелѣе. Чаше и чаще собака дѣлаетъ стой-

ки, чаще раздаются выстрѣлы, и ягташь тяжелѣетъ.

Киргизскія собаки рѣдко выдерживаютъ стойку, а срываютъ, недождавшись приказаній охотника, поэтому у послѣдняго всегда бываетъ больше промаховъ, чѣмъ удачныхъ выстрѣловъ. Въ это время киргизы предпочитаютъ охотиться за тетеревами *на манку*. Изъ тонкихъ овечьихъ костей, (обыкновенно изъ плюсовыхъ и пястныхъ костей ягнятъ) киргизы дѣлаютъ небольшія дудочки, на выходномъ концѣ которыхъ прикрѣпляется небольшой кожаный мѣшочекъ, постепенно расширяющійся ко дну; мѣшочекъ собирается правильными концентрическими кругами, на разстояніи одинъ отъ другого $\frac{1}{2}$ —1 см., такъ что получается что-то въ родѣ мѣха гармоніи. Таковую дудочку нѣтъ нужды брать въ ротъ и дуть въ нее,—звуки производятъ путемъ сдавленія мѣха и можно достигнуть такого искусства въ подражаніи пѣнію и крикамъ птицъ (тетерева, утокъ, куропатокъ, перепелокъ и др.), что издали трудно найти разницу между звуками дудочки и птицы. Но съ подобнымъ усовершенствованіемъ дудочки еще мало распространены, а обыкновенно употребляются безъ мѣха, такъ что звукъ производится путемъ вдуванія. Выбравъ удобное мѣсто, гдѣ нибудь подъ деревомъ на краю просѣки, охотникъ беретъ въ ротъ дудочку, которая виситъ у него на поясѣ и начинаетъ подманывать тетерева, подражая его крику. Скоро въ отвѣтъ слышится тихій откликъ тетерки и можно замѣтить, какъ заросли слегка волнуются—признакъ приближенія цѣлаго выводка. Звуки дудочки становятся тише и рѣже, какъ будто издающій ихъ удаляется, тетерка спѣшитъ догнать и прямо наталкивается на охотника, который давно уже приготовилъ ружье, и какъ только предъ нимъ покажется голова птицы, спускаетъ курокъ. Выводокъ, который слѣдовалъ за матерью, испуганно сбивается въ кучу и первыя минуты, какъ видно старается сообразить въ чемъ

дѣло, но тѣже звуки дудочки, которые тетереваты принимаютъ за голосъ матери, успокаиваютъ ихъ и они высыпаютъ къ охотнику. Часто на подманиваніе выходятъ косачи, которые сначала съ шумомъ взлетаютъ на дерево, а потомъ уже спускаются на поляну и подходятъ къ охотнику, но послѣднему мало интереснаго стрѣлять по косачу, такъ какъ выстрѣломъ онъ можетъ испугать выводокъ, который и покидаетъ поляну. Подманиваютъ тетеровъ звуками двухъ тоновъ—одинъ нѣжный, похожій на тихую трель скворца «фью-ю-ю... фью...фи», другой болѣе грубый, похожій на клохтаніе насѣдки. Первымъ подражаютъ крику молодыхъ и приманиваютъ самку, а вторымъ—крику тетерки, на который спѣшитъ выводокъ, отставшій, или потерявшій мать.

Въ концѣ сентября и вначалѣ октября, когда ясные солнечные дни смѣняются холодными ночами съ заморозками, когда чернолѣсье теряетъ свой нарядъ, и высокая лѣсная трава высыхаетъ—тетерева начинаютъ взлетать на деревья, и чѣмъ холоднѣе осень, тѣмъ рѣже они сходятъ на землю. Молодые тетерева давно уже сравнялись со старыми, по величинѣ и цвѣту, старые перелинами смѣшались съ молодыми и стали собираться въ цѣлыя стаи.

Въ это время на тетеровъ начинается охота съ *подъезда* и *на число*.

Охота съ *подъезда* состоитъ въ томъ, что охотники обсадивъ телѣгу по краямъ ивовыми вѣтвями, или тальникомъ, тихо подъѣзжаютъ къ опушкѣ лѣса рано утромъ, когда тетерева только что «отзоревали». Тетерева мало обращаютъ вниманія на подъѣзжающую къ нимъ телѣгу и близко подпускаютъ къ себѣ. Охотники слѣдятъ, если тетерева сидятъ нахохлившись, то значитъ можно смѣло приближаться, а разъ они вытянули шеи и переступаютъ на вѣтвяхъ, то нельзя терять ни минуты и необходимо стрѣлять, иначе птицы снимутся и улетятъ.

Киргизы подъѣзжаютъ иногда верхомъ, особенно тамъ, гдѣ нельзя проѣхать на телѣгѣ. У опытныхъ охотниковъ принято за правило—стрѣлять всегда нижняго тетерева, такъ какъ иногда верхніе съ любопытствомъ смотрятъ внизъ, какъ валятся ихъ нижніе собраты и тѣмъ самымъ даютъ возможность выстрѣлить еще разъ. Особенно удачной эта охота бываетъ въ морозные дни, когда тетерева вообще не охотно покидаютъ деревья.

Способъ охоты съ чучелами внесли русскіе переселенцы и такъ какъ онъ оказался весьма добычливымъ, то скоро вытѣснилъ другіе, особенно охоту съ подъѣзда. Чучела представляютъ собой или набитыя шкурки убитыхъ тетеревовъ, или же деревянные болваны, обтянутые бумагой, матеріей. Въ послѣднемъ случаѣ бока чучела выкрашиваются въ черный цвѣтъ, съ бѣлыми полосами по бокамъ, долженствующими изображать бѣлыя перья въ крыльяхъ, на голову нашиваютъ красныя полоски, продолбываютъ клювъ и укрѣпляютъ на палкѣ, пропущенной въ животъ. Чучела разставляютъ или по опушкѣ лѣса прямо на деревьяхъ, или же на просѣкѣ на особыхъ «присадкахъ» (тонкія жерди), высота которыхъ должна быть равной высотѣ деревьевъ окружающей чащи, причемъ мѣстомъ охоты выбираютъ обыкновенно «перелеты», т. е. тѣ поляны, черезъ которыя тетерева пролетаютъ на хлѣбныя поля для выкорма и возвращаются обратно на ночевку. Вблизи разставленныхъ чучелъ устраивается небольшой шалашикъ для охотника.

Утромъ стая тетеревовъ, пролетая черезъ поляну, замѣчаетъ чучела и принимая ихъ за живыхъ птицъ, прилетаютъ къ присадкамъ, но такъ какъ сѣсть на нихъ больше негдѣ, то они размѣщаются на сосѣднихъ деревьяхъ. Охотникъ стрѣляетъ и птицы испуганно поднимаются, но видя, что на полянѣ по прежнему спокойно сидятъ тетерева, успокаиваются и снова собираются въ

стаю. Особенно удачна охота на чучела съ загонщиками. Послѣдніе заходятъ въ глубь чащи и, стучая палками по деревьямъ, спугиваютъ тетеревовъ, стараясь направить ихъ на чучела. Тетерева, перелетывая съ дерева на дерево, приближаются къ опушкѣ и, замѣтивъ на просѣкѣ, или полянѣ чучела, подлетаютъ къ нимъ и садятся вблизи, иногда даже на крышѣ шалаша, въ которомъ засѣли охотники.

Зимою на тетеревовъ киргизы охотятся «съ подходомъ» и при помощи собакъ. Тетерева, какъ извѣстно, зимою крѣпко сидятъ на деревьяхъ и только для отысканія пищи сходятъ на землю, гдѣ и остаются часто на ночевку, прижавшись къ стволу дерева, или забившись въ кустъ. Одной изъ характерныхъ особенностей тетерева то, что онъ не сразу слетаетъ съ дерева, а сначала подремлетъ на вершинѣ, послѣ чего, спускается на полдерева, тутъ также сидитъ немного и, наконецъ, лѣниво слетаетъ на землю, кормится и засыпаетъ. Охотники отыскавъ слѣдъ, осторожно начинаютъ подходить къ опушкѣ. Трудно замѣтить издали, гдѣ прикорнули птицы, но тутъ выручаетъ собака: пущенная впередъ она останавливается около дерева, на которомъ сидятъ тетерева и начинаетъ лаять, высоко поднимая голову. Тетерева лѣниво поднимаются на ноги и, вытянувъ шеи, съ любопытствомъ смотрятъ на собаку, давая тѣмъ самымъ возможность охотнику подойти еще ближе. Отъ выстрѣловъ тетерева снимаются, но перелетаютъ не далеко, такъ что собака быстро отыскиваетъ ихъ и снова повторяется то-же самое.

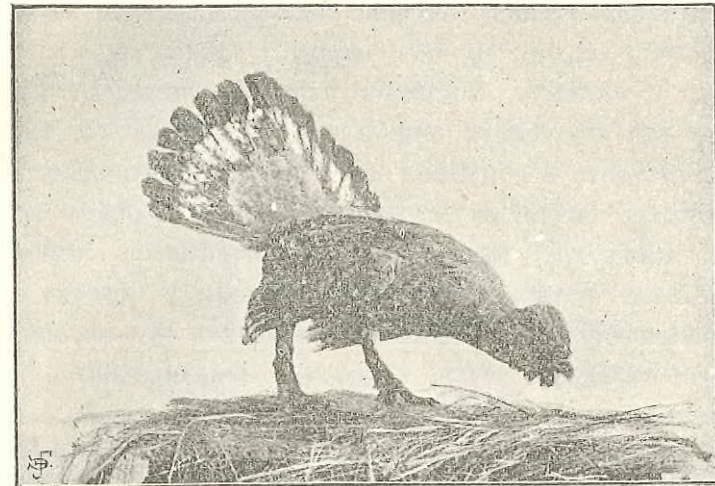
Кромѣ ружейной охоты на тетеревовъ, у киргизовъ зимою практикуется еще способъ ловли послѣднихъ *силками*. Силки представляютъ собой рядъ петель, нанизанныхъ на волосяную веревку, протянутую между деревянными кольями и скрытую въ снѣгу. На петли высыпа-

ють просо, пополамъ съ снѣгомъ и оставляютъ на нѣсколько дней. Тетерева, натолкнувшись на приманку, падаютъ ногами въ петли и бьются до тѣхъ поръ, пока ножъ промышленника не перехватитъ имъ горло.

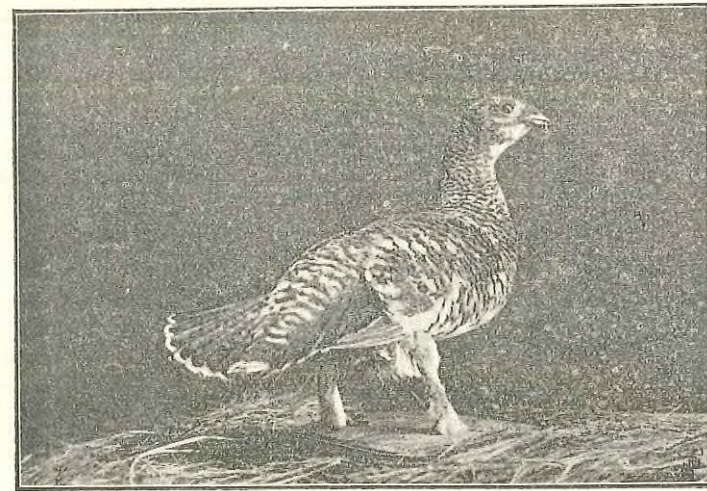
Охота на глухаря.

Глухарь (*tetrao urogallus*), называемый еще *глухимъ тетеревомъ*, *мошникомъ*, *моховикомъ*, значительно менѣе распространенъ въ области, чѣмъ его сородичъ *тетеревъ*. Это и весьма понятно, такъ какъ любимыя глухаремъ мѣста, которыми являются большія, малопроходимыя чащи краснойлѣся, съ моховыми болотами, здѣсь весьма незначительно и встрѣчаются только въ Кустанайскомъ уѣздѣ. Въ образѣ жизни глухарь во всемъ похожъ на тетерева. Зимой онъ также проводитъ большую часть времени на деревьяхъ, а лѣтомъ ютится по зарослямъ ягодниковъ, близъ болотъ, рѣчекъ, ручьевъ, и небольшихъ озеръ. Токовать глухарь начинаетъ съ первыми весенними лучами и картина этой любовной пляски и пѣсни одинакова съ таковою у тетерева, но только на глухариныхъ токованіяхъ рѣдко приходится видѣть такое громадное стеченіе птицъ, какъ это бываетъ на тетеревиныхъ. Глухарь токуетъ обыкновенно послѣ заката солнца, выбирая мшистыя мѣста около болотъ, продолжаетъ до утра, передохнувъ на нѣсколько часовъ передъ разсвѣтомъ, причемъ во время покоя дремлетъ здѣсь-же на одномъ изъ деревьевъ. Пѣснь свою глухарь начинаетъ отдѣльными «те-ке... те-ке... текъ... текъ...», а потомъ входитъ въ любовный азартъ и начинаетъ выводить безпрерывную трескотню, важно расхаживая по дереву или по мшаннику.

На токующего глухаря охотятся *съ подходомъ*. Заслышавъ глухариную пѣснь, охотникъ приближается къ птицѣ, стараясь какъ можно осторожнѣе ступать по кучамъ

Глухарь.

Глухарка.

валежника—малѣйшій хрустъ, шорохъ можетъ испортить все дѣло, если только глухарь еще не ушелъ весь въ любовныя увлеченія. Но разъ послѣднія достигли у глухаря высшихъ предѣловъ, что можно заключить изъ перехода отрывистыхъ звуковъ въ шипѣніе и стрекотаніе, то можно смѣло идти, не боясь спугнуть и даже выстрѣлы остаются незамѣченными токующими глухарями. Во всякомъ случаѣ и мѣстные охотники держатся того общаго правила, что подходить необходимо въ глубочайшей тишинѣ, останавливаясь и ускоряя шаги, сообразно игрѣ глухаря. А такъ какъ это крайне трудно достигнуть ночью, то охотники еще за свѣтло приблизительно опредѣляютъ мѣсто токованія, которое между прочимъ, также какъ и у тетеревовъ, не мѣняется глухаремъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, и засѣдаютъ вблизи. Соблюдая эти предосторожности, можно подойти къ тому дереву, на которомъ токуетъ глухарь, что весьма важно особенно для охотника-киргиза, не желающаго даромъ тратить заряда, а при охотѣ ночью, да еще въ лѣсу, и на разстояніи вѣрнаго выстрѣла, промахи неизбѣжны.

Въ періодъ линіянія глухаря, киргизы охотятся на него съ собакой, но охота не бываетъ добычливой. Глухарь, хотя во время линіянія становится тяжелымъ на подъемъ, лѣнивымъ и близко подпускаетъ собаку и охотника, но вмѣстѣ съ тѣмъ прячется въ такихъ глухихъ непроходимыхъ чащахъ, заросляхъ и болотахъ, что не киргизской собакѣ найти его. Кромѣ того глухарь, потревоженный собакой, быстро и ловко убѣгаетъ отъ послѣдней и охотнику не приходится иногда даже видѣть его.

Охота на глухаринныя выводки изъ подъ стойки хорошей собаки также чудна и хороша, какъ и на тетеревовъ и даже больше того, такъ какъ глухарь рѣдкая дичь въ тургайской степи, а по величинѣ самая крупная изъ лѣсныхъ. Выводки держатся сначала въ лѣсу по осин-

никамъ, гдѣ любимую ихъ пищу составляютъ листья послѣдняго, а потомъ переходятъ въ ягодники и вотъ здѣсь то съ хорошей собакой можно весь выводокъ взять, особенно если онъ не въ кучѣ, а рассыпался по просѣлкѣ. Стойку собаки молодые глухари выдерживаютъ твердо, а полетъ ихъ ровный, медленный, такъ что промаховъ тутъ мало бываетъ. Если-же собака находитъ весь выводокъ въ кучѣ и поднимаетъ его весь сразу, то глухари разлетаются въ разные стороны по деревьямъ и тогда уже трудно отыскивать ихъ.

Киргизы охотятся на молодыхъ «на манку», которая производится также, какъ и на тетерева, только разнится по звукамъ. Здѣсь также большую услугу оказываетъ собака, но роль послѣдней не стойку выдержать, а просто поднять весь выводокъ и разогнать его по деревьямъ. Когда это будетъ сдѣлано, охотникъ становится подъ ближайшимъ деревомъ и начинаетъ *манить* на дудочку, а то и просто губами, издавая нѣжные звуки молодыхъ глухарей. Сначала отзовется старая глухарка, а за нею остальные члены выводка и, спустя нѣкоторое время, собираются вблизи охотника; послѣдній, выбирая удобные моменты, стрѣляетъ. Отъ выстрѣловъ выводокъ не рассыпается по просѣлкѣ, и испугъ ихъ скоро проходитъ отъ нѣжныхъ звуковъ, снова раздающихся по лѣсу.

Охота на чучело и съ подѣзда одинакова во всѣхъ отношеніяхъ съ таковою на тетеревовъ и начинается глубокою осенью, когда начинается усиленный листопадъ и утренніе заморозки сковываютъ всѣ лѣсные болотца, рѣчки и озера.

Охота на дрофу.

Дрофа (*otis tarda*), по киргизски *дуадакъ*, исключительно степная птица и встрѣчается по всей области, начиная отъ самыхъ сѣверныхъ мѣстностей и вплоть до

Аральскаго моря. Любимыми мѣстами дрофы являются открытыя поля, поросшія высокимъ ржанникомъ, молочаемъ, бобовникомъ, чилигой, а также посѣвные участки. Здѣсь она кормится, вьетъ гнѣздо, выводитъ дѣтенышей и здѣсь-же скрывается отъ глазъ враговъ, которыхъ у нея очень много.

Дрофа крайне осторожна, чутка и внѣшнія чувства — зрѣніе и слухъ такъ сильно развиты, что нѣтъ никакой возможности близко подойти къ этой птицѣ, мало того, иногда глазъ охотника еще не можетъ усмотрѣть за дальностью разстоянія дрофу, какъ послѣдняя, увидя его, спѣшитъ укрыться въ заросляхъ. Даже прилетѣть и отлетѣть этой чуткой птицы не сопровождаются обычными у другихъ перелетныхъ криками и только наблюдая вообще за отлетомъ птицъ, можно узнать о перелетахъ дрофы, по ея оригинальному полету, съ вытянутой шеей и низко опущенной грудью. Рѣдко въ наступившихъ сумеркахъ можно услышать глухой характерный звукъ дрофы — «пер...р...р...». Эта чуткость и осторожность не покидаютъ дрофу во время кладки яицъ и высиживания — малѣйшій шорохъ, шумъ и самка срывается съ гнѣзда, уходитъ въ глубину зарослей, гдѣ и остается, пока снова не наступитъ безмолвная тишина. Только во время спариванія, которое наступаетъ у дрофъ съ ранней весны, инстинкты эти сильно ослабляются и въ любовномъ азартѣ самцы не обращаютъ вниманія ни на шорохъ, ни на шумъ, какъ бы послѣдній не былъ подозрительнымъ, даже выстрѣлъ не расхоложиваетъ ихъ сладострастныхъ порывовъ.

Охота на дрофу производится главнымъ образомъ ранней весной, во время любовной поры и осенью, при первыхъ заморозкахъ, когда дрофа становится тяжелой на подъемъ отъ ожиренія и отъ слегка обледенѣлыхъ крыльевъ. Кромѣ этихъ двухъ періодовъ, охота производится иногда

во время высиживанія и тотчасъ по выводѣ птенцовъ, но эта пора охоты носитъ случайный характеръ и по результатамъ бываетъ малодобычливой.

На дрофу только и возможно охотиться верхомъ. Киргизъ-охотникъ, замѣтивъ издали дрофъ, которые, менѣе бояться верховыхъ и поэтому ближе подпускаютъ ихъ къ себѣ, начинаетъ тихимъ аллюромъ описывать кругъ, постепенно сокращая его діаметръ. Последнее, т. е. сокращеніе діаметра круга, чтобы вѣрнѣе обмануть бдительность чуткой птицы, производится періодическимъ «попыхиваніемъ» лошади назадъ, такъ какъ дрофа, по мнѣнію киргизъ, видя предъ собой хвостъ лошади, заключаетъ объ удаленіи всадника. Незнаю, насколько это вѣрно, но мнѣ лично пришлось убѣдиться въ томъ, что при заднемъ ходѣ лошади дрофы подпускаютъ значительно ближе, чѣмъ при боковомъ и кромѣ того, при поворотѣ для выстрѣла, дольше остаются неподвижными. Когда діаметръ круга сократится на ружейный выстрѣлъ, охотникъ быстро по крупу спускается съ лошади, беретъ на прицѣлъ и стрѣляетъ. Послѣ перваго выстрѣла дрофы начинаютъ убѣгать, хлопая крыльями, но не видя преслѣдованія, успокаиваются и снова продолжаютъ свои любовныя ухаживанія. Охотникъ подбираетъ убитую дичь, вторачиваетъ ее и снова начинаетъ обѣзжать. При умѣлыхъ, опытныхъ обѣздахъ и съ хорошей винтовкой киргизъ убиваетъ въ день по 4—5 дрофъ.

Охота съ загонщиками возможна только въ томъ случаѣ, если вблизи имѣются мѣста, удобныя для засады, какъ напр., неглубокія впадины, холмики, кусты чилиги, заросли молочая. Охотники залегаютъ въ такихъ мѣстахъ, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ другъ отъ друга, а верховые загонщики, держась полукругомъ, тихо надвигаются на дрофъ. Последнія, замѣтивъ всадниковъ, начинаютъ понемногу удаляться, не прерывая своихъ за-

натій и близко подходятъ къ охотникамъ. Лишь только разстояніе между дрофами и охотниками сократится до ружейнаго выстрѣла, загонщики въ разъ поднимаютъ ноги, показывая тѣмъ самымъ, что дичь близко, а сами быстро удаляются назадъ. Охотники, увидя сигналъ, осторожно приподнимаются, чтобы видѣть птицу, разставляютъ подставки и стрѣляютъ залпомъ.

Охота осенью бываетъ болѣе удачной. Дрофы въ это время держатся семьями по скошеннымъ нивамъ, или вблизи зарослей ржанника, дикаго просянища, чѣмъ даютъ возможность подойти по этимъ зарослямъ на ружейный выстрѣлъ, хотя приходится употреблять тѣ-же усилія и маневры, какъ и при охотѣ на гуся, при этомъ здѣсь направленіе вѣтра безразлично, такъ какъ чувство обонянія у дрофы развито слабо. Подползши къ краю зарослямъ, охотникъ опредѣляетъ разстояніе и если дичь виѣ ружейнаго выстрѣла, то терпѣливо дожидается, когда она направится къ зарослямъ на выкормъ и ночевку, или-же заходитъ на другую сторону, разъ тому позволяетъ мѣстность. На близкихъ разстояніяхъ охотнику удастся иногда сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ по одному тому-же табуна дрофъ, имѣя, конечно, хорошее охотничье ружье, а не киргизскую проржавленную винтовку съ допотопными затворами, или шомполку—малаго калибра, изъ которыхъ только и можно успѣть выстрѣлить одинъ разъ. Послѣ перваго выстрѣла дрофы обыкновенно остаются нѣсколько секундъ неподвижными, съ высоко вытянутыми шеями и испуганно поводятъ своими красноватыми глазами, послѣ чего слѣдуетъ второй моментъ, удобный для выстрѣла—дрофы, слегка распускаютъ крылья и на протяженіи нѣсколькихъ саженъ отталкиваются отъ земли, держась прямой линіи и, наконецъ, поднимаются на воздухъ. Въ эти три момента можно произвести еще два-три выстрѣла.

Киргизы въ такихъ случаяхъ разбиваются на двѣ группы—одна изъ нихъ подползаетъ къ дрофамъ, стрѣляетъ, а въ это время другая группа, скрывавшаяся не вдалекѣ на лошадяхъ, быстро подскакиваетъ на выстрѣлы и бьетъ уже въ бѣгущихъ птицъ. Но въ послѣднихъ случаяхъ больше раненыхъ, чѣмъ убитыхъ и охотникамъ не малого стоитъ труда прирѣзать дрофу, которая отчаянно защищается и не безопасна бываетъ для неосторожныхъ охотниковъ.

Въ сырые, осенніе дни, смѣняемые холодными морозными ночами, крылья дрофы покрываются тонкимъ ледянымъ слоемъ, отчего полетъ ея становится тяжелымъ и прежде чѣмъ подняться на воздухъ, дрофа пробѣгаетъ значительное пространство, усиленно взмахивая крыльями и отталкиваясь ногами. Зная это, киргизы въ первое-же морозное утро, смѣнившее сырую ночь, выѣзжаютъ на охоту. Сначала охотники объѣзжаютъ стаю дрофъ въ нѣсколько круговъ, а потомъ, когда разстояніе сократится до 200—300 шаговъ, пускаютъ лошадей вскачь прямо на птицъ и пока тѣ оправятся отъ изумленія, пока поднимутся, киргизы успѣютъ почти вплотную подскочить и бьютъ уже безъ промаха. Въ гололедицу же дрофъ ловятъ живыми, бьютъ ногойками, палками, такъ какъ все тѣло этихъ птицъ покрывается ледяной броней, освободить отъ которой только и можетъ оттепель. Нужно видѣть, чтобы представить всю безпомощность дрофы, напрасно старающейся укрыться въ заросляхъ отъ преслѣдованій всадника, всю эту бойню, которую устраиваютъ киргизы. Киргизы выѣзжаютъ иногда цѣлыми аулами, оцѣпляютъ заросли и начинаютъ съуживать кругъ. Скоро стая дрофъ сбивается въ центръ и напрасно птицы отталкиваются, махаютъ полураспущенными крыльями—послѣднія парализованы ледянымъ покровомъ и уже не могутъ поднять жирнаго тѣла. Лично мнѣ пришлось на-

блюдать подобное истребленіе дудаковъ въ 1889 году, когда въ сентябрѣ, послѣ непрерывнаго трехдневнаго дождя, вдругъ ударилъ десятиградусный морозъ и вся степь покрылась тонкимъ слоемъ льда. Рано утромъ уже можно было замѣтить сильное оживленіе въ степи—вездѣ сновали всадники, вооруженные ногойками, палками, или пиками; они то разбивались, то сходились въ плотную цѣпь. Оказалось, что это киргизы устроили охоту на дрофъ, которая дала имъ въ одинъ день во много разъ больше дичи, чѣмъ во весь охотничій сезонъ.

Подобнаго рода охота производится и на тѣхъ дрофъ, которыя почему либо остаются въ степи на зимовье.

Во время кладки яицъ и высиживанія, киргизами также производится охота, но сопряжена она съ большими затрудненіями и бываетъ малоудачной. Прежде всего необходимо отыскивать гнѣздо дрофы, а это только и можно сдѣлать послѣ долгихъ наблюденій за мѣстомъ выкорма послѣдней, которымъ служить обыкновенно ближайшее просянище. Чаще-же отыскивается гнѣздо при помощи собаки. Дрофа, при приближеніи послѣдней, соскакиваетъ съ гнѣзда и прячется въ заросляхъ, такъ что охотникъ находитъ пустое гнѣздовье. Не дотрогиваясь до яицъ и даже избѣгая притаптыванія травы и бурьяна, онъ залегаетъ гдѣ-нибудь не подалеку и ждетъ, когда дрофа будетъ возвращаться къ гнѣзду. Въ гнѣздѣ дрофу убить трудно, такъ какъ необходимо подползти чуть не вплотную, чтобы разсмотрѣть ее, а птица эта, какъ извѣстно, настолько осторожна и чутка, что никогда не допустить такъ близко къ себѣ охотника. Поэтому послѣдній, какъ только замѣтитъ, что птица сѣла въ гнѣздо, поднимается изъ засады, пускаетъ собаку, или самъ подскакиваетъ къ дрофѣ. Дрофа срывается съ гнѣзда, но ружье уже вскинута, раздается выстрѣлъ и птица груз-

но валится на землю. Иногда же собака не допускает до выстрѣла и сама душитъ дрофу.

Охота на стрепета.

Стрепетъ (*otis tetrah*), также какъ и его родичъ дрофа, исключительно степная птица и также встрѣчается по всей области.

Вначалѣ прилета, стрепетъ держится стаями на возвышенныхъ мѣстахъ, но какъ скоро по палинамъ стаетъ снѣгъ, стаи разбиваются по парамъ, которыя и переходятъ въ эти палины. Излюбленными мѣстами стрепета являются старыя заброшенныя пашни, поросшія молочаемъ, заросли бурьяна и высокій ржанникъ. На открытыхъ же мѣстахъ стрепетъ рѣдко показывается, чѣмъ существенно отличается отъ дрофы, которая, какъ извѣстно, любитъ открытыя равнины. Стрепетъ также относится къ крайне осторожнымъ птицамъ и внѣшнія чувства—зрѣніе и слухъ сильно развиты, но вмѣстѣ съ тѣмъ у него замѣчается одна характерная особенность, которая значительно облегчаетъ охоту и отдаетъ его въ руки враговъ—это постоянный крикъ. Гдѣ-бы стрепетъ не былъ—въ бурьянникѣ, или на открытомъ мѣстѣ, грозитъ-ли ему опасность, или наслаждается спокойствіемъ—онъ, не смолкая трещитъ. Весною стрепетъ выбираетъ для своихъ любовныхъ ухаживаній небольшія возвышенности, куда и выходитъ утромъ и вечеромъ. Поднявъ немного крылья, распустивъ хвостъ, высоко задравъ голову, стрепетъ начинаетъ подпрыгивать и кричать—это извѣстно у охотниковъ подъ именемъ «бить тони». Рѣзкій, трескучій крикъ, которымъ наслаждаются вѣроятно только сами стрепета, далеко разносится по степи и пѣвцы входя въ такой азартъ, что свободно подпускаютъ къ себѣ охотника, особенно верхового. Охота въ это время носитъ на себѣ отбѣнокъ тетеревиной охоты, въ періодъ

токованія: вблизи бугра, на которомъ стрепета «бьютъ тони», устраивается шалашъ изъ бурьяна, или камыша и въ него съ ранняго утра засѣдаютъ охотники. Въ разгарѣ любовныхъ порывовъ раздаются выстрѣлы, но стрепетъ въ чадѣ любви не слышитъ ихъ и только послѣ вторичныхъ скрывается въ заросляхъ.

Въ полдень, когда прохладу смѣняетъ жаркій знойный день, стрепета уходятъ въ палины, въ займища и задегаютъ тамъ въ травѣ, ища прохлады и вмѣстѣ съ тѣмъ, не переставая, издавать свое «трррр». Охотники, отыскавъ мѣсто токованія стрепета, спускаются въ ближайшую палину, или, если есть собака, посылаютъ послѣднюю въ заросли и скоро притаившаяся птица выгоняется на открытое мѣсто. Охотники тотчасъ-же начинаютъ объѣзжать кругомъ стрепетовъ, какъ и при охотѣ на дрофу; стрепета остаются на одномъ мѣстѣ и только стараются плотнѣе прижаться къ землѣ, вытянувъ шею, какъ-бы желая тѣмъ самымъ укрыться въ невысокой травѣ. Въ такихъ случаяхъ мало бываетъ промаховъ—птица близко подпускаетъ и лежитъ неподвижно. Вечеромъ стрепета снова начинаютъ «бить тони», но охота не можетъ продолжаться долго, такъ какъ выходятъ стрепета на открытомъ мѣстѣ послѣ заката солнца и быстро наступающіе сумерки мѣшаютъ стрѣлять.

Охота на стрепетовъ не прерывается и во время кладки яицъ, благодаря все тому-же крику: самецъ, пока его подруга сидитъ въ гнѣздѣ, не умолкая трещитъ и тѣмъ самымъ выдаетъ свое присутствіе. При приближеніи охотника, птицы выскакиваютъ на открытое мѣсто и прилегаютъ къ землѣ. Замѣчено между прочимъ, что послѣ полудня стрепетъ дѣлается осторожнѣе и при приближеніи охотника сразу срыгается и улетаетъ; между тѣмъ въ жаркій полдень постоянно прибѣгаетъ къ вышеописанному «маневру прилеганія». Одно только спа-

саеть стрепета отъ преслѣдованія охотника во время кладки яицъ и насиживанія—это рѣзкій запахъ чеснока, которымъ пропитано мясо стрепета и которое такимъ образомъ къ употребленію уже не годится. Явленіе это обычное въ степи въ теченіе іюня, когда преобладающей травой всѣхъ лоцинъ является чеснокъ—мясо птицъ и травоядныхъ животныхъ отдаетъ запахомъ чеснока.

Осенью охотятся на молодыхъ стрепетовъ обычнымъ порядкомъ—«въ объѣздъ», но только приходится считаться уже съ высшимъ проявленіемъ чуткости, осторожности, при чемъ дичь не прилегаетъ къ землѣ, а дѣлаетъ перелеты. Болѣе удаченъ способъ охоты съ засадой въ бурьянникѣ: охотники залегаютъ въ послѣднемъ и ждутъ, когда загонщики не направятъ стрепетовъ на примыкающій къ бурьяннику бугоръ. Практикуется также способъ «подпалзыванія», съ которымъ читатели уже знакомы, при описаніи охоты на гуся.

Охота на фазана.

Фазанъ (*Phasianus colchicus*) водится исключительно въ южной части области по камышевымъ зарослямъ. Любимыми его мѣстами въ послѣднихъ являются глухія чащи, богатые мелкими озерами съ чистой водой, поросшія сочною пеленою травъ и здѣсь фазанъ ютится все лѣто. Зимой онъ выходитъ на открытыя поляны, поросшія выюнковыми и бобовыми травами, но разъ зима сурова и снѣжна, то фазанъ снова переходитъ въ глухія чащи, гдѣ всегда бываетъ меньше снѣгу и морозъ умѣряетъ свою жгучесть.

Фазанъ считается сторожкой птицей и близко не подпускаетъ къ себѣ охотника, но разъ онъ застигнутъ неожиданно, или его инстинктъ обмануть хитростью охотника, то онъ не спасается бѣгствомъ, а только ниже

припадаетъ къ землѣ, прячется въ ближайшій кустъ, или зарывается въ снѣгъ. Особенно рѣзко сказывается отсутствіе быстроты въ сообразительности фазана, во время разлива—онъ не тронется съ мѣста, пока его не станутъ поднимать водой, и благодаря этому во время половодья фазановъ гибнетъ очень много. Во время кладки яицъ, а также при высаживаніи, фазанъ крѣпко держится своего гнѣздовья и при приближеніи охотника не покидаетъ его и такъ близко подпускаетъ, что иной разъ чуть не изъ подъ ногъ срывается.

Для охотника-диллетанта охота на фазановъ изъ подъ собаки считается одной изъ лучшихъ и пріятныхъ. Только охота въ камышахъ требуетъ осторожности и большого навыка, иначе охотникъ увлеченный страстью, особенно новичекъ, рискуетъ навсегда остаться въ этомъ безконечномъ лабиринтѣ. Камыши желтой волнующейся полосой, тянутся на сотни верстъ и конца не видно ихъ свѣтло-зеленымъ метелкамъ. Здѣсь нельзя взобраться на дерево и осмотрѣть мѣстность, нѣтъ надежды набрести на тропинку, прибиться къ рѣкѣ или кибиткѣ—безбрежнымъ моремъ кругомъ тянутся сплошные камыши, усыянные озерами, болотами и скрытыми трясиными. Поэтому охота производится обыкновенно вблизи обширныхъ полянъ, образовавшихся отъ пожаровъ, вблизи степной равнины, примѣтнаго озера, причемъ выбирается чаща, богатая мелкими озерами, болотцами, лужами, которые служатъ обыкновенно сборными пунктами живой жизни въ камышахъ. Время отъ времени охотники ставятъ вѣхи, заламывая верхушки тростника.

Самою добычливою охота на фазановъ бываетъ во время половодья, когда въ камышахъ образуется сплошное море. Фазанъ, тѣснимый водой, отыскиваетъ болѣе высокія мѣста, на которыхъ и собирается довольно большими стаями. Охотники на лодкахъ подѣзжаютъ къ та-

кимъ мѣстамъ, выслѣживаютъ фазановъ и выстрѣлы, не переставая, оглашаютъ камыши.

Киргизы охотятся на фазановъ главнымъ образомъ зимою. Въ суровую и снѣжную зиму фазанъ забивается въ глушь камышевыхъ зарослей, гдѣ, какъ уже сказано, бываетъ значительно меньше снѣга и смягчается суровость морозовъ. Здѣсь трудно преслѣдовать фазановъ и зачастую охотники напрасно рыщутъ съ ранняго утра до поздней ночи по глубокимъ сугробамъ, дрогнуть на морозѣ съ сильнымъ пронизывающимъ вѣтромъ, рискуя кончить свое земное странствіе въ болотѣ, озерѣ, испытать на себѣ крѣпость кабаньихъ клыковъ, или волчьихъ зубовъ—эти экскурсіи вознаграждаются 2—3 фазанами худыми, какъ щенки. Другое дѣло въ малоснѣжную зиму, когда фазанъ выходитъ на открытыя мѣста, гдѣ и питается подснѣжною растительностью. По первой порошѣ, а послѣ по каждому новому снѣгу, киргизы чуть не цѣлыми аулами выходятъ на фазанью охоту. Оцѣпивъ небольшую равнину, съ частыми тростниковыми кустами, охотники стягиваются цѣпью, осторожно и внимательно осматривая каждый кустъ. Лишь только изъ послѣдняго выходитъ тонкая струйка пара, охотникъ въ упоръ стрѣляетъ въ кустъ, или просто съ розмаха бьетъ въ него палкой и рѣдкій фазанъ, разъ онъ приотился тамъ, избѣгаетъ смертельнаго удара. А если и выскочить невредимымъ, то пролетѣвъ незначительное пространство, онъ снова опускается, въ силу своей истощенности и холода, пытается бѣжать, но неулегшійся еще снѣгъ мѣшаетъ и новый зарядъ или палка киргиза разбиваютъ ему голову.

Охота на куропатокъ.

Наиболѣе распространеннымъ видомъ встрѣчающейся въ тургайскихъ степяхъ куропатки является — *спрая*

Сѣрая куропатка.

(*perdix cinerea*) по киргизски *акъ-куръ* и рѣдкой гостьей попадаетъ бѣлая (*p. albus*). Сѣрая куропатка съ одинаковою энергіей и настойчивостью преслѣдуется какъ охотниками, такъ и хищниками изъ животныхъ и пернатыхъ, поэтому количество ея замѣтно сокращается и тѣ районы, которые когда-то славились безчисленными табунками куропатокъ, едва насчитываютъ ихъ десятками и теперь вполнѣ заурядное явленіе—исходить цѣлый день и не найти ни одного табунка.

Излюбленными мѣстами куропатокъ являются небольшія возвышенности, поросшія кустарниками, заброшенные поля, покрытыя высокимъ бурьяномъ, а также и луга съ тучною растительностью. Зимой куропатка держится по опушкамъ лѣса, въ горныхъ расщелинахъ, словомъ вездѣ тамъ, гдѣ нѣтъ глубокихъ снѣжныхъ заносовъ и добыча пищи изъ подъ снѣга не сопряжена съ большими трудностями. Въ буранную и суровую зиму куропатокъ много погибаетъ отъ истощенія, а еще больше падаетъ ихъ въ добычу лисицамъ, ястребамъ, хорькамъ.

Охота на куропатокъ лѣтомъ производится изъ подъ собаки, а зимой по слѣду. Кому изъ охотниковъ неизвѣстны экскурсіи за этою любимою дичью, кто изъ нихъ неизвѣдалъ пріятнаго чувства отъ выдержанной стойки умной собаки, отъ прелести шумнаго полета поднятаго табуна... Вотъ оно умное животное потянуло все тише и тише, движенія его все нервнѣе и нервнѣе и, наконецъ, стойка... Охотникъ, держа на готовѣ ружье, тихо посылаетъ собаку впередъ и изъ куста съ рѣзкимъ свистомъ вырывается выводокъ, но тотчасъ-же воздухъ оглашается дулетомъ и нѣсколько птицъ, кувыркаясь въ воздухѣ, падаютъ въ заросли...

Но киргизу чужды пока эти чувства и онъ никогда не охотится за куропатками лѣтомъ, во-первыхъ за неимѣніемъ хорошей собаки, во-вторыхъ, бить въ летъ изъ де-

шевенькой винтовки онъ не рискнетъ. Зимой-же киргизы часто охотятся за куропатками. Замѣтивъ свѣжій слѣдъ, охотники или по немъ отыскиваютъ куропатокъ, или-же подманиваютъ къ себѣ посредствомъ подражанія ихъ голосу, при этомъ иногда разсыпаютъ на полянѣ просо. Куропатки, заслышавъ знакомый голосъ, высыпаютъ на поляну и, завидя кормъ, набрасываются на него, чѣмъ даютъ охотнику полную возможность лучше прицѣлиться и побольше взять однимъ выстрѣломъ.

Въ апрѣлѣ, какъ только появляются первыя проталины, куропатки спариваются и такъ иногда увлекаются своими любовными проявленіями, что совершенно забываютъ о всякой осторожности. Этотъ періодъ считается у киргизовъ—охотниковъ также удобнымъ моментомъ для охоты. Выбравъ удобное мѣсто, охотникъ начинаетъ подманивать, подражая голосу самки—куропатки, на что съ шумомъ прилетаютъ самцы, вступаютъ между собой въ бой изъ за обладанія невидимой еще ими самки и падаютъ жертвами предательскаго выстрѣла.

Охота за бѣлой куропаткой составляетъ для охотника-любителя одну изъ самыхъ интересныхъ экскурсій, такъ какъ эта рѣдкая дичь привлекаетъ не только своимъ вкуснымъ мясомъ, бѣлизной оперенія, но замѣчательной чуткостью и осторожностью, а потому и состязаніе бываетъ всегда крайне интереснымъ. Здѣсь приходится такіе маневры продѣлывать, что только охотничья страсть и можетъ дать потребную массу терпѣнія, силы и ловкости. Первая и главная задача охотника—отыскать мѣстопробываніе бѣлой куропатки, что лѣтомъ составляетъ совершенно случайное явленіе, при охотахъ вблизи горныхъ озеръ, или около небольшихъ мочекъ, а зимой—бѣлая куропатка отыскивается по своеобразнымъ углубленіямъ и ходамъ въ снѣгу, которые она дѣлаетъ съ цѣлью добыванія пищи. Далѣе, необходимо какъ мож-

но зорче осматривать мѣстность, на которой замѣчены слѣды, такъ какъ цвѣтъ оперенія, особенно зимою, служитъ для куропатки не малымъ средствомъ къ избѣжанію преслѣдованій и лишній не осторожный шагъ охотника портитъ всю охоту. Разъ куропатка замѣтитъ опасность, она зарывается въ снѣгъ, прорываетъ ходы и совершенно ускользаетъ отъ взоровъ охотника, а лѣтомъ исчезаетъ въ заросляхъ. Если же эти главные моменты выполнены безукоризненно, то можно подойти на ружейный выстрѣлъ и послѣ перваго же распрощаться съ дичью.

Киргизы совсѣмъ не охотятся на бѣлыхъ куропатокъ съ ружьемъ, а ставятъ обыкновенно силки, но и въ послѣднія этотъ видъ куропатки рѣдко попадаетъ.

Охота на рябчика.

Рябчикъ (*tetrao bonasia*), по киргизски *шилъ*, также, какъ и тетеревъ, встрѣчается по тѣмъ немногимъ лѣсамъ, которые отдѣльными борами, или небольшими рощами разбросаны по сѣверо-восточной части области. Мѣстный рябчикъ живо напоминаетъ собою тетерева, только величиною значительно меньше, такъ какъ рябчикъ немного больше голубя. Опереніе его обыкновенное—спина испещрена рыжеватыми и бѣлыми пятнами, на крыльяхъ въ верхней части замѣчаются бѣлыя, продольныя полосы и пятна по красноватому фону, маховыя перья сѣроватаго цвѣта, хвостъ черноватый, съ пепельно сѣрыми пятнами; ноги опушены до $\frac{2}{3}$ своей длины.

Рябчикъ самая осторожная, самая проворная и юркая птица изъ всѣхъ лѣсныхъ видовъ. При малѣйшемъ шорохѣ, онъ мгновенно перебѣгаетъ по стволу и такъ прильнетъ на какой-нибудь вѣтви, что въ нѣсколькихъ шагахъ иногда не удастся его различить отъ коры, благодаря своеобразному оперенію. Полетъ рябчика быстрый и

не успѣть охотникъ вскинуть ружье, какъ онъ уже скрылся на ближайшемъ деревѣ.

Охота на рябчиковъ производится исключительно весной—въ апрѣлѣ и маѣ и осенью—въ сентябрѣ и октябрѣ, когда они идутъ на *манку* или, какъ называютъ еще, на *пицки* (таже дудочка, которая употребляется на тетеревовъ, но только значительно меньшихъ размѣровъ и дѣлается въ большинствѣ случаевъ изъ гусиного пера). Въ другое время охота безуспѣшна, такъ какъ выслѣдить рябчика въ лѣсу крайне трудно, вѣрнѣе невозможно, а на пицки онъ нейдетъ, кромѣ вышеуказанныхъ сроковъ. Единственно, когда возможно еще охотиться на рябчиковъ, это во время ихъ выкорма на полянѣ, но и тутъ, послѣ перваго выстрѣла изъ подъ собаки, весь выводокъ мгновенно скрывается въ лѣсу.

Охота на пицки производится слѣдующимъ образомъ. Весною охотникъ отыскиваетъ выбранное рябчикомъ мѣсто и спрятавшись подъ однимъ изъ деревьевъ, начинаетъ подражать голосу самки, высвистывая «тй-ти-ти». Скоро лѣсная тишина нарушается рѣзкимъ полетомъ рябчика-самца, который, слышавъ томный голосъ самки, тотчасъ поднимается съ земли на дерево. Охотникъ издаетъ еще нѣсколько звуковъ и самецъ близко подлетаетъ, а иногда садится на то самое дерево, за которымъ спрятался охотникъ. Наступаетъ моментъ самый важный—нужно вскинуть ружье такъ, чтобы ни малѣйшимъ шорохомъ не нарушить тишины, иначе рябчикъ моментально скроется въ вѣтвяхъ. Киргизы-охотники хорошо это продѣлываютъ и отъ нихъ рѣдкій рябчикъ уйдетъ живымъ. Осенью на пицки охотятся точно также, только звуки измѣняются—подражаютъ не голосу самки, а птенцовъ, на которые идутъ взрослые.

Въ общемъ охота на рябчиковъ мало распространена, особенно среди киргизовъ.

Охота на лебедя.

Самымъ красивымъ, величественнымъ и гордымъ представителемъ видовъ плавающей птицы, безъ сомнѣнія, является лебедь (*Cygnus musicus*), по киргизски *акъ-ку*. Обширныя озера южнаго района области и залива Аральскаго моря покрыты стадами этой красавицы-птицы и въ вечерней зарѣ далеко несутся стройныя аккорды ихъ тихихъ криковъ. Грандіозное и величественное зрѣлище представляетъ собой заливъ Кукъ-Аралъ, который вѣзывается въ берегъ мелководными плесами, богатыми водяными растеніями, ракушками, мелкими земноводными и рыбой. На этихъ плесахъ лѣтомъ бываетъ настоящее лебединое царство—стада птицъ, то стройными рядами смѣло пускаются въ открытое море, то разбиваясь по парно, въ одиночку и безъ всякаго порядка охотятся за добычей—мелкой рыбешкой. Но и въ послѣднемъ случаѣ лебедь не теряетъ своей величественности и точно священнодѣйствуетъ, когда погружаетъ въ воду свою длинную шею. Пустынное побережье немолчно оглашается гуломъ звуковъ, порой похожихъ на отдаленный колокольный звонъ, а порой, когда все застываетъ въ вечерней тишинѣ, на отрывистые аккорды піанино.

Въ области встрѣчается главнымъ образомъ *лебедь-кликунъ* (с. *musicus*), а изрѣдка попадаются: *лебедь-шипунъ* (с. *olor*) и *малый лебедь* (с. *minor*). Самымъ красивымъ считается *лебедь шипунъ*, но самымъ сильнымъ остается все-таки *кликунъ*, который и вытѣсняетъ всѣ другіе виды.

Охота на лебедя носитъ характеръ промысла, такъ какъ лебяжій пухъ и лебяжья шкурка высоко цѣнятся среди кочевниковъ и имѣютъ хорошій сбытъ на ближайшихъ рынкахъ. Но въ общемъ она бываетъ малодобычливой, такъ какъ лебедь крайне остороженъ и близко не подпускаетъ къ себѣ охотниковъ. Лишь только лебедь замѣтитъ враговъ, онъ перестаетъ любезничать съ своей

подругой и, издавъ тихій гортанный звукъ, быстро начинаетъ удаляться въ открытое море, на средину озера, а если по берегамъ камышевыя заросли, то прячется въ нихъ. Въ силу этого, охотникамъ приходится прибѣгать къ засадѣ, или къ хитрости.

Особенно интересна охота *гонкой*, во время линянія лебедей. Съ наступленіемъ сумерокъ, когда лебедь замолкаетъ и засыпаетъ, охотники осторожно подѣзжаютъ на лодкахъ и ждутъ до утра. Чуть забрезжитъ утренняя заря, охотники быстро приближаются къ стаду лебедей, стараясь отрѣзать ихъ отъ камышевыхъ зарослей и вообще отъ берега. Проснувшіеся лебеди испуганно удаляются въ открытое море, или на средину озера, но смѣлкачи несутся на своихъ утлыхъ лодченкахъ, дружные взмахи веселъ все болѣе и болѣе сокращаютъ разстояніе. Лебеди начинаютъ уставать, ноги ихъ уже не такъ бодро работаютъ и предательская лодка приближается все ближе и ближе, а спустя немного, раздастся залпъ выстрѣловъ и нѣсколько гордыхъ красавцевъ безжизненно покачиваются на водѣ, распластавъ свои могучія крылья. При дружной гонкѣ, до такой степени можно загонять лебедей, что они едва работаютъ ногами и подпускаютъ охотниковъ вплотную. Въ этихъ случаяхъ охотники зачастую берутъ лебедей живыми, предварительно оглушивъ ихъ весломъ, ради предупрежденія со стороны лебедя сопротивленія, могущаго повлечь за собой непріятныя послѣдствія, какъ напр., перевернуть лодку.

Въ другое время охота на лебедей крайне трудна, а гонкой прямо неудачна, такъ какъ лебедь, замѣтивъ настойчивое преслѣдованіе, снимается съ воды и улетаетъ. Весною и осенью устраиваютъ обыкновенно засады вблизи озеръ и ильменей, къ которымъ лебеди прилетаютъ для выкорма. Признакомъ для удачнаго выбора такихъ озеръ и ильменей служить съ корнемъ вырванная по ихъ

берегамъ трава. Охотники залегаютъ еще съ вечера и ждутъ разсвѣта, когда начинается прилетъ лебедей, для выкорма на этихъ озерахъ. Первые выстрѣлы спугиваютъ все стадо и въ продолженіе цѣлаго дня, оно не показывается на этихъ озерахъ, но къ вечеру или къ утру слѣдующаго дня снова возвращается, но держится уже самой середины.

Охота на утокъ.

Самою распространенною и обыкновенною пернатою дичью въ Тургайской области являются утки. Вездѣ, гдѣ только имѣются озера, рѣчки, мочезины, болотца, ручьи, заливы, можно встрѣтить всевозможные виды этого подсемейства зубчатокрылыхъ (*anatinae*)—свѣзей (*anas penelope*), кряквъ (*a. boscas*), сѣрухъ (*a. strepera*), чирковъ (*a. crecca*), шилохвостей (*a. acuta*). У киргизовъ-же всѣ эти виды извѣстны подъ общимъ названіемъ *уйрэкъ*.

Съ ранней весны и до глубокой осени, всѣ водные бассейны оглашаются шумнымъ веселіемъ этой птицы, а многія остаются и на зимовку, особенно въ южныхъ уѣздахъ.

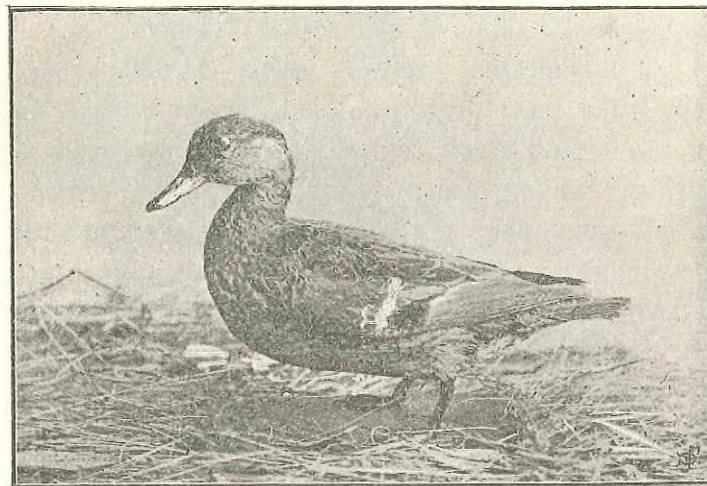
Благодаря такому обилію утокъ, охота на нихъ не сопряжена съ особенными затрудненіями и всегда бываетъ многодобычливой, тѣмъ болѣе, что утки не особенно сторожки и сравнительно близко подпускаютъ. Последнему обстоятельству не мало способствуютъ и заросли камыша, тальника, осоки, обильно растущихъ по берегамъ озеръ и рѣкъ.

Охота на утокъ начинается съ перваго прилета и заканчивается глубокою осенью съ отлетомъ послѣдней партіи, при чемъ какъ у киргизовъ, такъ и у русскихъ тянется непрерывно, въ теченіе всей весны лѣта и осени. Охотниковъ не останавливаютъ ни кладка яицъ, ни линяніе, ни ранній возрастъ выводковъ, а напротивъ эти

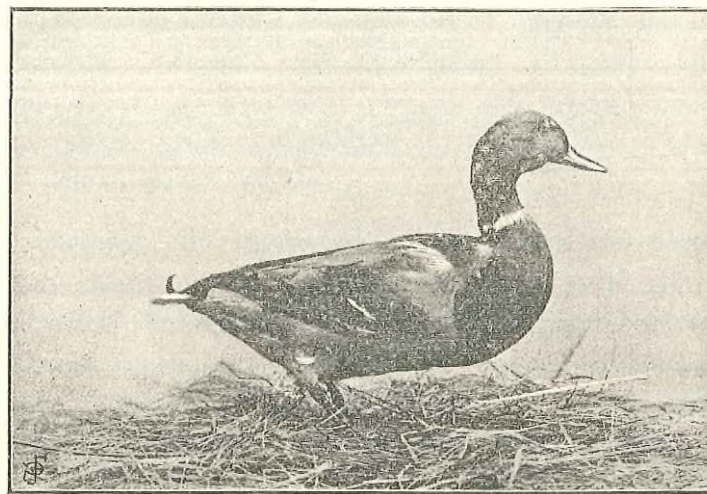
моменты считаются самыми удобными для наибольшей удачи и они широко эксплуатируют их. Только развѣ полевая работа, да желаніе сберечь припасы для болѣе лучшей дичи, какъ напр., для гусей, создаютъ въ утиной охотѣ небольшіе промежутки, свободные отъ истребленія этой пернатой дичи. Охота ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ таковой вообще въ Россіи, только роль собаки въ большинствѣ случаевъ исполняютъ сами охотники.

Во время прилета, охотятся на утокъ изъ ямъ, въ разливъ на лодкахъ, а по спаду воды на озерахъ и рѣкахъ, съ подходомъ и на лодкахъ также, какъ и при охотѣ на гусей. Кряква больше другихъ видовъ преслѣдуется киргизами-охотниками, а мелкіе виды—чирки совсѣмъ не трогаются ими, такъ какъ не стоятъ, по ихъ мнѣнію, и «ползаряда». Самыми-же удобными моментами удачной охоты для охотника-промышленника являются, какъ упомянуто выше, пора кладки яицъ, высиживания и линянія. Утки кладутъ яйца по зарослямъ камыша, осоки, но обязательно около воды, размѣщая гнѣзда близко одно къ другому, такъ что берега нѣкоторыхъ озеръ бываютъ сплошь окаймлены цѣпью гнѣздъ. Охотники осторожно подкрадываются къ послѣднимъ и убиваютъ утокъ прямо въ гнѣздахъ, или-же предварительно спугнувъ ихъ, дожидаются пока утки не выплывутъ на открытый плесъ и не соберутся въ кучу. Такой способъ болѣе добычливъ, такъ какъ стрѣляя въ цѣлое стадо, всегда можно убить сразу нѣсколько штукъ, а это для охотника-промышленника самое главное.

Въ іюлѣ утки обыкновенно начинаютъ линять и прячутся въ это время въ камышевыхъ заросляхъ. Охотники подѣзжаютъ на лодкахъ къ этимъ зарослямъ со стороны плеса и криками, ударами веселъ по водѣ, выстрѣлами выгоняютъ птицу на берегъ, гдѣ она спѣшитъ

Сѣрая утка.

Кряковая утка.

укрыться въ травѣ. Но собаки быстро отыскиваютъ птицъ и душатъ, а охотники бьютъ изъ ружей. Охота на выводки производится также путемъ спугиванія ихъ на открытый плесъ; но это удается рѣдко, такъ какъ утята быстро рассыпаются по зарослямъ, припадаютъ гдѣ нибудь къ кусту и невыплываютъ, пока не минетъ опасность. Но разъ удастся выгнать ихъ на открытые мѣсто, то уже тутъ ихъ легко перестрѣлять, особенно если подъ первый выстрѣлъ попадетъ сама мать. Испуганные утята сбиваются въ кучу и съ жалобнымъ крикомъ описываютъ вокругъ убитой матери круги, на мгновеніе рассыпаясь отъ выстрѣловъ.

Ближе къ осени начинается охота на утокъ засадой. Утки въ это время собираются въ большія стаи и ютятся по песчанымъ отмелямъ большихъ озеръ, рѣкъ, при этомъ утромъ и вечеромъ, онѣ также какъ и гуси, перелетаютъ на выкормъ на хлѣбныя поля, или просто на возвышенныя пастбища, поросшія просянищемъ и ржанникомъ. Часть охотниковъ засѣдаетъ въблизи отмелей, а часть — на мѣстахъ выкорма птицы. Съ шумомъ спускается вереница въ заросли ржанника, или просяница и громко крикая, принимается за завтракъ, но въ это время раздаются выстрѣлы, утки снимаются и слѣзая на отмели, гдѣ ихъ ждетъ новая засада.

Въ общемъ, не смотря на обиліе утокъ, на разнообразіе способовъ охоты на нихъ, на легкость и добычливость этихъ способовъ, охота на эту птицу все-таки мало развита среди киргизовъ, сравнительно, напримѣръ, съ охотою на гусей, дрофъ. Объяснить это только и можно отсутствіемъ спроса на этого рода дичь, а также и обиліемъ другихъ, болѣе крупныхъ и имѣющихъ большой сбытъ, птицъ — гусей, дрофъ, фазановъ, тетеревовъ, лебедей.

Охота на красную утку.

Охоту на красную утку (*casarca rutila*) я считаю необходимымъ описать отдѣльно, такъ какъ этотъ видъ утки нельзя отнести ни къ водяной, ни къ степной и она только по названію принадлежитъ къ подсемейству утокъ, на самомъ-же дѣлѣ красная утка относится къ подсемейству гусей и является представителемъ рода *норковыхъ гусей* (*tadarna*). Цвѣтъ красной утки глинисто-красноватый, голова бѣловатая, маховыя-же перья въ крыльяхъ черныя. Встрѣчается этотъ видъ норковыхъ гусей по всей средней и южной части области, наиболѣе богатыхъ солонцами. Красная утка любитъ ютится около соляныхъ озеръ, мочезинъ, но гнѣздовье устраиваетъ въ сухихъ мѣстахъ, для чего обыкновенно пользуется старыми барсучьими и корсачьими норами. Пищу утки составляютъ рыба, лягушки, ящерицы и трава низкихъ солонцевъ.

Красная утка крайне осторожная птица и никогда этотъ инстинктъ не покидаетъ ее, даже во время спариванія. Одинаково боится она и верхового и пѣшаго, близко не подпускаетъ на телѣгахъ, срывается при малѣйшемъ подозрительномъ шорохѣ, хотя-бы это было въ моментъ вывода птенцовъ. Кромѣ того, эта утка держится всегда попарно и никогда въ стаяхъ, такъ что и съ этой стороны не имѣется возможности на ослабленіе инстинкта осторожности, такъ обычное въ стадахъ.

Охотится на красную утку только и возможно съ подхода и главнымъ условіемъ удачи является мѣткость выстрѣла въ летъ изъ хорошаго ружья, такъ какъ приходится стрѣлять на большомъ разстояніи. Поэтому весьма понятно, что охота на красную утку у киргизовъ совсѣмъ не наблюдается, или носитъ совершенно случайный характеръ. Русскіе-же охотники-дилетанты, напротивъ, высоко цѣнятъ эту дичь за ея мясо, не говоря

уже о самомъ спортѣ, и усердно охотятся за красной уткой, хотя бы для этого нужно было пробхать десятки верстъ.

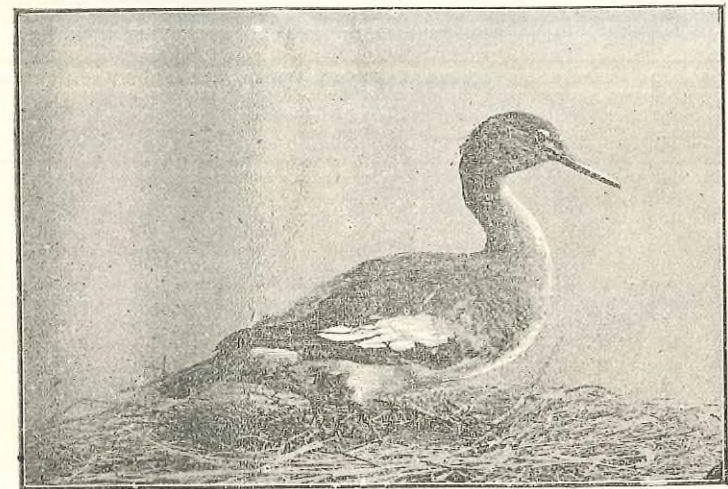
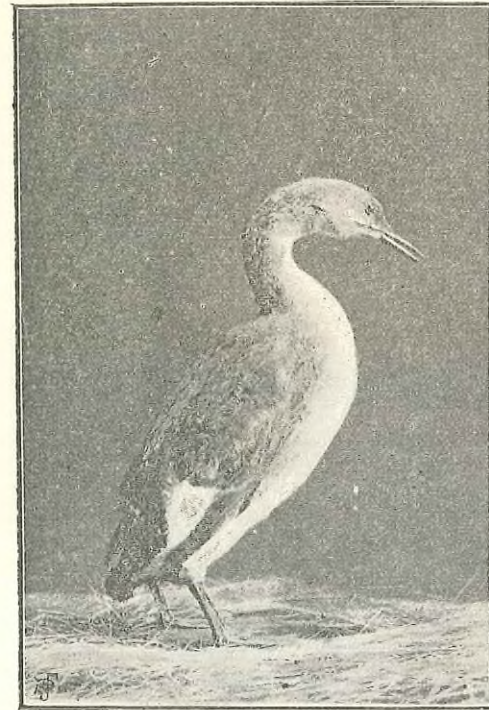
Охота на крохалей.

Крохаль (*Mergus castor*), извѣстный подъ именемъ *чалары*, во многомъ напоминаетъ красную утку—онъ также крайне остороженъ, чутокъ и также не любитъ собираться въ большія стада, а держится въ большинствѣ случаевъ попарно, выбирая глухія озера. Охота на крохалей мало привлекаетъ охотниковъ русскихъ и киргизовъ, такъ какъ мясо ихъ не вкусное, отзывается ворванью и кромѣ того охота сопряжена съ большими трудностями. Киргизы иногда охотятся за гагарой ради ея красивыхъ перьевъ, которыя идутъ въ качествѣ украшеній на шапочки у дѣвушекъ.

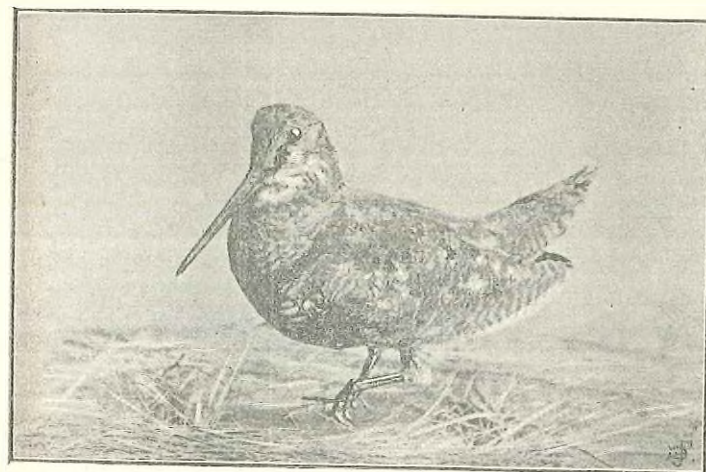
*
* *

Что касается охоты на мелкую болотную, лѣсную и степную дичь—*бекасовъ*, *кроншнеповъ*, *чиршениновъ*, *вальдшнеповъ*, *коростелей*, *дупелей*, *перепелокъ*, *куликовъ*, *вяхирей*, *турухтановъ*, *рябковъ*, то она сосредоточена исключительно въблизи русскихъ поселеній, гдѣ иногда охотники-дилетанты, въ свободное отъ службы время, выѣзжаютъ на *тягу* вальдшнеповъ, бродятъ по вязкому болоту за осторожнымъ бекасомъ, или терпѣливо переносятъ зной въ поискахъ за рябкомъ, ютящимся на бесплодныхъ песчаныхъ пространствахъ. Какъ извѣстно, для подобной охоты необходимо имѣть хорошую собаку, хорошее ружье и любить охоту, а все это совершенно отсутствуетъ у киргиза-охотника и онъ никогда не пуститъ заряда по такой мелочи, какъ бекасъ, хотя-бы послѣдній сорвался изъ подъ самыхъ ногъ.

К о н е ц ъ.

Корхаль.

Вальдшнепъ.

21

1500

Цѣна 1 р. съ пересылкой.

Складъ изданія у автора въ г. Оренбургѣ, Тур-
гайскомъ Областномъ Правленіи.